

Антон Шаманаев

СОЛНЦЕ НА КРАЮ МИРА

Роман о горизонте событий

Антон Шаманаев

Солнце на краю мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571171
ISBN 9785448347757*

Аннотация

2406 год. Инженер Артур Лесин изобрел аппарат, создающий копии объектов из ничего. «Философский камень» вот-вот будет представлен общественности, но военные власти рьяно этому сопротивляются. Артур, бывший офицер и разведаналитик, готов защищать свое детище до конца. Однако ему дают понять, что мир устроен куда сложнее. В одну картину вдруг складываются и странные обстоятельства смерти жены Артура, и его кристально ясные сны, в которых подобное происходило в российском городке начала XXI века.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	279
Конец ознакомительного фрагмента.	291

Солнце на краю мира

Антон Шаманаев

Памяти моего деда.

© Антон Шаманаев, 2016

© Ольга Шаманаева, дизайн обложки, 2016

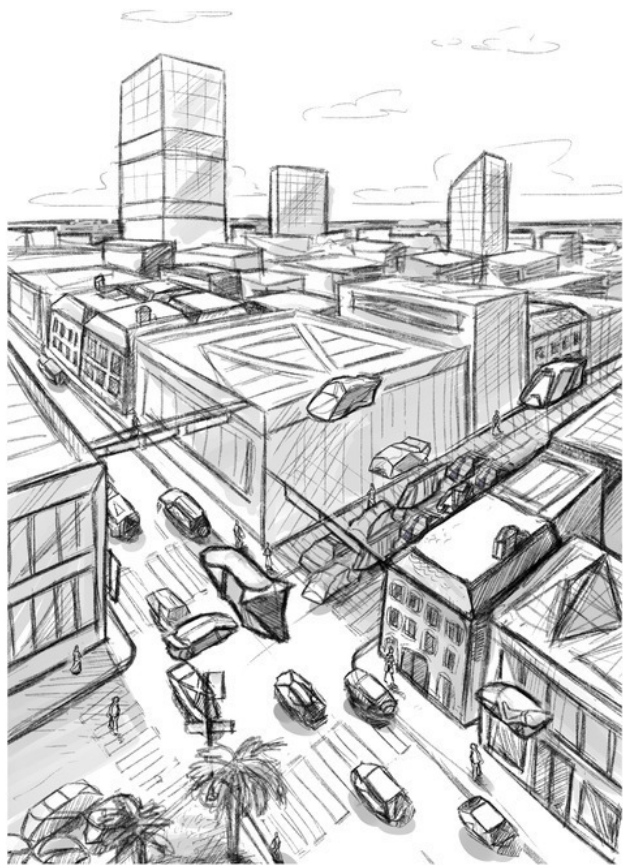
© Анастасия Евграфова, иллюстрации, 2016

© Наталья Ямщикова, иллюстрации, 2016

Редактор Анна Шаманаева

ISBN 978-5-4483-4775-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Дженнифер стоит у самого забора, прильнув щеками к доскам. Никогда его занозистым шпалам, изъеденным дождями, не выпадала такая честь. Деловой костюм добавляет театральной академичности, словно она – последний зритель величавой природной антрепризы, замерший в ожидании развязки. Силуэт ее – сизая тень, лишь алая окаемка, как нимб, очерчивает разбросанные ветром длинные волосы. Багровый солнечный свет признает только оттенки красного и черного. Черный костюм кажется темно-малиновым со спины. Черно-белая киноплёнка сквозь красную линзу...

Прикладываю ладонь ко лбу козырьком. Сдавленные светом глазные яблоки будто обдает холодной водой. В красной пелене проступают детали.

Она стоит, схватившись руками за доски, и по-женски сжимает кулаки, отставляя большие пальцы вверх. Но пальцы не спокойно лежат на дереве, а впиваются в него ногтями. Я заметил это не сразу и вновь подумал: интересно бы увидеть ее глаза с той стороны. О чем она думает? Ни одна деталь ее образа, заметная со спины, кроме этих ногтей, не выдает ее. Словно вспомнила она, что давным-давно хотела бы вырваться на волю, но не отсюда, с моего участка, у которого есть калитка, а откуда-то еще...

Впрочем, наверняка мне знаком ее теперешний взгляд.

Полные солнца и скорби глаза. Вспомнить хотя бы пленного арабского мальчугана, который смотрел из-за решетки фургона, когда его отца с подельниками уводили наши коммандосы. Мальчику было плевать на едва утихшую стрельбу, на наши уговоры и на собственное будущее. Он знал лишь, что видит отца в последний раз. Крег рявкнул ему по-арабски «все будет хорошо»; лучше б промолчал...

Огромное озеро раскаленной магмы. Будто высоко в небе разверзся вулкан и залил лавой добрую половину горизонта. Лениво, словно крем, лава стекает за край леса, за кулисы, не желая торопиться, пока в зале не зажгут свет... Тогда солнце было таким же, только вместо леса вдалеке подрагивала неровная кромка пустынных гор, а сцена простиралась во все стороны, насколько хватало глаз. Хмурое, надменное солнце. Сварливый вахтер, вынужденный наблюдать одни и те же осточертевшие лица каждое утро и вечер вот уже пятый миллиард лет...

Дженнифер шевелит рукой, и на миг колет глаза солнечный блик на ее роскошных часах, которые я заприметил еще утром, а Деев просветил, что они от Джулио Монтинатти. В офисе подобные носит лишь блистательная наша Сьюзан Морт, взявшая под них отдельный кредит, ибо на зарплату такие не купишь. А про зарплату Дженнифер Деев мне ничего толком не ответил...

Боже, что за глупости опять лезут в голову! Ведь совершенно неважно, какие на человеке часы, когда он обо всем

забывает и отдается внезапному порыву, молчаливой откровенности перед чем-то необъятным. Битых двадцать минут Дженнифер не сводит глаз с заходящего солнца. То ли сто лет не была за городом, что вполне вероятно с нашим затворническим режимом. То ли, как и мне, есть что вспомнить...

*

Утром мы были еще не знакомы, и день начинался многообещающе.

В третий раз за месяц остался голодным из-за того, что тупоголовый дрон-коптер не смог считать маячок на моем балконе. Прокатался все утро вверх-вниз мимо окна, держа в лапах коробочку с вожделенным омлетом. А когда мне надоело, и я высунулся, чтобы поймать и отнять свой завтрак, он неудачно зацепился винтом за парапет балкона и чуть не резанул остальными винтами мне по рукам. Выровнявшись, он ушел на аварийную посадку. Лапы свои при этом разжал. Фаршированный фермерской ветчиной и пассированными томатами омлет шмякнулся о мостовую, где и остался на радость птичкам.

Из кафе, разумеется, позвонили, задабривали бонусными баллами и умоляли дождаться нового омлета. Но пешие курьеры от них добираются минут по сорок, а с роботом неудача бы повторилась.

Утро без завтрака предвещает все мыслимые беды, и так

и случилось. У моего оверкара сбойнул контроллер антигравитатора, отчего всю ночь машина провисела в полуметре над землей. Аккумулятор от такого почти иссяк. Хотел я по дороге разгрести почву, а пришлось взяться за штурвал и на минимальной высоте доползти до ближайшей заправки. Все батареи на замену за утро разобрали, так что полчаса куковал, пока шла экспресс-зарядка. Оказавшийся поблизости праздничношатающийся слесарь сунул нос под капот и экспрессивно констатировал скорую кончину контроллера. Отхреначить его, выкинуть на хрен да купить новый, был дан мне совет, пока машина на ходу. А контроллер, даже неоригинальный, стоит тысячи полторы...

Список злоключений выглядел безобидно, пока я не добрался до офиса. Едва миновал проходную и вскочил на травелатор, планшет под мышкой зажужжал сообщением. Новенькая секретарь велела немедленно зайти в комнату секьюрити. Второй этаж, налево, прямо по коридору. Так и написала: «зайдите немедленно». Мальчик я ей, что ли? Вздумала напугать меня словом «секьюрити», а то мало я прослужил с оружием в руках... Спрыгиваю с травелатора и заскакываю в уходящий лифт, придерживав двери. Прыгать не стоило, нога болит...

Да, началось-то с того, что спросонья неудачно встал с кровати и подвернул ногу. Теперь весь день хромать.

В комнате с табличкой «Corporate security dept.» было тихо и пахло куревом. За терминалами сидели трое

незнакомых мне сотрудников. Уж не знаю, кто им разрешил курить. Наняли их недавно, но о курении у нас инструктируют в первый же день.

Помнится, летом на планерке Деев поднимал вопрос о собственной службе секьюрити. Корпоративная безопасность, заявил он, отсутствует у нас как явление, как иммунитет у пингвинов. Мы, говорит, привыкли жить в тепличных условиях под крылом ПАК и не думать о сколь-либо большей защите, чем глушилка банальных кибератак. Долго он дискутировал с Рустемом Аркадьевичем, который ратовал за всеильность ПАК и придирался к Дееву по всевозможным мелочам. Тем не менее, выходит, Деев своего добился...

Я вошел, все одновременно подняли на меня головы и через секунду уронили обратно. Какая слаженная команда, прямо ух!.. За двумя терминалами сидело двое очкариков, похожих, как две капли воды. Даже рубашки, белые в крупную синюю клетку, на них были одинаковыми. Может, они были и близнецы, я не рассмотрел. Сутулые спины, взгляд не от мира сего, упертые в экраны лбы. Непонятно, какую безопасность они нам обеспечат в случае вооруженного захвата. Разве что уйдут с головой в свою виртуальность, и их не заметят.

Но за третьим терминалом восседал такой колосс, словно у них было разделение труда. Он – оплот силы физической, а очкарики – силы интеллектуальной. Стул под ним болезненно скрипел при малейшем движении тела. По массе

оно наверняка перевешивало обоих очкариков вместе. Здоровенные хмурые глазищи глядели в монитор.

Большой человек сидел боком ко мне, и я прочитал его бейдж: «Ярослав Бойко».

Не успел я к нему обратиться, как в дальнем кубikle показалась красивая женщина в черном и подиумной походкой вышла на середину комнаты. Улыбнулась.

– Дженнифер Кейт Блоссом, – сказала она и протянула мне руку.

У нее был приятный мягкий голос с восточноевропейским акцентом.

Она была одета в элегантный черный деловой костюм и голубоватую блузку. Расстегнутые пара верхних пуговиц блузки нарушали строгость, открывая взору чуть больше обнаженного тела, чем положено. Темные волнистые волосы были распущены, но аккуратно уложены. Большие голубые глаза с длинными ресницами привораживали к себе взгляд. Потом я посмотрел ниже и сообразил, что блузка у нее тоже голубая – оттеняет глаза. Старый прием.

Черная леди с ярким взором... Встреть я тебя пару лет назад, через пять минут знал бы все: какой артикул у твоего костюма, в каком магазине он куплен и по какой цене, как называется твоя тушь для ресниц, кто тебе в детстве преподавал математику и какие у тебя хронические заболевания... Иногда жалеешь, что нет теперь этого изобилия информации под рукой. Постоянно забывается, что ушел я от него созна-

тельно. Рассматривал уход как приобретение. Но ведь ни одного приобретения в личной жизни с тех пор не случилось. Множились только воспоминания...

Я сделал шаг и пожал ей руку.

– Очень приятно, Дженнифер Кейт... – читал я с ее бейджа.

– Можно просто Дженнифер, – перебила она.

Я оторвался от бейджа и посмотрел на нее. Снова ее глаза привораживали.

– Артур, – пробормотал я.

Улыбаясь, она едва-едва прищурила глаза...

Дрожь по телу...

Пять лет – как один день.

*

Пять лет назад, 12 октября 2401 года, моего друга и одноклассника Артема Деева уже выгнали из Академии агентов, он работал в SP Laboratories по части искривления пространства и вносил сумятицу в стройные ряды тамошних бюрократок. Я, обычно пропадавший в командировках по бесчисленным базам ПАК, разбросанным по нашему шару, в тот день торчал в Стратосе на космодроме и в составе целой делегации инспектировал ближнеорбитальный скаут, который получил на орбите травму от неустановленного инородного тела. После обеда, сбежав от делегации, я присоединился

к Дееву в тренировочном центре Штаба ПАК.

Вечером мы с ним сидели в баре «Атомик», пили пиво и, как могли, расслабляли мышцы. Три часа кун-фу подряд – как неделя беспробудного фитнеса. Под конец первого часа меня уже можно было выносить и отжимать от пота. После двух часов я всерьез задумался о том, как дойду до дома – идти, стоять, ползти было невозможно. Добраться до бара оказалось самым настоящим подвигом. Вывалившись из такси под непрекращающиеся призывы робота быть осторожнее, мы с Деевым, как заправские пьяницы, шли остаток пути в обнимку, чтобы не упасть. В бар нас пустили лишь после того, как мы произнесли пяток скороговорок и что-то умножили в уме.

Деев, молниеносно став всамделишно пьяным, только что закончил рассказ о своих сегодняшних достижениях на любовном фронте. О том, как на утренней планерке он переглядывался с девицей из отдела технической поддержки, в коридоре поймал ее и договорился на кофе, их заметила его постоянная подруга Рита и устроила Дееву сцену ревности.

Дождавшись, когда он умолкнет, я снова принялся рассказывать о Мари. Мне было пофигу на его сентенции, а ему на мои. Так было всегда, когда мы напивались. Рассказывали друг другу каждый о своем и ждали, пока второй заткнется.

Громогласно, по-гусарски я вещал о том, как у меня выросло качество секса в браке, но особенно – какие у моей Мари глаза.

– О, мужик, ты прав! – ржал осоловелый Деев. – Грудь и задница – безусловно, но главное – глаза! Глаза – у-ух! Во-о-от такие!..

Мы гоготали вместе, пили еще, и я по новой пытался втолковать ему, что таких карих очей, как у Мари, я не видел ни у кого. Когда смотришь в ее глаза, кажется, будто у них нет дна. Как прищуривается моя француженка, когда улыбается...

Бар «Атомик» в ту пору как раз переехал в стеклянную ротонду 66-го этажа башни «Милитари Плаза», которая стоит особняком почти у самого моря. Из всех прибрежных заведений Стратоса только отсюда стало можно смотреть на закат по-человечески, через панорамные окна, а не сквозь решетку или заплеванный толстенный плексиглас на набережной. Лишь туристы, впервые столкнувшиеся с вездесущей стратосской стеной и пока не осознавшие ее масштаба, до сих пор по привычке идут в конце дня на набережную. Забавно с высоты наблюдать их разочарование.

Поднебесная ротонда нависает прямо над воздушно-морским портом Штаба ПАК, который сверху похож на круглосуточно шевелящийся исполинский муравейник. И, конечно, большинству интересно смотреть вовсе не на закат, а на выверенную до мелочей возню военных в гавани. Как лапы портовых кранов разгружают огромные корабли, как вереницами взлетают и садятся военные аэрокары. Если повезет, можно увидеть налитый черным гляncем элитный штур-

мовик Гвардии ПАК, по форме напоминающий морского ската. А если совсем повезет, на собственную площадку может приземлиться межгалактический SP-31...

В тот день получилось, что я сел спиной к окну. Обычно садимся наоборот: Дееву нужно видеть всех заходящих девушек, а моя душа просит морского горизонта.

Я говорил о Мари, и, порядочно захмелев, на полуслове неожиданно обернулся. Голова как-то сама повернулась, ни от чего. За окном я увидел вовсе не SP-31. Увидел я солнце...

Оно пылало. Оно было совсем близко, и на миг показалось, что так близко я не видел его никогда. В лицо дохнуло жаром, будто из распахнутой печи...

Оно пылало зловеще. Оно было как зверь, выглядывающий из берлоги. Как хищница-мать, вокруг которой беззаботно играют звереныши, а в ее взгляде читается только одно: «Не подходи».

Мне стало не по себе, я осекся. Деев, поймав мой взгляд, тоже вытаращился на солнце и черт знает почему сказал:

– Мари, говоришь... Мария... Кровавая Мэри...

Меня передернуло, но Деев, не делая паузы, крикнул бармену:

– «Кровавую Мэри»! Две!

Потом мы пили эту «кровавую Мэри», мой испуг проходил, однако растрясенный на кун-фу желудок не выдержал столь ядреных вливаний; я побежал в туалет, где благо-

получно выbleвал проглоченное за вечер. Умываясь, видел в зеркале свое бледное мутное лицо с полоумными зрачками. В тот самый момент происходящее начало терять смысл, хотя я не придавал значения и полагал, что просто пьян.

Спешно добрался до дома и, отпиваясь горячим чаем, думал об одной лишь Мари, которая крутилась тут же, рядом. Ночью мы упоительно занимались любовью. Не отрываясь, я смотрел, как в ее глазах отражается луна, как она улыбается и прищуривается так неповторимо... Насмотреться на Мари было невозможно. Все в ту ночь было неповторимо.

В ту ночь она еще была.

*

Усилием воли я перевел взгляд вдаль, на одного из очкариков. Кажется, для этого пришлось зажмуриться. Плевать, пусть думают, что я невротик, это полезно для субординации...

– Так вы не представились, – сказал я.

Девушка подняла брови.

– Дженнифер Кейт Блоссом.

– А... я не про то, – бормотал я, приходя в себя. – Кем вы здесь... э-э... занимаетесь?

Большой человек Ярослав Бойко ухмыльнулся. Я отвлекся на него и тут лишь заметил, что до сих пор жму руку девушки. Разжал пальцы и вновь узрел ее бейдж – там было

написано: «Руководитель службы корпоративной безопасности». Неожиданно. Думал, тут всем заправляет здоровяк Бойко.

Дженнифер поймала мой взгляд и в подтверждение прикоснулась к бейджу пальцем. Пальцы у нее были тонкие, с безукоризненным маникюром серо-синего оттенка.

– В основном, вредителями, нарушителями и шпионами, – ровным тоном шутила она. – Я хотела бы представить вам нашу команду... Это – Картрайт Ллойд, бывший киберпреступник и сорвиголова, подпольный агент ПАК в киберпространстве, эксперт по взлому коммерческих баз данных...

Бывший сорвиголова никак не отреагировал на лестную рекомендацию, да и прозвучала она как заученный лозунг. Не хотелось, откладывая свои дела, слушать блистательные биографии незнакомцев, которые не имеют ко мне прямого касательства.

– Спасибо, почитаю резюме ваших ребят на досуге, – перебил я. – У меня к вам два вопроса. Напрямик, если позволите. Кто именно вас нанял? И зачем?

Дженнифер замолкла, не отводя взгляда. Очевидно, не привыкла, что ее прерывают. Помолчав, продолжила:

– Официально мы работаем с пятнадцатого октября, а фактически я работаю с августа месяца. В конце июля мне сделал оффер Артем Деев, предложил создать в Gateway отдел корпоративной безопасности. Некоторое время ушло

на то, чтобы собрать команду. В задачи нашего отдела входит аудит информационных систем компании, – заговорила она вовсе уж чеканно, – противодействие проникновению, недопущение утечек, создание комплексной системы защиты...

– Спасибо, понятно, – снова перебил я и, чтобы сгладить ее неодобрительный взгляд, добавил задумчиво: – Деев – это хорошо...

Дженнифер корректно улыбнулась.

– Третий вопрос: *меня* зачем вызывали? – спросил я.

– Познакомиться вызывали, – сказала она миролюбиво. – Артем Палыч говорил, что вы его правая рука, а он ваша левая...

Я улыбнулся краем губ. Говоря по-английски, отчество Деева она сократила родным таким, русским манером. Но я не стал переспрашивать.

– В преддверии презентации я плотно работаю с Артемом, – продолжала она. – Он дал массу поручений, которые нужно успеть сделать к послезавтра. А поскольку в презентации и вы играете ключевую роль как руководитель проекта – мне придется плотно работать и с вами...

В слова «плотно работать» Дженнифер не вкладывала никакого второго смысла. А вот громила Ярослав, по-видимому, вкладывал. Я покосился на него – он опять ухмылялся в монитор. Вообще, физиономия у него была плутоватая и дерзкая. Будто он все-таки какой-то главный. Но если в этой комнате сидят «вооруженные силы» корпорации

Gateway, то главное меня тут никого быть не может по определению.

– Давайте пройдем в переговорку, – сказала Дженнифер, – я хотела бы кое-что обсудить...

– Ярослав, – сказал я, поворачиваясь к толстяку, – у меня к вам вопрос.

Ярослав лениво поднял голову и уставился на меня. Тяжелый взгляд из-под массивного лба.

– А вы здесь главный по чему?

Он хамски хохотнул:

– По технике! Безопасности.

Я уловил его взгляд в сторону Дженнифер: оценивающий, с лица на грудь. Затем он отвернулся обратно к монитору. Дженнифер и бровью не повела, только перестала улыбаться.

– Ярослав, простите, вы мне так ответили или это юмор?

Все притихли, очкарики перестали печатать. Ярослав, не поворачивая головы, произнес:

– Юмор. Я вопроса не понял.

– Ну так переспросите.

Он со скрипом повернулся и вновь вперился глазами.

– Простите, господин подполковник, вы не могли бы уточнить, что вы имеете в виду? – вальяжно пробасил он.

– Я спрашиваю о вашей зоне ответственности, – сказал я бесстрастно. – Вопрос достаточно простой и не предполагает шуток.

Он ответил тем же нахально-снисходительным тоном:

– Оперативный работник. Я технически провожу все наши внешние операции. Интересует что-то конкретное?

Несколько секунд мы, как бараны, сверлили друг друга глазами, потом я проговорил: «Пока достаточно, благодарю вас», и он отвернулся.

Дженнифер продолжала стоять изваянием, никак не меняясь в лице. Руки она свободно держала вдоль тела, однако пальцы были напряжены – я заметил. Волнуется. Строит из себя царицу зверей, но волнуется.

Очкарики возобновили печатание. Вот именно, стоило бы и мне пойти да заняться программой, а не корчить начальника и тратить время на не очень убедительную показуху.

– Пойдемте в переговорку, Артур, – повторила Дженнифер.

– Дженнифер, рад был познакомиться, но сейчас мне абсолютно некогда, – сказал я, смотря на часы. – И так уже задержался. Давайте запланируем встречу на днях. До послезавтра я загружен до предела.

Мой отказ обескуражил ее. Она затараторила:

– Артур, очень важно, чтобы мы поговорили до презентации! Вы серьезно недооцениваете информационные возможности и интересы ваших конкурентов! Я считаю, для вас, как для бывшего аналитика ПАК, это просто недопустимо.

Я нахмурился. Плохой комплимент, девушка. Не стоит напоминать, тем более давить на меня с помощью этого.

– Спасибо, я сам решу, что для меня допустимо, – я по-

низил голос. – От конкурентов, которых у нас, кстати, нет, нас отлично защищает ПАК. Как бывший аналитик, я знаю, о чем говорю... Прямо сейчас я занят. Напишу вам, как только появится «окно».

Развернулся и пошел к выходу. В голове вопрос: зачем так? Новый менеджер, хочет обсудить текущие проблемы; мне еще с ней работать... Показал, кто здесь папочка, но знай меру.

Обернулся у самой двери и постарался изобразить максимально дружелюбную улыбку.

– Извините, не хотел обидеть... Ближе к вечеру постараюсь выкроить время. Удачного дня!

– Договорились, – ответила она с облегчением и улыбнулась.

*

В атриуме первого этажа была толпа народу. Планерка, о которой я напрочь забыл, только что закончилась. На парапете вокруг фонтана сидели самые социально активные из наших разработчиков – те, что не рванули врассыпную тотчас по окончании совещания, а остались обсудить насущные задачи и сплетни.

Клан алгоритмистов возглавлял Платон, напяливший сегодня карнавальный кришнаитский балахон, в котором он сделался похожим на своего древнегреческого тезку. Платон

был в ударе и горланил местечковые программерские шуточки, тщась заслужить веселье сидящих поодаль девочек из маркетинга. Девочки не поддавались.

Знаменем конкурирующего клана инженеров маячила грандиозная шевелюра Ави Новшека, ссутулившегося над разложенными экранами и планшетами.

На полу возле пальм громоздились кучками маркетологи. Их было больше всех, поскольку планерка была именно у них. Тонкие, как калька, экраны валялись под ногами; силиконовые клавиатуры и тач-пэды¹ были распластаны на коленях.

Около окна, попивая из стаканчиков какао, возвышалось несколько фундаментальщиков. Белая кость. Еще пара их собратьев, решая в уме мировые теоремы, надменно слонялось из угла в угол.

Бесперывный многоголосый гам. Закатали рукава цветастых рубашек, убрали волосы, закусили губы и давай хмурить брови, тыкая пальцами в гибкие экраны. Экраны у всех разные: кто работал втроем, взяли экраны пошире и держали их в руках, как газету; кто в одиночку, расставили экраны на пюпитры. Некоторые из ярких одиночников взяли по дюжине экранов и раскладывали их вокруг себя пасьянсами.

День как день: солнце высоко над головой, лучи пробива-

---

¹ От англ. «*touch-pad*» – устройство ввода, распознающее прикосновения пальцев

ют полусферическую крышу из затемненного стекла, а под ней – рабочее утро корпорации Gateway. Сотрудники под сенью пальм и фонтанов вырабатывают креативные решения для своих разнообразных задач. Хоть мотивационные плакаты с них рисуй.

Сойдя с трелатора, вторично наступив полным весом на больную ногу, я поздоровался жестом со знакомыми физиономиями и стал глазами искать Деева. Но он сам появился из ниоткуда и хлопнул меня по плечу:

– Ты где пропадаешь? Уже Айк успел прийти на работу, а ты все спишь!

Деев был бодр и гиперактивен, как обычно. Рядом с ним стоял Айк Хоффман – зам какого-то креативного зама в отделе маркетинга. Айк непосредственно вовлечен в предстоящую презентацию, поэтому в последнее время приходит на работу утром, как все. Раньше до обеда застать его было невозможно.

Айк протянул мне руку. Одевался он теперь куда приличнее обычного: вместо толстовки с отвратительным принтом на узких плечах болталась приталенная рубашенция с отвернутыми манжетами. Я поздоровался.

– Я не сплю, у меня машина разрядилась... Вообще, я был в службе безопасности, – сказал я Дееву.

– Целый час?! Ах, да, там же Дженнифер... И что, ты так быстро? – развеселился он. – Я у нее стараюсь пропадать часа по три как минимум! Это ж настоящая Венера Стратос-

ская! – сказал он Айку и излюбленным жестом изобразил формы «Венеры». Айк охотно заржал.

– Артем, цейтнот. Что у тебя ко мне?

– Торопишься?.. Тут кое-какая жопа надвигается, надо обсудить. Сколько тебе времени надо?

– Час, – прикинул я.

– Валяй. Через час здесь же, договорились.

– Пиши мне, если что, – сказал я, отходя к травелатору.

– Пиши! Я тебе три сообщения кинул, а ты их даже не смотрел! Вибрации слушай, Тур, вибрации... – бросил он вслед, тыча пальцем на планшет у меня под мышкой.

*

Травелатор проезжал мимо сборочного цеха, где изготавливались опытные образцы. В широченные распахнутые двери виднелся футуристический лес разлапистых агрегатов. Преобладали пространственные искривители серии Stanley, численностью своей символизируя славный период расцвета нашей корпорации, когда два года назад на нас буквально рекой полились контракты, и у акционеров случился приступ «синдрома Наполеона». Вместе с контрактами хлынули новые инвестиции, поскольку мы ведь собирались строить целые собственные фабрики и захватывать мир... Столь же резко заказы прекратились, ибо в программной начинке Stanley начали всплывать сбои, один за другим.

И остался от грандиозных начинаний лишь этот постапокалиптический зимний сад невостребованных аппаратов.

В моем кабинете было пыльно и затхло. Ночью здесь не убирались. Посреди комнаты высился мой личный искривитель Porta-07, окруженный развалом собственных запчастей и отработанным материалом. Фатально изогнутые куски арматуры, растянутые до исполинских размеров пластмассовые горошины, кубы стекла, превращенные в кристаллы идеальной структуры, стеклянные болванки с вырезанными из самой середины сложнейшими предметами вроде комнатного цветка... От случая к случаю это выносилось уборщицей, моя «свалка» пополнялась подходящей всячиной со станции сортировки отходов, и из нее рождались новые жертвы экспериментов.

Вчера поздним вечером, спустя дней пять исканий, я обнаружил в программе последнюю серьезную ошибку. Последнюю, потому что больше серьезным ошибкам взяться было решительно неоткуда. Прогонять исправленную программу решил с утра, ибо башка уже не варила.

Войдя, немедленно заперся и включил питание потрепанному красавцу Porta с залатанной трещиной на корпусе. С терминала я закачал на него программу со вчерашними правками. Искривитель загрузился, надпись «Initializing²» на мониторе сменилась словами «Place material»³.

---

² Инициализация (англ.)

³ Поместите материал (англ.)

На полу валялся совсем еще не истраченный стеклянный кубик. После того, как кубик отправился в загрузчик, прошел сканирование и оказался в рабочей зоне искривителя в точно определенном месте, на экране возникло: «РО» – «Place object»⁴. Я вытащил из «свалки» первую попавшуюся вещьцу – ей оказалась круглая дверная ручка – и отправил вслед за кубиком.

Сидя за столом у терминала, запустил программу на исполнение.

Меня спасло три обстоятельства. Заслон из обширного монитора, за которым голова и плечи умещались полностью. Нагромождение барахла между искривителем и столом, послужившее баррикадой для нижней половины тела. И отсутствие таймера задержки: программа запускалась в тот самый миг, когда я нажимал клавишу на терминале.

Резкий пронзительный хлопок и отвратительный скрипучий свист, похожий на поскреб металла о стекло. Дуновение, как от взрыва петарды. Шипение со всех сторон. И тишина.

Ступив шаг из-за терминала, я понял, что произошло. На подошвах противно заскрипел стеклянный песок. Он был повсюду. Он лежал белесой пылью на столе, на полках шкафов, на полу. Он медленно опускался сверкающими льдинками с потолка и застилал тончайшей вуалью все вокруг. Спohватившись, я закрыл нос и рот ладонью и судорожно полез в ящик стола за респиратором...

---

⁴ Поместите объект (англ.)

«Сам вы, дорогой мой – несчастный виновник вашего несчастного случая», – говаривал когда-то Дееву мудрейший наш Рустем Аркадьевич Опалян.

Молекулярный песок. Вдохнешь – и каюк бронхам, месяцы кашлять гноем будешь, потом подключатся почки, пытаюсь вычистить то, что успело попасть в кровь, и добрый вечер. Надо сразу нанороботами кровь фильтровать, да и те могут не успеть, к тому же в страховку не входят...

Я спасся бегством. Не дожидаясь, пока песок осядет на голову и станет разъедать кожу, я рванул к двери, попутно глянув, что же осталось в рабочей зоне искривителя. От стеклянного кубика должен был отняться кусок, из которого в результате ювелирного искривления пространства вылеплась вторая дверная ручка, точная копия первой. «Но тут что-то пошло не так», первая дверная ручка осталась лежать в одиночестве, а от кубика не осталось и следа, если не считать радужного бриллиантового тумана – стеклянного газа, водворившегося в комнате из-за того, что стекло расщепили на отдельные молекулы. В коридоре я принялся, словно месяц не мывшийся бездомный, вычесывать из волос мельчайшие песчинки. Стекловата, а не волосы. Песчинки впились в пальцы, руки начали чесаться. Отряхнувшись, как мог, очистив плечи и рукава рубашки, я отправился в туалет, где минут пятнадцать морозил руки под струей холодной воды, пока из них все не вымылось.

Попутно корил себя за безалаберность и размышлял, че-

го опять такого в программе напортачил после не первого месяца работы над ошибками, что она меня едва не убила. Раньше она столь яро не дерзила: были проблемы, были фатальные сбои, но обходилось без разрушений... Непонятно, как вообще песок мог оказаться за пределами рабочей зоны, если по ней проходит горизонт событий. Абсурд же... Но эту мысль я временно отогнал, поскольку важнее было понять, откуда взялся сам песок. Молекулярный песок мог получиться только одним способом: во время операции MSA⁵ неверно рассчитываются координаты, и в конечном объекте молекулы ставятся слишком далеко друг от друга. Координаты молекул рассчитывает мой код. Если в нем и мог где-то возникнуть лишний *inc*⁶, то такое давным-давно выявилося бы на эмуляторе. Впрочем, предыдущие разы ошибки были именно в моем коде, так что версия подкупала правдоподобностью.

Других версий, в сущности, не было. Не может же криво работать сама операция Molecular Structure Alteration; по MSA в свое время Дэвидсон измочалил всех, прежде чем поставить свою подпись. Иные архитектурные проблемы вроде глюков в арифметике между регистрами – и вовсе из области фантастики. Процессоры проходят многоступенчатый контроль, в том числе у Дэвидсона...

---

⁵ MSA, Molecular Structure Alteration – изменение строения молекул (*англ.*)

⁶ «*inc*» – инкремент (в языке ассемблера): команда, увеличивающая значение регистра на единицу

Хорошо бы не возвращаться в комнату, пока смертоносная пыль не осядет. Тогда хоть вытру ее мокрой тряпкой, прикидывал я. Уборка займет вечность, но, по крайней мере, сохраню здоровье и инкогнито.

Из задумчивого оцепенения меня вывели вибрации в кармане, напророченные Деевым. На телефоне мокрыми пальцами пролистываю непрочитанные сообщения: новости, уведомления, спам и одно – от Дэвидсона с просьбой зайти срочно. Добралась-таки до меня его мочала, опрометчиво помянутая. Это тебе не секретарша с «секьюрити». Надеюсь, не кашляет он там молекулярным песком...

Из зеркала над раковиной на меня смотрело чудом уцелевшее в песчаной буре лицо. А с виду и не скажешь, что оно едва избежало жуткой участи. Даже прическа лежала сносно. Надо не забыть завтра побриться, подумал я решительно, а то Деев или Ида, как обычно, станут подкалывать на тему моей не востребованной брутальности. С бородой во всю широкую челюсть я в самом деле становлюсь похожим на чеченского наемника. Не помогают даже «полные доблести глаза с каплей грусти», как дразнилась Мари, просматривая мои студенческие фотки.

*

Я пересек лес железных рук искривителей Stanley, которых и в цехе тестировщиков было пруд пруди, и уперся

в стеклянный «аквариум» Кена Дэвидсона, изнутри наглухо задернутый жалюзи. На двери висела табличка: «Злая собака! Не входите до 1 ноября!». Каждую неделю он вешает свежие отпугивалки от новичков, чтобы не привыкали.

Дверь была приоткрыта. Злая собака, как и ожидалось, строчила по клавиатуре, ни на секунду не отрывая глаз от монитора. Рядом стоял такой же, как у меня, Porta-07, тоже внешне подуставший, испачканный фломастером, и каждую секунду мигал сообщениями «РО» и «Program finished». Около агрегата крутился незнакомец в зеленом халате и, как заведенный, загружал из «свалки» в искривитель разные предметы. На меня внимания не обратил никто. В углу валялась одна из прошлых дверных табличек: «Если вы не уверены, как следует реагировать, не реагируйте»...

– Кен, привет.

Дэвидсон и ухом не повел. Ассистент в зеленом халате остановился и посмотрел на меня. У него было молодое лицо с правильными чертами, которое располагало бы к себе, если б не взгляд налогового инспектора. Угрюмый, снисходительно-агрессивный, привыкший вступать в психическое противостояние и одерживать верх. Нехарактерно для младшего инженера, коим он, по-видимому, был. Странно, что раньше я его у нас не видел; такое лицо запомнил бы.

– Объект! – Кен крутанулся на стуле, непонимающе уставился на ассистента, понял, куда смотрит тот, и лишь тогда узрел меня и поздоровался.

– Если ты по поводу письма, то проблема заключается в следующем. Сегодня попробовали конвейерный тест. Тест показал, что... м-м... так или иначе, перегревается аккумулятор. Два раза делали перерывы, хотя не положено. Давали ему остыть. Но это приводит к тому, что... м-м... ни к чему, собственно, это не приводит. Не остывает он. Следовательно, тесты вынужден прекратить.

Всегда удивлялся, как с его директорским гонором сочетается крохотная комнатуха, в которой, как и во всем ангаре тестировщиков, пахнет горячей пластмассой и подпаленной пылью, а измерительные приборы и полуразобранные искривители, обвешанные запчастями, играют роль мебели и комнатных растений. Какой-то у Кена свой порядок в голове: вроде свинтил он измерители в стойку, компактно сгрудил образцы по углам, а из ближайшего закутка, как и год назад, торчит старческая лапа искривителя Multus, дающая по голове тому, кто при входе вынужденно не поклонится директорскому высочеству. Сколько было извинений, когда она вlepила по лбу Опаляну, а так и не убрал ее.

Ладно, что уж страдать. Ни одной нашей серии искривителей не удавалось избежать ошибок на тестах Кена. Кен тестирует всегда всё и всегда по-разному. Сто раз плюнул я на поверье, что если за первый час дэвидсонского тестирования искривитель не умирает – быть ему хитом. Но с тех пор, как Porta-01 на первом часе благополучно задымился, мы переделали массу всего! Недели три Кен беспробудно терзает

новейшую модификацию, и не было ни единого сообщения о серьезных ошибках.

– Какой аккумулятор? – переспросил я. – И что за тест?

– Ну какой, какой. Аккумулятор тот, что в памяти. Стабилизирующий. Питает память, в которую пишутся атомный и молекулярный пойнтеры⁷... А тест – ничего сложного, прогоняю по ASA⁸: собственно, init, m-m, пара десятков offset'ов и disp.

– И подолгу гоняешь? – я предвидел, что ответ будет ужасающим.

– В первый раз у нас получилось... Сколько там было? – спросил он ассистента.

Тот неспешно подошел к столу, отыскал в грудке пластика распечатку и зачитал:

– Тридцать семь минут двенадцать секунд.

– Ага... А потом – всё, – развел руками Кен. – Нагрелся аккумулятор, вскипел, считай...

– До девяносто восьми градусов по Цельсию, – прочитал ассистент.

– Вот-вот... так что тестирование я прервал, извини.

У ассистента был британский выговор и железный, как у робота, голос. Напомнил он моего первого сержанта, первые годы ПАКовской муштры. Мы тогда подсмеивались над

---

⁷ От англ. *«pointer»* – указатель; здесь: переменная, содержащая адрес другой переменной или координаты какого-либо объекта.

⁸ ASA, Atomic Structure Alteration – изменение строения атомов (*англ.*)

железным голосом сержанта, а впоследствии выяснилось, что у него повреждены голосовые связки в результате ранения. Где-то в Африке его задело волной от водородной гранаты. Лет через семь я своими глазами увидел, как такие гранаты взрываются. Ими сжигали целые деревни. Сержант легко отделался.

Дэвидсонский ассистент, конечно, не имел ни капли общего с нашим сержантом. Но чем-то он был непрост. Халат делал его похожим скорее на работника морга или травмпункта, чем на яйцеголового технаря.

– Ты рехнулся! – сказал я Кену. – Кто ж по сорок минут гоняет ASA? По пять тысяч моль за раз! Триста килограммов железа перелопатить на атомном уровне!.. Хоть бы «свалку» пожалел.

– Чуть меньше четырех с половиной тысяч моль, – перебивая меня, отчеканил ассистент.

– Подожди, а чего ж ты хотел? – вступился Кен. – Предположи, если это конвейер? Предположи, если...

– Да не бывает таких конвейеров! – оборвал я.

– Артур, – сказал Кен нарочито спокойно. – Ты же хорошо знаешь, какие на фабриках бывают конвейеры. И что фабрики – наши основные клиенты, да?.. В характеристиках вы пишете: время непрерывной эксплуатации не ограничено. Стало быть, увольте... Так или иначе, я вешаю таск⁹, а вы – придумывайте систему охлаждения или... м-м, ну мало ли чего

---

⁹ От англ. «task» – задача.

придумаете, – у Кена уже загружался баг-трекер¹⁰ на терминале.

– Черт возьми, Кен, это абсурд!.. Погоди, ты сейчас все испортишь! Презентация – послезавтра, понимаешь? Никто не успеет ничего придумать!

– Слушай, я как-то не понял, вам нужна обычная виза или же моя?

В этом вопросе Кен показательно принципиален. Свою именную визу «Quality assured by K. Davidson»¹¹ он лет десять старается сделать знаком качества в мире промышленного программного обеспечения. Еще сидя в SP Laboratories, создал консалтинговую фирмочку, интенсивно пиарит ее и тестирует на заказ одно-другое в свободное от работы время. Нельзя забывать, что Дэвидсон – единственная надежда Рустема на то, что Porta избежит полного провала и позора. Наши с Деевым заверения в успехе для него пустой звук, слушать о революционных функциях он не желает. Если теперь и Кен не поставит визу, случится страшное.

Спорить было бесполезно. Однако душа требовала повоспитывать упертого очкарика. Иначе так и сочтет нормой устраивать подлянки в последний день.

Мешал только ассистент: он по-прежнему стоял с листочком в руках, готовый хоть до вечера зачитывать цифры.

---

¹⁰ От англ. «bug-tracker» – программная система для внесения информации об ошибках и отслеживания выполняемых действий по их устранению.

¹¹ Качество проверено К. Дэвидсоном (англ.)

– Выйди, пожалуйста, на минуту, – обратился я к нему.

Он долго-долго смотрел на меня шучьими глазами, и, лишь когда я кивнул на дверь, кашлянул и удалился.

– Твоя взяла, Кен, только никаких тасков не надо, – сказал я, едва дверь захлопнулась. – Кинь мне детали, я сам займусь этим.

– А в чем, собственно, проблема? По инструкции требуется...

– Я знаю, что требуется, – перебил я. – Проблему зовут Рустем Аркадьевич. Получит уведомление. А, если ты помнишь, он вообще не в курсе, что ASA и прочее войдет в окончательную спецификацию. Не хватало нам скандала перед презентацией!

– Ох, да помню же я, Артур, про наши договоренности, – прогундосил он. – Я зашифрую таск, не поймет он ничего...

– Нет, ты не понял, Кен, – я сбавил тон. – Разборки все равно будут. Потому что появится таск про сбои в заявленной функции. Рустем примет решение выпилить ее из спецификации, чтобы твоя виза оказалась действительна. Только продукт получится кастрированным и не инновационным ни с какого боку! Получится второй Stanley, чуть покомпактнее, чуть побыстрее, но не принесет он и половины тех денег, которые дал Stanley. Понимаешь?

Кен кривил лицо и не хотел вникать в то, что я говорю. Сейчас его заботил лишь его собственный маленький мирок, где с одной стороны стоял подопытный образец искривите-

ля, а с другой горел на экране баг-трекер.

– Ты же не хочешь участвовать в этих разборках, правда? – продолжал я вкрадчиво. – Тебе же важно всего-навсего протестировать аппарат по своей методике. Так мы тебе предоставим такую возможность. Сегодня к вечеру.

– Дело ваше, – согласился Кен, изобразив на лице муку. – Но если что случится, я ссылаюсь на тебя.

– Ссылайся, сколько угодно. Но прежде ответь мне на один вопрос...

Кен строчил, не переставая.

– Почему ты начал тестировать конвейерное сегодня? Месяц назад ты обещал, что начнешь с ASA, прогонишь его на конвейере и сразу же отчитаешься о результатах. Допустим, я тебя знаю и заранее сделал скидку в две недели. Но завтра – последний день! А сегодня ты сообщаем, что мы виноваты в том, что ты не можешь поставить визу. Это вообще как?

– Артур, никак же ты не можешь привыкнуть к тому... – говорил он, не сбавляя скорости печати. – Что, так или иначе, тестирование – процесс особый. Поскольку мое *poblesse oblige*¹², я разбираюсь, как этот процесс устроен, а ты же не разбираешься... Поэтому тестированием занимаюсь я, а не ты.

– И что?

– Я тестирую исключительно финальные образцы, а вы...

---

¹² Положение обязывает (*франц.*)

Что вот вы мне весь месяц подсовывали?

– Что мы тебе подсовывали?

– Всякие отладочные модели и больше ничего. То, Кен, проверяй, а то не трогай... оно еще не работает, проверишь позже... Как же это называется? Мне надо проверить аппарат целиком, а у вас его... Не далее как пять дней назад мне его принесли.

– И почему ты об этом не сообщил?

– А зачем же мне сообщать? И кому, самое главное?..

– Мне! Или Дееву!

– Ну, так или иначе, Артур, я работаю с баг-трекером. Вот это мой основной... м-м, контрагент, или как там вы говорите... У нас же нет таска «давайте быстрее», правильно? Откуда я знаю, что у вас там... Мало ли, проблемы какие-то?

– Проблема всегда начинается здесь! – я постучал пальцем по лбу. – Проблема в том, что ты не видишь ни хрена дальше своего баг-трекера! Кто ответственный за выпуск Porta, ответь мне?

– Кто... Много вас, ответственных... Опалян, ты, Деев, Шпиль...

– Во-от, слышал? Какое ключевое слово?

– Какое ключевое слово? – эхом переспросил Кен.

– Ключевое слово – «вас»!

Он, наконец, оторвал руки от клавиатуры и повернулся ко мне.

– Послушай, Артур, чего ты от меня хочешь? Ты хочешь,

чтобы...

– Я хочу, чтобы ты разбирался в ситуации! Ты – ответственный за контроль качества! Ты не какой-нибудь вася пупкин, который сидит и транжирит «свалку»! Ты один из первых людей компании, – я понизил голос, – и не меньше других заинтересован в успехе нашей новой серии. Возникающие проблемы – наши. Нет «вас», есть «мы», понимаешь?

Кен молчал, подняв глаза к потолку. Толку никакого, сколько ни тверди ему на планерках, что у руководителей нет должностных обязанностей, а есть, Кен, зоны ответственности. Рвался-рвался к управлению, тебя приняли, а ты продолжаешь вести себя как узкий специалист. Зато как обсудить что-нибудь отвлеченное – в каждой бочке он затычка и эксперт!

– В течение месяца ошибки были?

– Да, были...

– Кому ты о них докладывал?

– Я постил их в баг-трекер и вешал на алгоритмистов.

– Почему на алгоритмистов?

– Потому что ошибки были алгоритмические! – сердито ответил Кен.

– На кого конкретно вешал?

– В основном, на Виту.

Тьфу, зараза! Наверняка Вита мне все и запорола. Почему я про нее каждый раз забываю? Она, небось, Кену весь месяц мозг промывала: «То, Кенчик, проверь, а это, Кенчик,

оставишь на сладкое»...

– А почему я об этом только сейчас узнал?

– Не знаю я этого! – Кен повысил голос. – Уведомления приходят всем каждый раз... Я вешаю таск, и все об этом узнают... Возможно, ты вообще не проверяешь почту?

Достали они меня с этой почтой. Да и не читаю я уведомлений, в которых ни слова про меня лично...

– Значит, так, Кен. Раз ситуация сложилась так, как сложилась, то сейчас ты откладываешь свои конвейерные тесты и берешься за остальные...

– Э-э, нет... – сказал Кен.

– Берешься за остальные проверки! – твердо повторил я. – Выполняешь все тесты, которые не затрагивают пойнтерную память.

– Артур, послушай...

– А к шести часам, – перебил я снова, – мы тебе предоставим решение аккумуляторной проблемы, и сегодня ночью – да-да, ночью! – ты доделаешь все конвейерные тесты.

Кен закатил глаза и отвернулся к терминалу.

– Есть что-то еще ко мне? – спросил я.

Кен молчал и сопел. Прямо как пацан шестилетний, сидит и сопит.

– Жениться тебе надо, Кен, – вырвалось у меня.

Он перестал дышать и вытаращился на меня так, будто я предлагал ему жениться на мне.

– Чтобы меньше был соблазн заигрывать с Витой. А то

станешь совсем похожим на ее муженька.

Я вышел из комнаты и заглянул в телефон. Уже упало новое письмо от Кена, где он описал детали «аккумуляторной» ошибки. Я выслал копию Дееву, добавив: «Эту жопу ты имел в виду? Встретимся в буфете?» Он ответил через полминуты: «Да, ОК».

В цехе тестировщиков я вспомнил про ассистента и оглянулся по сторонам. Зеленого халата и след простыл. Странный малый... Скажешь ему выйти – он и уйдет с концами.

*

– Теперь-то ты ее, надеюсь, уволишь? – сказал я, подходя с сэндвичами к столу.

– Тур, не начинай снова-здорово! – занял Деев, оторвавшись от планшета. – Выпустим Porta, после – разберемся с кадрами. Сейчас нужно решить проблему.

– Кадры нужны тебе для того, чтобы самому решать их проблемы?

– Мне только твоих идеалистических советов не хватало! Мир в данном конкретном месте устроен так, что либо ты терпишь и дрессируешь Виту, – он заговорил тише. – Либо тебя дрессирует Рустем... Скажи спасибо, что тебя это не касается.

– Спасибо, но меня это касается... Кирпичи какие-то при-ташил, – проворчал я, кивая на лежащие на столе запчасти.

Деев, жуя сэндвич, взял верхний кирпич в свободную руку и веско сообщил:

– Это – аккумуляторы, Тур, и слушай сюда. Я уже решил твою проблему. Вот этот называется ADC-722, производитель SP Laboratories... Наш... А второй – aCC-10, производитель Corlain & Co.

– Тоже наш. У ПАК и в Corlain доля есть.

– О, глянь-ка, аналитика включил! Во-первых, не у ПАК, а у Ассамблеи. Во-вторых, не доля, а скорее обременение... Слушай, говорят тебе, сюда! Этот – не наш.

Нижний аккумулятор был совершенно не похож на обычные, которые мы используем в искривителях со времен пилотного Warper-01. Он был плоским и широким, а разъемы его на вид не соответствовали никаким стандартам божеского мира.

– Корлейн... Он теперь элементами питания занялся?

– Питанием, ага, – приободрился Деев. – Комплексно! Он теперь делает сухие пайки для своих пресловутых «элитарных отрядов», да и в паковские части их продает. Но это еще не все. Сдается мне, ему рассказали про концепцию зонтичного бренда, и он понял ее буквально. Недавно в баре видел рекламу элитарной водки Corlain «для настоящих воинов». Слоган такой.

– Какой еще водки? – я помотал головой.

– Обычной. Которую пьют и пьянеют. Он решил, что настоящая военная корпорация просто обязана производить

собственную водку. Люди же должны расслабляться, Тур; в этом я его кстати поддерживаю...

– Деревенщина какая-то...

Деев махнул рукой. Из сэндвича вылетела долька помидора черри.

– Я этого «бизнесмена» с самого начала заочно похоронил. Зачем-то отгрохал базу на Филиппинах, построил пластиковое шоссе до материка... У каждого свои дворцы в башке... Не сиделось вот ему в агентах, стал делать жрачку и гнать спирт... Скакал бы в нашей Академии, летал бы в отдаленные перди галактики, толку было бы больше.

– Да ладно ты, агент из него прекрасный.

– А я что говорю? Гениальный агент, от бога! Но вот потянуло Юру в бизнес...

Деев дожевал сэндвич и повернул аккумулятор разъемом ко мне.

– Не надо так смотреть, под разъемы есть переходники. Подходят идеально. Корлейн обещал, что все его новое оборудование будет совместимо со старьем... А еще – ты не в теме? Недавно он заявил, что скоро весь мир будет питаться их электричеством и пользоваться их псионкой, и тогда наступит полный эргодизм!..

– Зонтичный, – усмехнулся я.

– Угу. Хочет вытеснить из-под Верховной Ассамблеи не только оружие, но и OpenMind. А потом и SP... А потом и Ассамблею распилит...

Я вспомнил про остывающий чай и отхлебнул большой глоток.

– Ладно, кончай зубы заговаривать. Колись, что ты придумал с аккумуляторами?

Тёма с удовлетворенным лицом откинулся назад и поправил изящные очки в тонкой оправе. Зачесал сегодня свою шикарную челку аж стоймя, пижон. Спросишь зачем – наверняка скажет: не видишь разве, чтобы гармонировала с завитками на рубашке! Полгода уже ставит пастой волосы то так, то сяк. Без смеха не вспомнишь, каким лысеньким был семь лет назад в Академии, а едва сбежал оттуда – отрастил хаер и заделался самым модным среди коллег-гиков, сначала в аналитическом центре Штаба, потом в SP Laboratories. Имей столько обаяния, как у Темы, я бы бомжом ходил, а друзья и подруги продолжали бы липнуть. Но Деев-то – личность! У него – вкус! Мало ему быть любимчиком, хочет и снаружи казаться идеальным.

С тех пор, как тогда в «Атомике», удрученный, признался, что больше не желает, чтобы его воспринимали как дурашливого «лихого казака», старательно модернизирует свой внешний образ, сохраняя, однако, развеселую внутреннюю энергетику. Убойный коктейль, от которого штабелями ложатся теперь уж все, а не только SP'шные девочки-ботанки.

Сегодня как раз был такой коктейль: зауженные хакисы, замшевые туфли, рубашка, вся в лиловых узорах, с блестящими запонками. Вечером, стало быть, на свиданку...

Удивительно, как порой при виде расфуфыренного Деева встает в памяти какая-нибудь из наших минорных посиделок в «Атомике» или «Капернаууме», когда бывал он огорчен и подавлен сотысячным драматическим поворотом своей любовной саги или переживал насчет возраста и бессмысленности сущего. Страстно топил он переживания в вине и откровенных беседах, желая оставить их в стенах бара навсегда. Теперешний Деев, безупречно наряженный и уверенный в себе, иногда видится мне будто в перспективе, со всей подноготной на заднем плане. Ничего в ней нет особенно нехорошего, чего бы он опасался или стыдился (не считая зачатого в те времена пивного животика, который он нынче уничтожает фитнесом). Просто мне его обратная сторона известна, а другим нет. Так же, как Дееву известны мои тараканы, пожалуй, лучше, чем мне самому.

Тема смаковал паузу и таинственно откашливался. Не было и сомнений, что наш изобретательный казак, светлейшая голова, в очередной раз всех выручил и умудрился решить проблему с аккумулятором за те семь минут, пока я унывал от письма Дэвидсона и брел в буфет.

Рядом с нами возникли Елена и Натали из отдела маркетинга. Они, как всегда, были в открытых летних платьях и на шпильках, чем приводили деевские гормоны в полную боеготовность. Девушки встали в конец очереди, неторопливо изучали салаты на витрине и осматривались вокруг. Так, вместо рассказа об аккумуляторах немногочисленная публи-

ка (в буфете было человек пять, из которых трое – тетушки из бухгалтерии, а еще двое – фундаментальщики) услышала историю черт-те о чем.

– Это случилось давно, когда я был совсем юным и неиспорченным, – начал Деев звонко, чтобы девушкам было слышно. – Стояла весна, набухали почки. По улицам ходили красотки, настроенные по-весеннему. И вот как-то раз, гуляя по парку, я подошел к одной симпатичной девушке... Вернее, их было две, – он стрельнул глазами в девиц, обернувшихся на голос.

Прорва слов всякий раз вылетает из Деева за считанные секунды. Поразительное действие оказывает оживление шила в его заднице на речевой аппарат: дикция обостряется, скорость зашкаливает. Мог бы стать кассовым стендап-комиком, если б не прозябал у нас исполнительным директором.

– ...улыбнулся и сказал: «Привет! Видишь, у меня два аккумулятора. Они любят друг друга. Мы живем втроем уже много лет и понимаем друг друга с полуслова. И вот сейчас они увидели тебя, и ты им очень понравилась. Они уговорили меня подойти к тебе и спросить об одной важной вещи... Да, кстати, как ты думаешь, кто из них – мальчик, а кто – девочка?»

Занавес. Не хватает лишь аплодисментов. Девушки хихикают и отпускают одобрителльные комментарии. «Артем, ты начал новый цикл порноминиатюр?» «Они оба мальчики,

да?» «Расскажи, что было дальше...» «Ты не угадала, они не мальчики. Ты наказана. А тебе завтра расскажу продолжение...»

Я многозначительно гляжу в окно и жую пирожное.

– Ну? – сказал я, когда Елена с Натали, наконец, взяли салаты и сошли с Теминого радара.

– Не занудствуй, корнет! – поморщился он и заговорил по сути: – Короче, тема в том, что у 722-го есть датчик температуры, а сие значит, что искривитель может на ходу измерять температуру аккумулятора и, если надо...

– ...отключаться, что ли? – обрываю я. – Нам нужна система охлаждения, а не аварийного отключения!

– А мы поставим несколько одинаковых аккумуляторов! И между ними воткнем вентиляторы. Пока один будет нагреваться, остальные пусть охлаждаются, а потом перемкнемся на другой, и так далее.

– Сдается мне, в Porta влезет всего один такой кирпич...

– Ага-а! – Деев аж засветился. – В этом случае мы переходим к плану «бэ»! С корлейновскими аккумуляторами тема обстоит иначе: по ширине они подходят, а по высоте они тоньше; и, кроме того, голым датчиком температуры Корлейн не обошелся – эти можно по-хитрому запрограммировать, чтобы переключались сами, автономно от искривителя!

– Ну не настолько они и тоньше... Штуки две засунуть можно, не больше.

– А больше и не надо, – перебил Деев с нетерпением. – Ес-

ли грамотно спрограммировать, они вдвоем управятся, и все будет тематически!.. Осталось нарыть в Космонете руководство по ассемблеру для корлейновских аккумуляторов. Сами справятся...

Он отвлекся на свой планшет, в который сыпались письма. Внезапно помрачнев, объявил:

– Ну вот... Обещал тебе жопу – получи. Релиз¹³ до сих пор не готов.

Я вылупил глаза. Деев обреченно жевал пирожное.

– А что тогда Дэвидсон тестирует? Он сказал, пять дней тому назад ему...

– Отладочную версию он тестирует, – гавкнул Деев.

Нависло молчание. Деев отрывисто бил пальцем по экрану планшета.

– Думал, ты под словом «жопа» имел в виду проблему с аккумуляторами.

– Я тоже так думал! Но у Виты нашлись фокусы в рукаве... Вот стерва тупая! – зашипел он внезапно. – Я ее по стене размажу! В сексуальное рабство продам!

Начинается... Сейчас опять поперет холерическая суть, которая уже стоила Теме двух премий и только укрепила позицию Виты в роли жертвы его произвола. Чуть монитор тогда не разбил от ее истеричных писем с фотографиями синяков на руке, хотя он лишь схватил ее двумя пальцами

---

¹³ От англ. «*release*» – здесь: финальная, самая полная версия программного обеспечения.

и ждал чуть сильнее обычного. И тоже ведь, дурак, писал в ответ длинные письма, отчего-то надеялся, что общественность его поймет и поддержит. Общественность и без уговоров негласно была на его стороне, даже сама Вита в своей извращенной манере симпатизировала Дееву. Жаль только, со стороны все выглядело так, что наш дамский обожатель вдруг становится свиньей и неконтролируемо извергает оскорбления.

– Да погоди, успокойся... Не хватало, чтобы как в тот раз... Ну хорошо, сейчас пойдем к несравненной, и я контролирую, чтобы ты влупил ей корректно, – успокаивал я.

– Тур, какого черта? – негодовал он вполголоса. – Месяц назад они должны были сдать релиз! Месяц!.. Дитя она малое, за ней бегать?

– Сам ты где-то дитя. Уволил бы ее давно. Ан нет – не увольняешь, зато издеваешься.

– Это я-то издеваюсь?!

Я протянул Дееву еще чаю и спешно переменял тему, чтобы он не расписывался окончательно.

– Расскажи мне лучше о Дженнифер Блоссом. Где ты такую откопал?

Он мгновенно оживился.

– Тебе понравилась? То-то. Не Виточка какая-нибудь, черт ее дерит!.. Сам рекрутировал. Видел, какие формы?

– Ты в безопасность по формам отбираешь? А то смотрю,

господин Бойко тоже формами не обижен.

– Это какой Бойко, Ярослав? – он посмотрел на меня дольше обычного, стараясь определить истинный подтекст вопроса. – Тур, ты давай не заблуждайся насчет этого. Я нашел ее исключительно по профессиональным качествам и рекомендациям с прошлой работы. А работала она там же, где мы все – в SP.

– Я в SP не работал.

– Ну ты-то оригинал, спору нет, – передернул Деев. – Так вот, лично я с ней, как оказалось, несколько лет работал бок о бок, но знаком не был. Чудовищное упущение с моей стороны, да. Но так уж сложилась ее судьба, что свела нас только сейчас.

Я усмехнулся.

– До сих пор не понимаю, как она от меня скрывалась, – продолжал Деев. – Учитывая, что пять лет занимала не последний пост в службе безопасности SP... Как хочешь, а это талант.

– Не последний пост? Да в SP половина народу занимается безопасностью! Одних младших аналитиков сотня или две.

– Ну, она была старшим.

– Старшим – да! – засмеялся я. – Старшим все двери открыты...

Деев нахмурился.

– Слушай, ты чего взелся? Она классный специалист с хорошей командой! Мы ее два месяца только проверяли

на профпригодность.

– Профпригодность, – передразнил я. – *Так* это теперь называется?

Деев перешел на шепот.

– Тур, ты че, придурок?! Да не трахал я ее!

Я скорчил клоунскую удивленную рожу. А Деев расхохотался.

– Тебя раскусить, как два пальца, Тур! Выключи, выключи пантомиму!.. Разведчик, блин. Это и хотел у меня выяснить, да? Окольными путями, как студент, ей-богу! А напрямик не судьба спросить, по-пацански? Всегда ж твой первый вопрос, когда я тебе рассказываю про какую-нибудь василису: «Деев, ответь мне на главный вопрос...» Слу-ушай, – он прищурился, – а не влюбился ли ты, Борисыч?

О, боже! Сам он студент, этот Деев.

– С чего ты взял? – сделал я покерное лицо.

– Да ни с чего! Пальцем в небо, – подозрительно сказал он.

Я безразлично махнул рукой.

– Меня больше интересует Бойко. И его выпирающие наружу амбиции.

Деев отодвинул от меня физиономию и поглядел с сомнением.

– Не замечал у него особых амбиций... Бойко долгие годы работал в службе безопасности разных госпредприятий в России. Учился он в казанском политехе, работал там же, потом в Подмоскovie. Года полтора назад приехал сюда, по-

шел в SP Laboratories...

Я поднял одну бровь.

– То есть он даже в ПАК не работал?

– А зачем мне паки в безопасниках? – возразил Деев. – У них, как у тебя, сплошная война в башке. Они умеют только баррикады строить и стрелять по врагам из гранатометов.

– А сам ты, тем не менее, лейтенант ПАК в отставке.

– Ты не путай! – помахал он пальцем. – Я – лейтенант Гвардии.

– Ах, ну Гвардия – конечно...

– А сам-то? Гвардии агент.

– Так у меня же война в башке!

– Перестань, – машет он, устав препираться. – Я говорю о том, что паки мне тут не нужны. Из Гвардии кого-нибудь взял бы, но они слишком дорого хотят.

– Ну допустим. Значит, они в SP вместе работали, и ты их коллективно сманил к нам?

– Примерно так. Хотя в SP они работали в разных группах.

– А вот теперь, – придвинулся я ближе, – Деев, ответь мне на главный вопрос. В каких они отношениях?

– Ха, я же говорил! Ревнуешь? – развеселился Деев.

Вновь покерное лицо было ему ответом.

– Романы между коллегами у нас не приветствуются, ты знаешь, – сказал он. – Исключение, если один из коллег – я... Да хватит на меня так смотреть! Ладно, раз настаиваешь,

сделаем и для тебя исключение.

– Ты не ответил.

– Слушай, я в их дела не лез, – помолчав, сказал он без всякой охоты. – И тебе лезть – никакого резона. Вроде раньше у них что-то было. Давно. К нам это не имеет отношения... И к тебе не имеет отношения, что бы ты там по поводу нее ни замышлял.

– Ничего не замышляю. Такое по твоей части.

Деев лишь молча закатил глаза.

Время тикало, мы завершили трапезу и понеслись к алгоритмистам. Сбежали с очередного травелатора и почти подошли к комнате Виточки, как вдруг я сообразил:

– Тема, а зачем ты взял два аккумулятора, если ADC заведомо не подходит?

Именно в этот момент мимо проплывали Елена и Ида, проводившие экскурсию молоденькой стажерке из маркетинга. Ида была к Дееву индифферентна, а Елена вновь состроила глазки. И Дееву ничего не оставалось, как немедленно вернуться в роль, в которой он дебютировал в буфете. Сделав страдальческое лицо, он, потрясая аккумуляторами, продекламировал во всеуслышание:

– Черствый сухарь! Ты не понимаешь!.. Они очень любят друг друга!

Дверь Деев так и не открыл – она распахнулась сама, а навстречу выбежал высокий парень в очках и мятом, заплеванном маслом халате, надетом на чуть менее мятую и засаленную рубашку. Вслед за парнем выпорхнула сияющая Виточка, но тотчас замерла, краем глаза увидев нас. Повернулась, хищно поглядела на Деева, затем на меня.

– Приветик, ребята! – сладко затараторила она. – А я как раз хотела, чтобы вы зашли. Мы только что закоммитили все фиксы и, наверное, пора бы отдать релиз Кенчику, чтобы он протестировал все вместе еще раз, но я не очень уверена, что там все будет без ошибок, и, конечно, сегодня мы всего не исправим, но у меня вот накрылся баг-трекер, на винчестере что-то корраптилось¹⁴, поэтому я сейчас совсем без рук, вот так! – она засмеялась и откинула назад волосы, съехавшие на лицо; волосы были невымытые. – Ну давайте, вы заходите, а мы сейчас вот с молодым человеком... э-э... с Кешей зайдем на хелп-деск¹⁵, может, они чего посоветуют, а потом сразу вернемся, хорошо?

Виточка мило осклабилась и заморгала глазками. Молодой человек Кеша, у которого были такие же невымытые и нечесанные волосы и, вдобавок, отвратительная борода,

---

¹⁴ От англ. «*corrupt*» – здесь: портиться (о данных).

¹⁵ От англ. «*help-desk*» – отдел технической поддержки.

стоял рядом и тоже кривозубо скалился. Вместо парфюма от него несло «естественным ароматом».

Живая иллюстрация типичной для программистов проблемы внешнего вида. Королева рока и ее рыцарь. Когда б знал Деев, из каких обсосов, не ведая стыда, сформирует Виточка свой отдел, прописал бы под нее отдельный регламент. Однако сам я думаю, что и регламент не помог бы. Пару недель назад на планерке намекнули же ей, что у нас нет исключительных сотрудников, коим позволено не стирать одежду и не мыть голову. Даже Рустем промолчал, хотя обычно в ответ на подобное вторил Вите про умение «добиваться отличных результатов», если ей не мешать. И вот, пожалуйста – Кеша.

Мы с Деевым злорадно переглянулись. Сегодня, по-видимому, тот самый день, когда аргумент про «отличные результаты» утратит свою силу навсегда.

– Какого черта финальный релиз до сих пор не у Дэвидсона?! – бросил я первую подачу.

– Постой, Артур. Извини! – немедленно посерьезнела она и надела маску корпоративной стервы, коей всегда хочет казаться. – Кену месяц назад все-все было предоставлено, и он целый месяц уже тестирует Porta, каждый день заваливает нас тасками... Вот Иннокентий подтвердит. С Кеном мы согласовали процесс так, чтобы и ему было что тестировать, и мы могли быстро исправлять баги¹⁶...

---

¹⁶ От англ. «bug» – здесь: ошибка в программе.

– Кто позволил тебе плевать на регламенты?! – завопил Деев. – Дэвидсону с самого начала нужно давать финальный релиз, это тебе кто угодно подтвердит, включая Опаляна!

– Во-первых, регламент придумал сам Дэвидсон и сам решил мне от него отступить. Во-вторых, господа, поучитесь-ка манерам! Если ко мне претензии, оформляйте их письменно, а не орите на меня в присутствии Иннокентия.

– Где результат, Портман?! – взбеленился Деев. – Какие еще письменные претензии? Вы месяц назад должны были сдать релиз!

– Твоя «оптимизация» работы с Дэвидсоном привела к тому, что конвейерные тесты он начал только сейчас! – вставил я.

– А я тут при чем? – отбивалась Вита, сверкая глазами. – Он сам решает, что и когда тестировать. Идите к нему и с ним выясняйте... Пойдем, Иннокентий.

– Я был у него, – сказал я. – И выяснил, что он уже пять дней тестирует финальный релиз! Который на самом деле таковым не является. Ты соврала ему! Для справки, это служебный подлог.

Я чувствовал себя идиотом оттого, что наше с Деевым горлопанство не имеет под собой реальной силы.

Не может Деев взять и вышвырнуть Виточку без санкции Рустема. Сколько было излияний о том, как угнетено из-за этого его достоинство. И как несправедливо, что всякий раз Вита предстает эффективным менеджером: все письма у нее

написаны, поручения розданы, руководители предупреждены, должностные инструкции соблюдены. А что от нее требует самодур Деев – сверхусилия, каковые она предпринимать не обязана.

Вита ничего не ответила, лишь коротко посмотрела на меня. Взяв своего запятнанного рыцаря под руку, она продефилировала мимо, смерив Деева взглядом, в котором сочетались превосходство, вожделение и жуткое довольство собой. Прошла, повивая задницей, а Деев, как помоями облитый, воззрился на меня, и я понял, что сейчас – рванет.

Все произошло молниеносно, помешать я не успел. Деев впихнул мне аккумуляторы; одним размашистым движением, будто шпагу, выхватил из брюк ремень, подскочил к Вите и влупил ей со всей силы по заду.

Она остановилась как вкопанная, побледнела и схватилась за ягодицу. Вместе с ней замер и Кеша с дебильной улыбочкой на лице. Потом я понял, что это не улыбочка, а лицо у него такое.

– Все баги закрыть сегодня до восемнадцати ноль-ноль!! – проорал Деев ей прямо в лицо. – Иначе в следующий раз выпорю публично перед всем офисом!.. И тебя тоже! – добавил он Кеше, отчего тот угловато вздрогнул всем телом.

Отшатнувшись, Вита принялась отступать, ускоряя шаг и непрерывно отбрасывая с лица волосы. Она продолжала нахально-удивленно скалиться и кричала вслед Дееву:

– Выпорешь публично?.. Ну-ну. Обещаешь, начальник?..

– Ложь в почте открытым текстом!..

– Неужели? Когда это? – крикнула она с уносящегося травелатора.

– И чтоб на глаза мне до вечера не попадалась!!.. – вопил Деев вслед исчезнувшим за поворотом двум фигурам.

Назад он плелся весь красный, понутив голову, не обращая внимания на людей, которые проезжали мимо действия на травелаторе, оборачивались и шептались.

– Стерва... Нечего на меня так смотреть, – огрызнулся он, взглянув на меня. – Мне это было необходимо. Пусть боятся, я не паинька...

Я вздохнул и похлопал его по плечу:

– Будем надеяться, обойдется без жалоб в трудовую инспекцию.

– Срать я хотел на эти жалобы... Аккумуляторы не потерял? Пошли к Джорджу.

На сей раз он без приключений открыл дверь, ткнув пальцем в дактилосканнер. На экранчике загорелась его зубасто улыбающаяся физиономия, мы прошли внутрь. Там меня ожидал следующий сюрприз.

*

У алгоритмистов было как всегда: кругом бардак. Столы завалены гибкими экранами, фигурками супергероев, ручными безделушками, кружками с заплесневелым кофе, объ-

едками сэндвичей и раскуроченными компонентами искривителей. На стенах сплошь распечатки констант, кодов ошибок и дурацких шуток из Космонета. Пол заставлен малопонятными диагностическими аппаратами, без кожухов, с торчащими наружу огрызками проводов.

Свеженьких юнцов типа Кеши с моего последнего визита прибавилось. На некоторых даже были чистые рубашки, прямо из магазина. Омоложение кадров, догадался я, оглядывая местных старожилов, чудаковатых бородачей, которые были старше юнцов от силы лет на пять. Аборигены аборигенами, а на деле – высококлассные эксперты, и даже без Дэвидсонского апломба. Жаль, никакой у них самоорганизации: кого поставят во главе, того и слушаются. Был у них за старшего рохля Джордж, казавшийся Рустему пустым местом, сместила его стервозная Виточка, а им все божья роса.

Впрочем, нет, у алгоритмистов было не как всегда. Раздраконенные приборы действительно валялись на столах, но были сдвинуты в аккуратные кучки. Несколько распечаток с особо маргинальными шутками отсутствовали. Подвешенный на стене экран с трансляцией приколов с anecdote.fun.e был погашен. Даже криворукий Stanley-1, всякий раз избиваемый входной дверью, оттащили с прохода и аккуратно связали в углу.

Бородачи сосредоточенно морщили лбы и таранились в экраны. То и дело барабанили по клавиатурам и водили пальцами по тач-пэдам. Мы с Деевым быстро поняли, что

бурная деятельность лишь имитируется.

Джорджик, сидевший поодаль, увидел нас, бесшумно встал и, оглядевшись, подошел кошачьим шагом.

– Здравствуйте, ребята, – пролепетал он. Джордж был таким, как обычно, только еще пришибленнее.

– Капрал Честер, доложите обстановку, – вполголоса острил Деев.

Но Джорджу было не до остроумия. Вместо ответа он чуть пригнул голову и беспокойно оглянулся.

– Что с тобой? – спросил я.

– Да не... Ничего, – мямлил он, грызя ноготь. – Просто дел куча, я не успеваю... А вы чего хотели, ребята?

С монитора Джорджа, повернутого почему-то к нам лицом, взирала фотография разодетой в кружева и размалеванной Виточки с их семилетним сынулей на коленях. Мальчугана для фотосессии облачили в смехотворный костюм английского дворянина. С той легендарной попойки в Бирмингемском математическом все у них с Витой шиворот-навыворот: внебрачный сын, внезапный, уму непостижимый брак, двойная фамилия Джорджа задом-наперед – Портман-Честер – и подкаблучная его семейная жизнь, а равно и карьера.

Я вторично обвел взглядом лабораторию. Сидевший ближе всех Платон, на котором вместо балахона теперь был белоснежный лабораторный халат, что-то усердно паял. Понаблюдав за ним, я увидел, что паяет он одно и то же: отдирает

и припаивает снова. Но никакого источника тревоги не просматривалось.

Платон, наконец, почувствовал на себе мой вопросительный взгляд, поднял голову и одними глазами указал куда-то в угол комнаты. Там ничего не было, кроме локальной «свалки» около стола Джорджа, горы пластиковой бумаги на полу и чьих-то лыж, очевидно, приросших к стене за долгие годы.

А Платон, указав на воображаемого противника, вдобавок, многозначительно приставил ладонь к виску. И вернулся к квазипайке.

Тут я узрел, чего они перепугались. Точнее – кого. В углу возле лыж возвышался холм зеленого цвета с хлястиком на вершине. Когда «холм» распрямился, я узнал дэвидсонского биоробота в зеленом халате. Он и здесь прилип к куче пластиковой бумаги и самоотверженно в ней рылся. С прежней брезгливой гримасой, словно это мы пришли и роемся в его офисе, а не наоборот. И патологической манерой глядеть пристально, будто детектив, от которого, несмотря на кажущуюся отрешенность, не ускользает ни одно твое движение.

Честь, значит, отдал мне Платон. Выходит, нами опять заинтересовались военные. И что-то мне подсказывает, не просто военные, не ПАК, а сама Ассамблея...

Деев тем временем втолковывал Джорджику про аккумуляторы. Тот часто кивал и озирался. Чудила, ему-то чего бояться? Не директор и даже не менеджер. А Деев – тот еще

жук! – уловил уязвимость психического состояния Джорджика и в жестком тоне брал с него обещания про кратчайшие сроки.

– ...и, Джордж, даже не думай сваливать задачу на Виточку и ее студентов! Она, во-первых, уже получила от нас по заднице – в прямом смысле. Во-вторых, по аккумуляторам мы решили загрузить именно тебя, чтобы так уж явно не подставлять Виточку... Почему? Потому что она с ними все равно не справится. А мы не хотим ее уволить по статье, верно ведь?

Будто бы наперекор Джорджу, я испытывал по отношению к зеленому халату обостренное бесстрашие. Хотелось выкинуть какой-нибудь начальственный жест, как давеча с Бойко, чтобы обозначить, кто тут главный и что военными меня не запугаешь. Кто он, интересно, по званию? Агент ли?.. Салага фанфаронистый! Сессию в Академии агентов провалил, теперь выслуживается, думал я и фантазировал, как бы утереть ему нос. Смешала мою отвагу одна-единственная мысль – воспоминание о стеклянной пыли. Контролеры из ПАК обычно совершают обход по помещениям компании. Состояние моего кабинета вызовет категорически неудобные вопросы.

Слава богу, решение пришло быстро. Пока Деев наставлял Джорджика, я зашагал к его рабочему месту. Сделал вид, будто что-то ищу, и стал копаться в пластиковых листах у него на столе.

Зеленый халат, как по нотам, тотчас вылутился на меня. Я выпрямил плечи и уставился в ответ. Против ожиданий, в упор на меня глядел отнюдь не Дэвидсонский ассистент, которому кивнешь на дверь, и он послушно исчезнет. Глядело на меня непонятно что. У детектива в лабораторном халате образовался тяжелый, грозящий взор бойца, беспощадного и профессионального убийцы, готового нанести удар в любую секунду. Меня покорило. Давно не играл я в такие гляделки...

Однажды в Египте договаривались мы с бедуинами, чтобы показали нам дорогу к стоянке исламистов. Был среди них один задиристый, – звали его то ли Абу, то ли Али, – он выступал лидером в переговорах и любил так же подолгу сверлить соперника взглядом. Из наших самое ангельское терпение оказалось у меня. Как потом рассказывал Фрайд, со стороны я выглядел непрошибаемым, хотя внутри, помню, все подрагивало. Они были вооружены внушительно, да и нам не хотелось подымать шум, поэтому в тот момент переговоры были единственным выходом. Но Крег то и дело сжимал рукоятку автомата, и, видя его запястье в капельках пота, мы с Фрайдом знали, что рано или поздно он начнет стрелять...

В куче, где рылся этот детектив, были, в основном, распечатки спецификаций по нашим искривителям первого-второго поколения.

– Вы ищете что-то конкретное? А то тут только старье, –

проговорил я, сделав над собой изрядное усилие.

– Нет, просто осматриваюсь, – прогундосил он, не моргая.

– А вы разве не новый помощник Кена Дэвидсона?

Пауза. Я зашел с козыря, и детектив, кажется, даже дышать перестал. Выключился робот, подумалось мне; отныне может простоять так сколько угодно. Я упорно держал его свинцовый взгляд...

Когда этот Абу или Али лежал ничком с четырьмя кровавыми дырами от пуль в спине, и Крег сапогом перевернул тело, глаза того были открыты и направлены прямо на меня, и замерший взгляд был ровно таким же, каким он сверлил меня давеча... Вот тебе и капельки на запястье. Помню, как меня накрыла дрожь, и я скорее отошел, чтобы проверить другого убитого...

Но мой визави в халате был не робот и не воинствующий бедуин. Через полминуты он стыдливо отвел глаза и как-то неприятно дернулся. Салага и есть, улыбнулся я про себя.

– Нет... Я по другой части, – сказал он еле слышно и отвернулся, возобновляя раскопки. Теперь он старался, наоборот, вовсе не достаивать меня вниманием. Я минуту постоял рядом и вернулся к Джорджу с Деевым.

Маленькая тактическая победа принесла огромное облегчение. Инспектор под прикрытием действует неофициально, и против прямого вопроса у него ничего нет. Формально никакая проверка не проводится, и я не обязан пускать кого-либо в свой кабинет – могу закрыть дверь на спец-

ключ, и баста. Меры безопасности перед презентацией. Да, в этом случае спустя пару дней придет официальное предписание от Гвардии предоставить запертый кабинет для осмотра, и тогда уж его перероют полностью. Но в моей ситуации лучше уж так, поскольку к тому моменту я что-нибудь придумаю с пылью, а презентация будет позади.

Джорджик непрерывно бормотал. По лицу Деева было ясно, что он давно потерял нить, а Джордж, как обычно перед лицом опасности, заговаривает зубы. Я вмешался:

– Постой, Джордж... Артем же правильно мыслит насчет того, что надо переписать драйвер под корлейновский аккумулятор?

Джордж остановился и поднял брови:

– Правильно-то правильно, но сколько времени это займет – вопрос.

– Вопрос – к тебе, – сказал я.

– А как я могу это оценить, если я их еще в руках не держал? – Джордж развел руками, в которых были те самые аккумуляторы.

– Ты уже немного их подержал, – кивнул я на них.

Джордж ухмыльнулся и промямлил что-то со словами «часика два». Тут от оцепенения очнулся Деев и в полный голос воскликнул:

– Джордж, вот ты, как всегда, со своим гипнозом! Едва начнешь разговор – а ты уже бормочешь-бормочешь о своем... Два часа – так два часа. Всё! За дело!

Он хлопнул Джорджа по спине и рванул на выход. Я обернулся – незнакомца в халате около куч уже не было. Опять куда-то исчез, в своем стиле.

*

Вернувшись к себе, я с изумлением обнаружил, что кристаллическая дымка и белый налет исчезли. В комнате было жарко и влажно, как будто ее недавно проветривали. Кто-то над ухом сказал: «Ни хао», отчего я вздрогнул. Оказалось, комнату вымыла наша уборщица, китаянка Хой Ма. Лицо ее по обыкновению было задраено маской, и, возможно, она и не поняла, с чем имеет дело. Пробормотала по-китайски что-то извинительно-оправдательное (я лишь по мимике догадался), сграбастала своих роботов и удалилась. Надеюсь, выживет...

Не успел я ей даже спасибо сказать, а бесспорно стоило. В комнате вновь стало можно находиться без риска для жизни. Кое-где песок успел слежаться и затвердеть, словно цемент, а в остальных местах было вытерто.

Недолго думая, я освободил искривитель от остатков былой неудачи, подключил к нему отладчик и наноскоп и стал заново выполнять программу, на сей раз – пошагово. На экране терминала было видно, как несколько тысяч первых молекул встают одна к одной, как и должны. Никакого молекулярного песка.

Что же могло отличаться при работе с включенным отладчиком? Бывали случаи, что программа работала только с отладчиком, а без него – нет, из-за того, что отладчик тщательно отслеживает работу с памятью. Если бы в моей программе был бардак с выделением памяти, но я таким со студенческой скамьи не болею. Что еще отличалось? Сейчас я обрабатывал всего несколько тысяч молекул, а в боевом запуске их было триллион триллионов...

Ну конечно! Контроллер аккумулятора, который перегревался у Кена, сам использует регистры *a* и *d* центрального процессора, да и в стек что-то может писать. Давно уж Джордж в курсе про этот баг, но исправлять его не торопится, оставляет «на сладкое». Обещал к финальному релизу, однако его до сих пор нет, спасибо Виточке.

Ничего не поделаешь, придется в собственной программе вставлять проверки, не испорчены ли в данный момент данные в этих регистрах. Кажется, кто-то из наших инженеров писал под такое специальный макрос... Покопавшись в старых задачах на внутреннем портале, нашел трехлетней давности таск для искривителей Multus и совершенно другой батареи питания... Предстояло макрос переписать под новые комплектующие и внедрить в свой код. И в деталях мог быть скрыт еще какой-нибудь дьявол. Я вздохнул и немедленно приступил.

Увлекательный торопливый коддинг прервало срочное сообщение на планшете. Они сегодня шли по нарастающей:

служба безопасности, Дэвидсон. Теперь через секретаршу меня вызывал сам Рустем.

*

Рустем наш Аркадьевич, «директор школы», «мефисто-клов меч», «судья справедливая», как его в кулуарах только ни величают, припоминая его оговорки-перлы...

Откуда взялась эта взаимная наша с ним неприязнь? Возникла она будто с самого начала, с первой нашей встречи в его кабинете, когда Деев меня напыщенно рекомендовал, Рустем бесстыдно разглядывал, а я от дискомфорта мог смотреть лишь на его мохнатые пальцы-сардельки, которыми он перебирал в задумчивости. Думал он, должно быть, о том, как вообще вышло, что мы стали коллегами. Он – доктор наук, светило, лучший выпускник своего курса мехмата, пионер разработок в области управления гравитацией. Я – тупоголовый отставной офицер, самоуверенный штабной аналитик, внезапно возжелавший попробовать себя на ниве науки, да сразу – руководителем проекта. Мало ему своих головотяпов-менеджеров – еще одного подсовывают по протекции.

Конечно, он и в сам проект деевский никогда не верил. «Классика» – это да. Напродавали же Stanley мелким и средним заводам, установили они искривители вместо фабричных линий – значит, нужно и дальше развивать Stanley,

усиливать его «конвейерные» характеристики, дабы работал быстрее, дольше, с большим количеством вещества. Чтобы не кирпич можно было скрутить узлом, а тысячу кирпичей одновременно; не в кубике вырезать человечка, а в бетонном блоке – каналы, и без разрушений вмонтировать в них арматуру. А Деев со своими «реструктуризаторами», с непонятным стремлением сделать все наоборот, уменьшиться до отдельных молекул, нарастить прецизионность до атомного уровня – только и умеет, что навешать всем лапшу, нанять орды девиц и спустить бюджет в унитаз...

Достопочтенное молчание раздавалось со стороны Рустема, когда с треском провалились «классические» серии Stanley Junior и Stanley Pro, более шустрые и чуть более умные, чем их предшественник. Зато когда провалилась наша с Деевым полуготовая поделка Oris (из-за того, что Рустем сам на нас ужасно давил по срокам и заставил выпустить этот реструктуризатор без половины запланированных функций и почти без тестирования) – тут его прорвало! Лично я, значит, виноват и в заоблачном бюджете, и в срыве дедлайнов. Никого не интересовало, что в финансовом отчете треть расходов неожиданно пришлась на его фундаментальщики, каковые в Oris и задействованы не были, и даже не знали, что это за продукт такой. А касаясь дедлайнов: когда у нас процесс встал оттого, что потребовались принципиально новые комплектующие, недоступные без специальных разрешений – Рустем самоустранился, предоставив

нам шанс самим ввязываться в сомнительные схемы и доставать необходимое из-под полы. Невзирая на все это, меня он обзывал «транжирой деревенским», а о проекте говорил: «Фуфло!» – подобрав самое страшное из русского тюремного сленга, что знал. Те же упреки звучат сейчас в адрес Porta, который должен стать либо революцией и новой вехой в истории Gateway, либо окончательным нашим крахом. Чего Рустем втайне ждет, ведь исчезнет необходимость на каждом совете защищать наш «непотребный» бюджет перед акционерами.

Спесь и высокомерие нашей корпорации! Жертва ранних успехов, пагубно влияющих на неокрепший ум. Докторская диссертация в 26 лет, попавшая в струю возродившихся в те времена исследований гравитации. И не важно, что в ней впоследствии нашли ряд нелепых ошибок, и что предложенные Опаляном специфические электромагнитные поля для управления гравитацией оказались непригодны – слава и признание выковали из обыкновенного упорного ереванского паренька настоящего нарцисса и деспота. В 27 лет паренька пригласили в Стратос и дали в управление целую лабораторию в SP, где он и развернулся как следует. Жизнь удалась.

Впрочем, пожалуй, антипатия Рустема ко мне – детский лепет по сравнению с его отношением к Дееву. Я, можно сказать, отделяюсь легким испугом, а на того он совершенно серьезно точит топор с самой SP Laboratories. Шутка ли,

просидел там тридцать лет, худо-бедно застолбил место, старательно поддерживал реноме крупного ученого и планировал продержаться до пенсии. Как вдруг явился Деев и своими интригами перерубил ровный ход карьеры пополам.

Это сейчас Тема иронизирует за бокалом про «обременение». Сам он обременение, когда напьется и примется разглагольствовать о чужих капиталах... А тогда, два с половиной года назад, он рассуждал обо всем уважительно. Припомнил мне, откуда есть пошла SP Laboratories, какие энтузиасты-авиаконструкторы ее в начале прошлого века основали, да помню ли я, что название ее расшифровывается как «SpacePlane»¹⁷ и что начался ее крупный успех с первых космических шаттлов на антигравитаторах, за которыми последовали межгалактические крейсеры SP-31 и SP-40... Трудно представить, что эта закостенелая корпорация, полувоенная конвейерная хай-тек-фабрика, когда-то была таким же бодрым стартапом, как мы, «правда, Тур?»

Рисовал мне тогда в кофейне на бумажке холдинговую структуру Верховной Ассамблеи ПАК, какой она возникла в 2342 году, во времена расцвета SP, и какой стала к нынешнему дню. Сейчас-то, говорил Деев, у SP офис-цитадель в Стратосе, жесткая иерархия в управлении и заказы сплошь на военные аэрокары. И вместо отдела маркетинга – отдел сбыта. А вот помню ли я, какова была первоначальная доктрина Ассамблеи? Тут я демонстративно отво-

---

¹⁷ Дословно: космоплан, космический самолет.

рачивался, поскольку мне как аналитику получше Деева были известны все версии доктрины и вся структура собственности, однако Деев в роли историка-глашатая был неостановим. «Крупнейшей пятерке держав необходимо дать контроль не только над вооруженными силами во всем мире, чему служит ПАК, но и над военными и околвоенными технологиями», – декламировал он, как по учебнику. «Околвоенными!» – подымал он палец вверх, подразумевая, что на деле никакой войной там сейчас и не пахнет. И обывательское понимание Ассамблеи как высшего военного совета, состоящего из военных чиновников государств «большой пятерки» наряду с чинами ПАК, имеет мало общего с действительностью. Затем он бросался рисовать квадратики: как Ассамблея продавала и покупала различные активы, занимаясь, по сути, заурядной инвестиционной деятельностью. Квадратики появлялись и зачеркивались. Мелькали компании: ПАК, оружейная Super Armories Inc., оверкарные Jet-Helix и Hokkaido, строительная «Макси Констракт», ненавидимая мною по понятным причинам, логистические компании, аэропорты и проч, и проч. И завершалось мелевание квадратиком «SP Laboratories» – когда Ассамблея захотела взять под контроль и аэрокосмические предприятия. «Околвоенными», – подымал он палец вверх повторно и задавал риторический вопрос: не кажется ли мне, что SP после попадания под Ассамблею военизировалась?..

Они все тогда в SP этим болели. Все, кто относились к экс-

периментальному проекту Gateway и приложили руку к изготовлению Stanley, от инженеров до дизайнеров корпуса. Как-то сразу они почуяли, что серия станет хитом, и началось недовольство. Пошли брожения в коллективе на тему забюрократизированности компании, ропот у кофемашины, митинги на пятничных вылазках в паб, а вскоре и официальные неудобные вопросы руководству SP Laboratories: каков план по выпуску Stanley, какой будет маркетинговая политика, расширятся ли полномочия у руководителей проекта Gateway...

Деев, безусловно, прохиндей! Перешагнув через голову начальника, фактически учинил бунт и на правах неформального лидера проекта Gateway пошел аж к инвестиционному директору Верховной Ассамблеи. Со своим закадычным Гроссштейном они представили бизнес-план, по которому Gateway выделялась в отдельную компанию с сохранением состава владельцев, но собственной организационной структурой. Бизнес-план подкрепили несколькими контрактами на поставку Stanley и договором о частном соинвестировании со стороны крупного инвестбанка (Гроссштейн постарался; Деев ему за это проспорил билет в королевскую ложу парижской Гранд-Опера). В конечном итоге, гласил план Гроссштейна-Деева, Ассамблея заработает больше, если Gateway начнет поставлять свое оборудование гражданским предприятиям. Учитывая, что ничего военного Gateway и не разрабатывает, нет необходимости в строгом

контроле, как сейчас под крылом SP Laboratories.

Разумеется, гладко реформа не прошла, посему мы имеем то, что имеем. Компанию создать разрешили, но возмущенные генералы в исполнительном комитете Ассамблеи потребовали, чтобы все директора назначались по указке генералитета Ассамблеи. Деев и Гроссштейн торговались насмерть, и в общих муках родилась наша уродливая структура аппарата. Военные назначают только лишь генерального директора, притом его полномочия сильно урезаны, а параллельно с ним существует исполнительный директор. Который вроде и директор, а Виточку, например, уволить не может.

По справедливости, напрямую Деев не виноват в карьерном повороте Опаляна, однако не будь он Деевым, не потребовалось бы ставить над ним надзирателя в лице сварливого доктора наук. Оставили бы доктора на пригретом месте в лаборатории гравитации (а, впрочем, ее собирались подсократить) и уж точно не посадили бы ему в помощь Эйзенберга, угодливого бюрократа, якобы лоббиста наших интересов в ПАК, а на самом деле – их глаза и уши...

Ну а вслед за Деевым не грех записать в паразиты и всех его подчиненных... В сущности, ведь кого Рустем считает за людей? Виточку да Шпиля. Да своих фундаментальщиков. Полуненормальных своих любимчиков, которых у него аж пять лабораторий, занятых зубодробительными краевыми задачами теории относительности, тензорной теорией поля и прочим таким, что с трудом выговоришь. Привилеги-

рованная каста; филиал мехмата в нашей компании. Живут словно в параллельном мире, ни с кем не общаются; я даже имен их толком не знаю... А Рустем с ними одного мехматовского разлива; жаждет оставаться, если не авторитетом, то хотя бы «своим», для чего советуется с ними по общим вопросам, а порой даже берет на встречи с акционерами. Только в реальности не «свой» он никому, да и бизнесу они помогли лишь единственный раз, когда год назад предложили использовать вихревое поле в гравитационной решетке, чтобы искривитель мог работать на молекулярном уровне. Тут спору нет, мы с Porta на этом застопорились намертво, собственных идей не осталось. С тех пор ходят еще большим гоголем и горды собой до чрезвычайности.

*

Мимо большой застекленной переговорки я сперва пронесся на быстрой ленте травелатора. Внутри за громадным столом, на площади которого можно припарковать пару оверкаров, спиной ко мне сидело человек семь в костюмах. С противоположной стороны стола разместились Рустем и его верный Смит – финансовый контролер.

Опалян улыбался, громко говорил, откидывался на стуле и жестикулировал. Он был в бежевом льняном костюме, мешковатом и помятом, в грязно-белой сорочке и при галстукe, который едва дотягивался до пупка. Смит был упаков-

ван в черный двубортный пиджак, закупоренный на все пуговицы, и не шевелился. Гости имели темно-синие костюмы с отливом, свидетельствующие о том, что они консультанты из инвестбанка, нанятые нашими акционерами. Тусуются у нас, по слухам, уже месяц; стоило ждать, что рано или поздно вызовут на ковер.

Возле торца стола, потупившись, стоял грустный трибун в лиловой рубашке, которого я узнал бы и в бальном платье со спины – Деев.

Подъехав ближе, я высмотрел за столом еще одного участника, седоволосого, в военной форме с погонями майора Гвардии ПАК. На погонах были поперечные полоски – отставной. Никогда его раньше не видел. Он сидел вполоборота, замыкая шеренгу консультантов.

Я сошел с травелатора и проплелся метров тридцать в обратном направлении. Нога ныла, спешить не хотелось. Встреча в таком составе не предвещала ничего приятного. На лице Деева, входя в переговорку, я прочитал то же самое.

– А, вот и господин Лесин! Проходите, пожалуйста, дорогой, – позвал Рустем.

Натянутого благодушия хватило лишь на кислую улыбку. Густые брови и массивные надбровные дуги угрожающе выступали над черными, глубоко посаженными глазами, воинственными, как бойницы дота.

Меня встретили молчанием. Стол был завален гибкими экранами, на которых отображались разнообразные диа-

граммы, графики и финансовые таблицы.

– Артур, – представился я, пугливо кивнув гостям. – Руководитель проекта Porta.

Ближайший консультант, вероятно, был из начальствующего состава. Итальянец с зачесанными назад волосами, лет сорока, с узким лицом и хитрыми глазами. Сверкающий голубой галстук в тон полоскам на сорочке. На остальных консультантах были точно такие же костюмы, галстуки и сорочки. Оптом дешевле, подумал я. Команда. Итальянец оглядел меня с головы до ног, натужно осклабился и с неохотой протянул руку.

Я пожал руку и, чтобы не создавать неловкость, прошел вдоль других гостей, здороваясь с каждым. Консультантики сплошь были юными, руку жали старательно и скалили натренированные в бизнес-школе улыбки, символизирующие неизбежный успех. От них (мне показалось, от всех сразу) пахло какой-то модной туалетной водой для успешных мужчин.

Майор руки вообще не подал, только кивнул головой. Вот гад, думаю, младше меня по званию, по-хорошему должен был вскочить и честь отдать...

– ...подполковник Гвардии ПАК в отставке, – отрекомендовался я как бы невзначай, обращаясь к синим костюмам.

Для майора момент был упущен, он спохватился, но так ничего и не предпринял и отвел глаза. Что касается Рустема, то он здоровается за руку со мной или Деевым, лишь бу-

дучи изрядно подшофе, а Смит, бывший фундаментальщик, и на устное приветствие редко отвечает.

– Господин Лесин курирует разработку... э-э... – Руستم подвигал вторым подбородком, делая вид, что подбирает слова, – разработку так называемых искривителей-реструктуризаторов. Есть у нас такое направление развития продуктов. Не основное направление, а вспомогательное, но довольно... м-м... смелое. Даже чересчур, так сказать...

Про наши с Деевым «так называемые реструктуризаторы» Руستم всегда говорит с ноткой мучения. Не заботит нас его безбедная старость, что по нашей вине он может на излете карьеры очутиться на улице. А его вот страшно беспокоит, ценой каких затрат мы беспрецедентно ускоряем Porta, модернизируем его функции, добавляем атомный анализ вещества... Анализ, а не синтез. Про операции синтеза атомной и субатомной структуры – MSA и ASA – он, я надеюсь, не узнает до самой презентации, когда давать заднюю будет уже поздно...

– В свое время, – продолжал Руستم, – наши ученые дали ход этому направлению. Базируется оно на идее того, что с помощью искривителя мы воздействуем не на объект в целом, а, так сказать, на его отдельные молекулы. Своего рода реструктуризация... Наши физики подготовили новаторскую теоретическую базу для разработчиков, – он небрежно указал на меня. – С теоретической стороны там проработано буквально все, каждый частный случай. Для нас это прой-

денный этап, мы движемся дальше... Практика пока запаздывает, да, – произнес он с упреком. – Хотя вроде бы команда господина Лесина нам вот-вот что-то покажет. Лесин делает машину на базе Stanley, так сказать, улучшает и усовершенствует. Скорость, надежность, бесперебойность! – выкидывал он волосатые пальцы. – Три ключевых аспекта, которые принесли нам прибыль с Stanley и принесут сейчас. Верно я говорю, господин Лесин?

Верно. Большая удача, что в проекте Porta оказались замешаны фундаментальщики, иначе так долго мы одними обещаниями «скорости» и «бесперебойности» Рустема бы не продержали.

Рустем выжидающе взирал на меня. Я прокашлялся.

– Коллеги, вам, разумеется, известно, – обратился я к костюмам и особенно к итальянцу, который глядел оценивающе, – что наши искривители до сих пор не заняли своего места в промышленности из-за большого количества глюков и сбоев. По итогам взлета и падения Stanley мы провели реформу контроля качества, дабы в дальнейшем не допускать продуктов, в которых хоть одна из заявленных функций работает не так, как написано. Мы хорошо усвоили урок Stanley, – сказал я, убедительно глядя гостям в глаза. Юнцы покивали. – Вместе с тем, курс на постоянные инновации мы не утратили. Да что говорить, сами руководители... даже я сам постоянно работаю руками, пишу для своего искривителя программки на ассемблере и наблюдаю, что вылезет.

Я скорчил улыбку под собственную шутку, но никто не поддержал. Майор приподнял одну бровь. Зря я этим хвастнул, они не любят, когда руководитель вовлечен в рутинные задачи.

– Однако отныне каждое новшество наш отдел тестирования прогоняет вдоль и поперек. Без проверки оно не попадает в серию... Да... – я помял пальцы; непонятно было, какого рода речь они от меня ожидают. – Сейчас мы на финишной прямой. Не зря Рустем Аркадьевич употребил слово «смелое», – я взглянул на Рустема; глаза-бойницы были наготове. – Приходите на презентацию Porta, и вы увидите кое-что по-настоящему смелое.

Аплодисментов не раздалось. Лица собравшихся не выражали ничего, кроме учтвого терпения. По этикету положено дослушать скучную тираду, а уж потом травить выступающего вопросами. Вопросы не заставили ждать.

– Чем вы обосновываете прогноз того, что серия Porta окажется такой прибыльной? – спросил итальянец, глядя на лежащий перед ним график. На нем что-то росло семимильными темпами от года к году.

– Давайте сразу определимся, – сказал я, надеясь избежать конфликта. – Я менеджер проекта, я ближе к разработке, чем к финансам... Прогнозы составлять я не умею. Про этот график лучше спросить кого-то из финансов...

– Вы с ним не согласны? – спросил итальянец, протягивая мне экран с графиком.

На графике был прогноз продаж искривителей Porta на пять лет вперед. Каким-то образом они всегда видят жизнь на пять лет вперед, несмотря на то, что у нас и компания моложе, и после триумфа Stanley продажи сошли на нет месяцев за шесть. Хотя и тогда прогнозировали пятилетними горизонтами.

– В такое будущее я заглядывать не умею. Но вот на год, пожалуй, прогноз реальный. Я бы сказал, даже пессимистичный, учитывая, что мы на Stanley заработали больше...

Итальянец оживился и повернулся ко мне на стуле.

– Очень интересно! Давайте поговорим о ближайшем годе. Чем вы обосновываете ваш прогноз?

– Я исхожу из простой идеи, что Porta станет хитом и, безусловно, превзойдет Stanley по популярности, – честно ответил я.

Итальянец переглянулся с коллегами. На их лицах было легкое разочарование; наверное, они ждали, что я выдам аргументы про рост рынка станков, да как он соотносится с объемом ВВП... Рустем глядел по-волчьи, как и раньше; его лицу добавить разочарования было сложно. Смит был недвижим и похож на статую; ничто происходящее его не трогало.

– Допустим, – продолжил итальянец. – По вашей логике получается, что все заказчики, купившие у вас Stanley, купят и Porta. Плюс – придут новые в объеме примерно 50% от старых, а то и больше. Верно?

– Ну, не обязательно. Может быть, старые купят не все, а новых придет больше...

– Нет, вы не путайте. Ваше обоснование базируется на прошлой статистике продаж. Рынок у вас небольшой, довольно закрытый, цикл продаж длинный. То есть все-таки вы собираетесь раскачивать действующих клиентов на повторный заказ.

– Слушайте... Я не продавец и не знаю, кому лучше продавать. У нас есть отдел маркетинга, давайте вы его пригласите и спросите...

Итальянец замахал рукой.

– Нет-нет-нет, нас интересует именно ваше видение. Продавать своим же клиентам – стратегия хорошая и верная. Приведите нам, пожалуйста, обоснование того, почему ваши клиенты, купившие Stanley, захотят выбросить его и купить Porta? Чем он настолько лучше?

– Учитывая, что лояльность клиентов низкая, – тонким голосом добавил один из юнцов.

– Да! Учитывая, что они, в основном, остались недовольны Stanley! – повторил итальянец с напором.

Деев за моей спиной вздохнул. Я обернулся, но он обреченно глядел в окно.

Не придумав ничего лучше, я рассказал собравшимся о том, что Porta умеет. Озвучил параметры скорости и непрерывной работы, сравнил их со Stanley. Компактность, энергопотребление. Надежность. Снова упомянул реформу от-

дела качества. В заключение, обрисовал новые функции, не упоминая те, про которые Рустем не знает.

– ...И еще парочка новых возможностей буквально сейчас тестируется. Про них я рассказывать не буду, чтобы не сглазить. Увидите все на презентации! – закончил я.

Аплодисментов вновь не случилось. Один Деев состроил мне восхищенную рожу. Юнцы переглянулись, итальянец вздохнул.

– Все это интересно, – проговорил он, – но мало что дает. Будь я владельцем вашего Stanley, вы бы меня не убедили поменять его на Porta. Учитывая стоимость старого и куда большую стоимость нового... Вы планируете сделать программу trade-in¹⁸?

Вопрос был сначала обращен ко мне, но я лишь развел руками. Не мое дело думать про различные маркетинговые штучки, на то есть Шпиль. Итальянец перевел взгляд на Рустема.

– Надо не забывать, что Porta все-таки не основное направление, – заговорил Рустем, вертя в пальцах уголок гибкого экрана. – Проект важный, но, так сказать, не ключевой. Мы планировали охватить им другие сегменты рынка, а не заменять работающие машины... Ну, глупость, согласитесь, связываться с фабриками, где функционирует Stanley, и пытаться им втюхать эту поделку, – сказал он, доверительно глядя на итальянца и потрясая жирной ладонью в мою

---

¹⁸ Trade-in – обмен старой продукции на новую с доплатой.

сторону. – У нас будет определенная программа выкупа старой техники, она сейчас прорабатывается... Но, так сказать, ничего широкомасштабного.

Итальянец побарабанил пальцами по столу и потянулся за какими-то финансовыми таблицами, лежащими перед Смитом. Тот вдруг отмер, молниеносно вытащил из-под стола руку и пододвинул к итальянцу пару экранов.

– Одного не пойму, честно, – обратился я к итальянцу. – Почему прямо сейчас вам нужно составить какие-то прогнозы? Подождите недельку, пойдут первые продажи, станет ясно... Ну или надо было раньше, месяца четыре назад...

Итальянец вместо ответа опять поглядел на Рустема.

– Лучше поздно, чем никогда, – улыбнулся ему Рустем, подняв кустистые брови.

Меня сухо поблагодарили и попросили на выход. Проезжая на травелаторе в обратную сторону мимо переговоров, я увидел, как Рустем раздраженно махнул лапой на Деева, и тот поплелся к двери. Вышел он или нет, я не заметил из-за поворота.

*

Возвращался я как оплеванный. Ненавижу этих консультантов, аудиторов, весь их гнилой сброд! Каждый раз одно и то же: давайте нам цифры, продажи да прогнозы, а мы посмотрим, сколько вы стоите на рынке. Акционеры хотят

«актуализировать ожидания»... Пользы от них для компании – нуль. Что картошкой мы торгуем, что искривителями – им все одно, продажи да прогнозы, хоть кол на голове теши... Умные же ребята, могли бы башкой своей творить что-нибудь грандиозное! Распинаешься им про продукт, про крутейшую технологию, про свое произведение, можно сказать... А они плюют в душу, в ответ эта мерзкая вежливость: «все интересно», но давайте-ка о финансах. Как проштрафившемуся должнику по кредиту, как давнему, намозолившему глаза иждивенцу... Обоснуйте-ка, Лесин, эти рисуночки о вашем пятилетнем будущем, которое мы нарисовали солнечным...

Войдя в лифт, я ни с того ни с сего нажал кнопку «Р» вместо цифры своего этажа. Забылся. Укатил лифт вверх на парковку. Ну и хорошо, проветрюсь после этого унижения... Вернее, погреюсь.

В окно лифтовой шахты был виден атриум, где не поредела толпа наших верных солдат, увлеченных трудовыми подвигами. У них там свой дивный, лучший мир. По ту сторону баг-трекера сорванные сроки тоже считаются концом света, но игрушечным, рядом с которым всегда находится место живому общению, молодеческим шуткам и взаимовыручке...

Впрочем, что я тут распеваю, среди этих пчелок наверняка есть и те, кто рисовал графики для Смита. И финансовые таблички, глядя в которые Рустем решил, что «лучше позд-

но, чем никогда». В фонтан бы вас окунуть три-четыре раза...

На парковке было солнечно, душно, пахло нагретой пластмассой и асфальтом. Пеклись под палящим солнцем железные кони моих коллег, безликие «нексусы», «кларки», «форды». Над их стадом колыхался, будто поверхность прозрачного бассейна, жаркий воздух. Грелся тут и мой «хоккайдо», приземистый и злой, с двумя белыми полосами на капоте и спойлером, закрывающим вмятину.

В такую полуденную духоту мне всегда вспоминаются первые вылазки в пустыню. В будущность мою курсантом никаких боевых скафандров с кондиционером нам не выдавали, а была на нас обычная хлопковая форма с бронированным корпусом да армейские берцы. Вылезаете из ледяного аэрокара или из «хаммера» и заныриваете в горячий густой воздух – будто бы даже руками чувствуешь его тягучесть. Вбираешь его ноздрями, зная, что спустя пару коротких минут станет жарко и потно. Пока ты еще сухой, а форма изнутри прохладная. Первыми нагреваются берцы, стоит им коснуться песка. И, вдыхая, где-то непременно учуешь тухлятину – то ли дохлая собака поблизости, то ли кто покрупнее...

В нашем квартале смотреть, в сущности, не на что. Средоточие офисных зданий, невысоких, не класса «А», ничем снаружи не примечательных. Соседние кварталы того хуже – промышленные.

Напротив через улицу – угрюмая коробка бизнес-центра с торчащими железными простенками, делающими здание похожим на нагромождение строительных бытовок. А где-то там, вдалеке за ним – обрамленный ровными шеренгами кипарисов Бульвар Испании. По нему сейчас, должно быть, гуляли туристы в цветастых футболках, с видеокамерами и планшетами, шатался праздный люд, веселые, измученные жарой матросы и портовые рабочие, клерки с обеденными сэндвичами наперевес, уличные торговцы, попрошайки, полицейские, страшенькие городские сумасшедшие...

Я глубоко вдохнул и зажмурился... Там, в конце Бульвара – море. Даже отсюда порой слышалась в воздухе нотка морского аромата. Запах соленой воды и ее прозрачных водорослей... С ним всегда соперничает дух специй из близлежащего турецкого ресторанчика. Он здесь, на первом этаже соседнего здания, вход украшен облупившимся орнаментом. Туда иногда ходят обедать фундаментальщики.

На дорогах было просторно и малоллюдно. Даже на светофорах все оставались в первом эшелоне, вверх не лезли. Разве что, вон, грузовик традиционно затупил на зеленый свет, долго стартовал, и летевшие сзади обогнали его через верх. Робот, что с него взять... А, вон и похлеще узел! В паре кварталов отсюда на перекрестке вошли в противостояние два грузовика, поворачивающие налево с двух перпендикулярных направлений. Пытаются определить, у кого приоритет. Ползут короткими отрезками и останавливаются, слов-

но исполинские жуки. Бегемоты, плывущие в дрожащем мираже... Все вокруг их объезжают, кто-то перепрыгивает верхом. Сигналят им зачем-то. От сигналов они замирают на месте, как вкопанные, и разъезд замедляется еще сильнее... К ним уже несется полицейский на монокаре.

Жарко. Я встал обратно в тень козырька у двери и написал Дееву сообщение. Он перезвонил. Оказалось, он уже в буфете – отпивается чаем после «стресс-теста», устроенного ему синими аудиторами, не понимает, почему в аудиторы берут только полных идиотов, и знаю ли я, что у нас в корпорации – сплошной «коррапшен¹⁹»?

– Вот и у Виточки сегодня был какой-то «коррапшен», – сказал я.

– У Виточки! – хмыкнул он. – У Виточки – «харасмент²⁰»! Они, оказывается, провели тайное исследование нашей корпоративной культуры, прикинь? Сотрудники тайно отвечали на вопросы... И выяснилось, что я, по мнению одного анонима, имею финансовый интерес в проекте Porta. Я говорю: конечно, имею, ведь у меня есть акции компании. Нет, говорят, похоже, вы лично часть бюджета себе в карман кладете... Прикинь?! Прямо в лицо меня обвинили в уголовке на основании анонимки!.. И – кто! Вшивая шайка студентов в костюмах от Бриони!.. Я говорю, засуньте половые фантазии вашего анонима сами знаете куда... А Рустем, главное,

---

¹⁹ От англ. «*corruption*» – коррупция; тж. повреждение (о технике).

²⁰ От англ. «*harassment*» – домогательство (сексуальное).

им поддакивает, расстилается перед ними! Языком цокает: да, мол, непрозрачная структура финансов у нас... А рядом сидит его верная псина Смит, и как будто он ни в чем не виноват. Как будто не его обязанность держать финансы прозрачными!!

Деев был в бешенстве.

– А Виточка-то тут при чем? – спросил я.

– При том! Она написала, что чувствует, видите ли, флюиды в воздухе! Видите ли, добрая половина мужчин нашего коллектива втайне ее хочет и «латентно домогается»... Мне уже не смешно, Тур, хотя я не представляю, как можно домогаться латентно. Но у них даже термин такой есть!.. И вот, значит, я ее домогаюсь, и ты, и Новшек, и Платон...

– И Рустем...

– Не надо шутить, Тур, не до шуток... Рустема она считает чуть не идеалом руководителя.

– Скорее уж я мог пожаловаться на пассивные приставания с ее стороны.

– Тур, а мой отдел маркетинга? – Деев вдруг перешел практически на шепот. – Там же одни девки! И как я с ними общаюсь... ну, ты видел! При желании мне уже десятков искон могли впаять. Но никто из них не жалуется! Ни одна! Потому что они всё понимают, они – адекватные и прекрасные женщины!..

– Слушай, – прервал я, чувствуя, что о женщинах монолог может затянуться. – А откуда у них Гвардии майор?

Деев замолк и шумно отхлебнул чаю.

– Он отставной, он у них внутренний эксперт по отношениям с ПАК, – сказал он безразлично. Самообладание возвращалось к нему. – Он сейчас на вольных хлебах, экспертиза там, экспертиза тут... Всю жизнь торчал в ПАК, а на закате несколько лет работал в SP, даже знаком с Опаляном.

– Как-то проявляет себя?

– Пока нет. Пока «свадебный генерал».

– И откуда ты про него столько узнал? Опять грешил с парочками?

– Откуда? Тур, привыкай, у нас теперь есть безопасники! Им ставишь задачу, и они все ищут тотчас же. Как зовут их начальника, ну-ка вспоминай?

– Дженнифер Кейт Блоссом, – выговариваю я по слогам.

– Садись, пять!.. Кстати, советую. Если вдруг понадобится пробить человека, не тряс старинной и не лезь в аналитические базы под моими левыми логинами. Звони ей. Времени и сил потратишь меньше.

– Я учту. Скажи мне вот что, раз ты такой осведомленный. Кто этот новенький болван в зеленом халате? Ходит из одной лаборатории в другую, копается в бумагах...

Деев помолчал; слышно было, как он жует и тянет чай из стаканчика.

– Это чей-то стажер, – продолжил он с набитым ртом, – но я не помню чей.

– А вот Джордж и Платон боятся, что это военный инспек-

тор.

Деев снова пожевал, прежде чем ответить.

– У Джорджа мозги сейчас забиты Витой, а Платон вообще болен в голову теориями заговора. Это чушь. Они его перепутали с майором, наверное. Увидели в офисе чужих людей и подумали, что они связаны между собой. В общем, не беспокойся, он стажер. Если бы была проверка из Ассамблеи, я бы заранее знал. У меня там есть паренек, он мне докладывает.

– И про синие костюмы твой паренек тебя предупредил? – сказал я с сомнением.

Жевание в трубке прекратилось.

– Это другое, не связанное с военными. Они же инвест-банкиры, а майор давно в отставке... В общем, Тур, не забивай себе голову. И лучше подключай Дженнифер по максимуму, ей полезно, да и тебе тоже.

В тени становилось жарко. Я вошел в помещение и побрел к лифту, ежась от неожиданной прохлады офиса.

Стоит ли доверять непонятному деевскому «пареньку» из Ассамблеи? Многих там я знаю лично, и если бы «паренька» знали мы оба – он бы назвал его по имени... А в самом деле, позвоню-ка я Дженнифер, пусть все выведает с достоверностью.

После нескольких гудков на экране планшета появилось ее лицо. Искаженное камерой ее терминала, оно было уже не столь идеально, как утром. Взгляд был направлен

не на меня, а чуть ниже – в ее собственный экран. Глаза как глаза, подумал я, и что мне с утра привиделось?

Она ответила бархатным голосом со своим жестким акцентом. Про Ярослава Бойко Деев говорил, что тот учился и работал в России, и еще – что они с Дженнифер давно знакомы.

– Вы говорите по-русски? – спросил я.

– Да, говорю свободно, – обрадовалась она.

– Здорово! Наша диаспора растет, – я тоже перешел на русский. – С таким великолепным произношением, несомненно, вы и родом из России?

– А вы так и не посмотрели наше досье на портале? – припомнила она.

Улыбка ее была идеальна даже в искажении видеосвязи. Я признался, что позабыл про досье, и рассказал ей о подзрительном стажере.

– Честно говоря, не вполне понимаю, о ком речь, – ответила она. – Но мы можем посмотреть по камерам наблюдения. Во сколько он был у Дэвидсона?

Я сообщил, когда и у кого его видел. Мы договорились, что до обеда они постараются без лишнего шума выяснить о нем всё, и мило распрощались. Не знаю, как насчет профессиональных качеств, но в общении Дженнифер была очень приятной.

Взглянул на часы – 13:08. Железно обещал себе до обеда разделаться с экспериментами! А для этого теперь необ-

ходимо перелопатить половину кода, встраивая макрос. Ру-
стем наверняка на совещании, так что можно вернуться к се-
бе короткой дорогой – мимо его кабинета...

Но Руستم оказался не на совещании. Приближаясь к его
логову, я увидел, что он стоит посреди стеклянной галереи,
ведущей к его кабинету, на этот раз – тет-а-тет с Деевым.
Тёма переминается, склонив голову; лицо и уши красные,
потому что Руستم на него в буквальном смысле орет.

Зрение у Рустема орлиное; он, естественно, заприметил
меня заранее и гаркнул:

– Лесин! Подойдите!

Нога снова заныла, как от плохой погоды.

– ...вопиющая халатность! – ругался Руستم в простран-
ство; в сердцах он обычно говорил по-русски с армянским
акцентом. – Надо ж суметь так обкакаться, чтобы целого го-
да вам не хватило на десять слайдов! Что вы мне пели, до-
рогой мой, когда выпрашивали себе пиар-отдел? У вас само-
го, как вы выразились, нет времени на рисование презента-
ций и танцы перед акционерами, – он игриво повертел ладо-
шками. – Пускай этим займется пиар-отдел, да? Вы наняли
пять – пять! – растопырил пальцы, – человек, и что же я ви-
жу, да? Откровенный мусор! Слушайте, откровенный мусор
вместо презентаций! Да еще вы присылаете его за пару часов
до встречи!.. А сам вы – в постоянных заигрываниях с Руб-
левски и остальными! Вам тут что, дорогой, гарем?!

Руستم весь дрожал и брызгал слюной. Деев безмолвство-

вал.

– А вы, Лесин? – обратился он ко мне, понизив голос, с кажушимся добродушием, – Дорогой мой, солнце нашей разработки, ответьте мне! Почему аудиторы говорят, что ожидания на рынке от ваших новых поделок даже не смешанные! Даже не смешанные, а?.. Их – вовсе нет!!

Стекла галереи зазвенели, вторя громоподобному «вовсе нэт!»

– И от предыдущей вашей серии Oris толку никакого! Вы ее поддержку попросту бросили! Оставили машину с кучей «дыр»! И кормите всех завтраками: новая серия устраним недостатки предыдущей, да? А почему вам никто на рынке не верит, а? Спрашиваю я себя. Консультанты, акционеры, клиенты – никто не верит! Ответьте, дорогой!

– Рустем Аркадьевич, не мне вам рассказывать, почему аудиторы имеют целью опорочить репутацию нашей компании... – проговорил я.

Деев посмотрел на меня и скривился с тем выражением, чтобы я не делал попыток перечить.

– Что вы говорите, Лесин! – взревел Рустем; черные глаза-турели нацелились в упор. – Вы хотите сказать, что во всем виноваты *они*? *Они* лгут, да? А видели вы, Лесин, маркетинговые surveys²¹? Видели вы опрос ваших клиентов? Ни гроша для них не стоят ваши обещания! Они каждый день имеют дело только с вашими «дырками»!.. Вы оба воз-

---

²¹ Опросы, анкетирование.

главляете хронически убыточный придаток нашей компании. И я сейчас имею в виду не цифры. Слушайте, акционеры редко задают вопрос о прибыльности вашего направления... Отсутствие перспектив – вот! Полнейшее отсутствие намека на улучшение! Вы бросили клиентов один на один с продуктом, а сами заняты новыми игрушками! Вам на всех плевать, да?! – прокричал он фальцетом. – Что один – нанимает полчища девок; что второй – распевает мне тут про прибыль в присутствии консультантов!.. Когда выпускали Oris, вы распевали нам то же самое, дорогой мой Лесин!!

Рустем выдохся и сделал паузу. Мы с Деевым глядели в пол.

– Я им говорил, – он сбавил тон и немного успокоился, – что мы пересматриваем политику по вашим несчастным реструктуризаторам. Сделаем, так сказать, упор на стабильность, будем чаще выпускать «заплатки»... Шпиль составит тарифы на расширенную техподдержку. Воплотим на реструктуризаторах нашу идею, которую обкатали на «классике». Тонкая доводка под конечного потребителя – вот что нужно, дорогие мои!.. Слушайте, не надо морщиться, Деев! Вы дальше своего носа в стратегическом плане ни черта не видите! А клиенты именно этого хотят! Именно за это они платят!.. Вот тогда наймете себе гарем техподдержки, да, я и слова поперек не скажу! Потому что будет прибыль!

Очевидно, с утра Рустему промыл мозг Шпиль. От кого еще он мог набраться столь креативных идей, которыми те-

перь от страха блещет перед аудиторами? Так и вижу бледное, как сахарная пудра, лицо Шпиля, произносящее «именно за это они платят» железобетонным немецким манером...

– Имейте в виду, Деев, я совершенно серьезно насчет вашего варьете! Ближайшая презентация будет его лебединая песня! Даю девяносто пять из ста.

Деев покорно кивнул.

– А вы, Лесин, – он понизил тон совсем до баса, – уж постарайтесь в самом деле произвести фурор на презентации, раз вы это пообещали в присутствии *понятых*, так сказать, да? Отнеситесь к этому как к переломному моменту вашей карьеры в Gateway, дорогой мой... Все! Идите работать, – Рустем махнул рукой, словно отогнал назойливую муху.

Мы дошагали по коридору до травелатора. Проехав один пролет в полном молчании, Деев обернулся – Рустема уже не было в галерее – и зарядил громким шепотом:

– Этот болван еще будет меня учить! Варьете... Да он зарплату получает из тех самых инвестиций, которые привлекли ему мы с Идой и нашим варьете!.. Заметил, как он ушел от финансового вопроса? Потому что прибыли его любимая «классика» приносит почти нуль! Да и то, это без учета «капексов», а с «капексами» там жесткий минус, как и по всей корпорации в целом!..

Травелатор пролетел быстро, мы сошли в главный холл. Там по-прежнему было битком народу. На полу группками сидели разработчики и инженеры. Некоторые, грызя ногти,

вперились в экраны, коими было устлано, казалось, все пространство холла; другие, напротив, активно жестикулировали и спорили между собой. В промежутках между людьми пол к этому часу был завален не только экранами, но и обычным мусором: бумага, упаковка от протеиновых батончиков, пустые стаканы от кофе, банки от содовой и козьего йогурта. Обычная полуденная картина. Как будто не заседали в соседней комнате стервятники в синих костюмах, и не решалась в эти минуты судьба каждого из здесь сидящих.

Парапет у фонтана был занят фундаментальщиками. Они сидели поодиночке или по двое. Была и большая группа, занимавшая треть парапета – клуб почитателей блистательной Сюзан Морт, локальной Виточки в отделе фундаментальных наук. Приходит на работу к одиннадцати, сразу восседает у фонтана и полдня ведет светские беседы. Собирает вокруг себя толпу иннокентиев, которые скалят зубы, подносят ей какао и наслаждаются лучиками внимания. Одни сменяют других, и в своей массе толпа поклонников не редет до вечера.

Деев на Сюзан даже не взглянул. Его самооценка до сих пор не оправилась от удара после их единственного свидания, на котором она после пары любых фраз возвращала беседу к теоретической физике, к тензорным квантовым уравнениям, к беззлобному бахвальству на тему того, какой красивый интеграл у нее сегодня получился, когда они сворачивали пространство по какой-то там оси. Ожидала она от Те-

мы взаимности, а он только и мог ответить: «Блистательно, да», и по новой принимался ловеласничать, из кожи вон лезть, шутить, рисоваться, интриговать ее, делать комплименты... Принесся потом в «Атомик», вызвонил меня и заставлял с ним пить весь вечер какой-то дрянной виски и выслушивать жалобы про оскорбленное мужское начало. Впоследствии он на спор сделал попытку подтянуть свои знания по теорфизу, но, спустя неделю чтения учебника Гейзенберга на ночь, плюнул и сдался.

Навстречу вновь плыли Елена и Натали. Просияв, Деев соорбил им глазки, и те рассмеялись в ответ. Хлопнув меня по плечу, он продолжил:

– А ты все верно доложил этим костюмчикам, не переживай. Сейчас наш главный козырь – Porta, и правильно, что мы за старое не цепляемся. Не за что там цепляться. Тарифные фантазии Шпиля нам пригодятся после запуска продукта, а не вместо него. Людям надо сначала сорвать крышу новыми возможностями, а потом уже подсаживать на премиум-поддержку. Только так будет успех, дружище, – сказал он не очень уверенно. – Кстати, мы уже придумали тезис, с которого начнется презентация, хочешь, скажу?

– Ну?

– «Искривление пространства – это волшебство», – произнес он гордо.

Я усмехнулся.

– А дальше последуют фокусы с распиливанием людей?

– Не исключено, сейчас это продумываем, – ответил Тема без смеха.

– То есть Рустем, в целом, был прав по поводу уровня готовности вашей презентации?

Деев погрузился.

– Тур, ну хоть ты не начинай!.. Если интересно, чем мы занимались целый год – мы искали деньги. Искать бабло – трудно. Девочки ночами сидели, и не один десяток презентаций мы нарисовали и провели. И мы нашли бабло. И благодаря нам... Вот им! – он обернулся и указал пальцем на удаляющиеся спины Елены и Натали. – Благодаря им, все эти обалдуи имеют возможность тусоваться у фонтана, пить свой какао-шмакао и получать за это зарплату! Я не голо-словно говорю, конкретно две эти телки сидели несколько ночей и сделали опупенную презентацию для инвестфонда, который в итоге сказал нам «да».

Я промолчал. Зря поддел его, у самого готовность не лучше. И ведь отлично знаю, что кого-кого, а Деева обвинять в лени и халатности – последнее, что может прийти в голову... Это все нервы, а Рустем лишь усугубляет.

– Давай, Тур, займись делом, – сказал Деев. – Нам нужно твое супер-пупер MSA для фокусов с распиливанием, я не шучу. Ты вообще как, планируешь обрадовать?

Мне хотелось сказать, что я костями лягу, а тему свою закончу. Но промямлил я только:

– К вечеру станет ясно.

Хватит с меня оголтелого оптимизма, что чей-то прогноз занижен.

– К вечеру так к вечеру. Но не запоздняйся, Тур! Не завтра к вечеру! – Деев потряс меня за плечо. – Иначе мы не успеем состряпать план «Б»... И я в тебя верю, серьезно.

*

Около часа я провозился с непослушным макросом, встраивая его в каждое место кода, где используются регистры *a* и *d*. Изуродовал программу до неузнаваемости, не оставлял комментариев в новых кусках кода, не думал о названиях переменных... Знал прекрасно, что зря так делаю и что кратковременная память подведет, забуду я смысл переменной *tmp35* еще до того, как вернусь с обеда. Но жажда побыстрее провести испытания пересилила. Если оно заработает, ночь просижу и вычищу код, а если нет – какой смысл писать его чисто?

Отладчик мне ничем не помог, поскольку и до перелопачивания программы на нем все работало. Единственным способом убедиться, что ошибок нет, было запустить программу повторно в боевом режиме.

Обед был в разгаре, так что, случись чего, хватило бы времени прибраться, не попавшись никому на глаза. В тот момент я полагал это самой опасной угрозой...

Я закачал программу с терминала в искривитель и по-

рылся рукой в «свалке» – попалась точно такая же латунная дверная ручка, как утром. Или та же самая? Из любопытства сунул нос в «свалку»: больше там таких не было... Может, уборщица отыскала и вернула на место, думал я, доставая из шкафа с чистыми материалами очередной кубик стекла и проглядывая его на свет...

Колбу рабочей зоны искривителя я оставил распаханной: ни от чего она не спасет, лишь сама разобьется. Памятуя события предыдущего эксперимента, я надел плотный халат и откопал в дальнем ящике кевларовые перчатки и пластиковую строительную маску на все лицо.

На искривителе перестала мигать лампочка загрузки – он инициализировался и был готов к работе. Я нажал «Start». Программа запустилась, экран ответил: «Place material».

На съедение аппарату отправился стеклянный кубик. Тот ответил «РО» и получил дверную ручку в качестве образца для репликации.

Вернувшись к терминалу, я засел на карачках под столом, дабы не получить дозу песка в лицо. Стрельнула больная нога, отчего пришлось переменить положение. Собравшись с духом, я нажал клавишу на терминале.

Ну давай...

И он дал. В следующее мгновение по глазам мне резануло яркой вспышкой, пробившейся сквозь все щели в столе, какие только нашлись. Я зажмурился. За вспышкой последовал оглушительный хлопок. Ударной волны не было. Затем

до носа дополз удушливый запах жженого пластика...

Одуревая от рези в глазах, я выскочил из-под стола и разлепил веки, однако так и не смог разглядеть, что произошло. Глаза были залиты мутно-белыми пятнами от слепящего света. С нарастающим шумом в комнате что-то сыпалось. А я стоял, как бестолковый манекен, и не видел ни зги. Глаза словно были заклеены цветной фольгой, и с каждой секундой крепнул страх, что вот оно и случилось, фотонный выброс, от которого до сих пор лечатся полуслепые испытатели первого нашего искривителя Warper... От ужаса я содрал и отшвырнул маску, закашлялся едким дымом и снова опустился на пол. С полминуты, тянувшейся вечность, пришлось массировать глазные яблоки, пока огненные фосфены не начали мало-помалу сходить. Полосы от щелей в столе впечатались в сетчатку намертво и не растворились до самой ночи... Пожалуй, я не только света, но и радиации мог нахлебаться от такого пучка излучения...

Кое-как проморгавшись, я тотчас забыл о радиации, потому как увидел, что комната заполнена коричнево-черным плотным дымом и серой взвесью. Дышать было можно, лишь находясь внизу. Брошенная маска сразу куда-то затерялась. По запаху стало понятно, что серая пыль – бетонная. Бетонный туман стоял стеной. Посреди комнаты на полу красовалась куча строительного мусора: песка, гравия, мелких обломков арматуры и еще чего-то блестящего. Потолок по всей комнате был объят дымом, а непосредственно над погребен-

ным под завалами искривителем потолок полыхал пламенем. За дымом и пробивающимися сквозь него языками огня я не сразу заметил, что в потолке зияла черная дыра, с ладонь в диаметре. Оттуда струйками сыпался серый песок.

Огонь быстро перекидывался на соседние потолочные плиты. Я бросился в угол за огнетушителем. Кашляя и жмурясь от дыма, опрокинул коробки с перекореженными продуктами моих прошлых опытов, которые мешали подобраться к стене. Огнетушитель поддался не с первого раза; упершись ногой, я отодрал его от стены вместе с кронштейном. Сорвал чеку и долго сыпал струей порошка на потолок, ничего не видя перед собой, кроме белого песка и покатых сугробов горького дыма.

Закружилась голова. Задыхаясь, я хрипел и кашлял и почти вслепую палил порошком по потолку. Глаза слезились и нестерпимо щипали от дыма. Потом что-то заставило меня отпустить рычаг: кажется, в очередной раз срываясь в кашель, я просто не сумел вдохнуть... Задержав дыхание, ощупись, спотыкаясь о рассыпанный повсюду мусор, я пробрался к окну, выбил огнетушителем заевшую ручку, распахнул его и перекинулся животом через подоконник...

Вдох был наполнен жарой и влагой, ароматом турецких специй и гнилостной примесью от стоящих внизу мусорных контейнеров. Так второй раз за сегодня я встретил свое спасение.

Я вдыхал и вдыхал. Истошный сип мой оглашал окру-

гу звуком водопроводной трубы. Голова опьяняюще кружилась. Вдыхая жадно, как курильщик после авиаперелета, я улегся поудобнее и стал ждать, пока дым вытянет.

Я глядел на стену соседнего здания, на его серые, потрескавшиеся фасадные плиты, нахлобученные возле окон грязные радиаторы кондиционеров... Моргал слезящимися глазами, зачем-то сопоставляя линии на здании с линиями фосфенов на сетчатке... Тянул носом воздушные массы пустого узкого переулка, в котором не было ни души, а были лишь запахи и кубометры, тонны свежего теплого воздуха... От радости хотелось хохотать.

*

Не отойдя еще от болезненной эйфории, первым делом я осмотрел аппарат. Рабочая зона почти не пострадала: крупный мусор почему-то упал по сторонам от нее, не задев прецизионные манипуляторы, которые сканируют объекты и устанавливают их на определенное место. Поверхность была засыпана мелкой цементной пылью и порошком огнетушителя. Искривитель был полон сил. Его экранчик издевательски сообщал: «Program finished»²².

Между тем, если не считать грязи, в рабочей зоне было пусто. Ручка-образец куда-то пропала, а от кубика не оста-

---

²² Программа завершена (англ.)

лось на сей раз даже стеклянного песка.

Дыра в потолке была совершенно круглой. По краю узкой полоской остаточно кипел пластик, источая едкий запах. Из дыры спускался столб солнечного света и эффектно подсвечивал стоящий в комнате туман. Вот ведь голливудский кадр, подумал я...

Вскочив на ближайший стул, я воочию убедился, что, да, дыра была сквозная, до самой крыши. Хрен знает куда. Легкий дымок от догорающего пластика уносила воздушная тяга из раскрытого окна в шахту. Песок больше не сыпался.

Пощупал стенки дыры: на пальцах не осталось ничего, я ощутил лишь абсолютно ровную поверхность. По виду она походила на сплав стекла с чем-то еще. На ней не было и грамма бетонной пыли, из нее по всей длине шахты ничего не торчало... Я глянул вниз и сообразил, что крупного мусора, да и пыли насыпалось во сто крат меньше, чем должно было бы. Никаких не полкуба, как можно прикинуть по объему пробитой шахты, а всего-то пара маленьких кучек.

В одной из кучек что-то блестело. Я взял в руки гладкий слиток неизвестного минерала, твердого и блестящего. Повертел его, сравнил с похожим материалом на внутренней поверхности шахты... И покрылся холодным потом от догадки.

Не сферой искривилось рабочее пространство, а длинной, до бог знает каких небес, сосиской, эллипсоидом узким, километровым... И минерал этот диковинный – сплав стекла,

алюминия и остального, во что превратился уплотненный бетон. Его как бы раздвинули и вжали... А по центру эллипсоида пролетела ручка, огрызок кубика и, быть может, вторая ручка. В какие недостижимые дали они угодили – страшно представить...

Как такое могло произойти, если у нас на инженерном уровне все искривляется только по сфере, ограниченной колбой аппарата?.. Впрочем, вопрос стоило задать себе еще утром, когда стеклянный песок впервые разлетелся за пределы рабочей зоны.

Сколько электричества сожрал этот артиллерист? Через три этажа бетонных и металлических перекрытий – сквозная дыра в небо!.. Черт с ним, неважно, премии и так лишат, главное, что не убил никого...

От этой крамольной мысли, которая нормальному человеку пришла бы в голову первой, я вторично похолодел.

А не убил ли он в самом деле кого-нибудь?

Я снова воззрился на пятнышко голубого неба в конце шахты и поймал себя на том, что не слышу никаких громких звуков, исходящих оттуда – ни криков, ни голосов, ни топота каблуков, лишь ровный, слабый гул... Стены шахты в небесных отсветах выглядели идеально сплошными до самого верха. Разрывов в них не было.

Я слез со стула и перевел дух. Меня начинало трясти.

Повезло, что у меня смежная комната, составленная из двух соседних. А на месте снесенной стены как раз постав-

лен искривитель. Шахта прошла строго внутри стен и не продырявила больше ни одной комнаты. Вряд ли кто-то пострадал, решил я. Пожалуй, в ближайшее время столь «удачную» дыру могут и не обнаружить! Хоть одна радость...

От сквозняка пыль оседала медленно. Я закрыл окно и кое-как отряхнул одежду. Она отвратительно воняла горелой пластмассой.

Расползшаяся по потолку гарь по очертаниям напоминала адскую черную звезду. Обойдемся без знамений, подумал я, подрагивая, и выскочил из комнаты, заперев дверь на спецключ. Звать Хой Ма оттирать комнату второй раз за полдня было неловко. К тому же, не стоит никому раньше времени знать об аварии. Иначе презентацию попросту отменят.

Шумоизолированная дверь, установленная давным-давно по указке Деева, не позволила дыму выйти наружу, так что в коридоре сохранился восхитительный аромат синтетического освежителя, без капли гари и горечи. И пожарная сигнализация не сработала. Почему не сработал локальный датчик у меня в комнате – стоило бы спросить Рустема и его знакомых пожарных инспекторов, которые были у нас полгода назад. А может, датчик висел как раз в том месте, где я прострелил дыру...

В коридоре не было никого. Тайком я пробрался в комнату уборщицы, расположенную довольно близко, и стащил оттуда пару роботов. Крупный мусор покидал в коробки и бросил в углу. Роботы у Хой Ма были весьма старые, дома у ме-

ня гораздо умнее и компактнее. Пришлось спрятать в ящики стола всевозможную мелочевку, которую они могли бы проглотить.

Я выставил роботам программу с влажной мойкой и чистой потолка и стал наблюдать, как они скрупулезно проходят все поверхности и вылизывают их от пыли. Это успокаивало, руки потихоньку переставали дрожать.

Паника отступала. Был хороший шанс не мешать роботам и смотреть на обед. Подкрепиться и развеяться. Во что-нибудь переодеться бы, чтобы не разило так дымом. Я открыл шкаф – там одиноко висел пиджак и лежала одна запасная рубашка в фабричной упаковке. Пиджак не подходил ни к чему, что было на мне; он был клоунский, двубортный, блестящий, с каким-то безумным узором на лацканах. Но выбора не было: я спешно переделся и выбежал из комнаты, чтобы не впитать гари.

Стараясь ни на кого не глядеть, переходя с травелатора на травелатор, я ехал в столовую на другой конец здания. Время обеда подходило к концу, что было на руку. В этот час в столовой почти никого не остается, и риск нарваться на навязчивую компанию и дурацкие вопросы – мал.

В холле мимо рассеявшихся ученых бродила угрюмая уборщица и подбирала ручным пылесосом фантики, стаканы и остальные продукты их деятельности. Кто-то повизгивал на нее, что она с мусором засосала гибкий экран, но она была в наушниках, и не слышала жалоб. На меня никто не об-

ратил внимания, несмотря на карнавальный пиджак.

Внимание тех, кто не был занят делом, оставалось во власти Сюзан. Ее по-прежнему окружала толпа, в которой был даже Джорджик. Он стоял спиной ко мне и трясся – видно, только что пошутил и сам по обыкновению смеется больше всех. У Сюзан на лице была вымученная полуулыбка, она устало расчесывала рукой волосы. Шел бы ты работать, Джорджик, тебе ли позориться... Впрочем, вид Джорджа, довольного собой, подействовал на меня успокоительно, будто все у нас в королевстве мирно и благополучно, а мои беды были не взаправду.

*

Еды в столовой осталось мало, потрудились мои голодные братья по разуму. Пришлось взять остатки крем-супа, паровую рыбу и болезненно-бледные спагетти. Ну и пусть, такое у меня наказание на сегодня. Зато козырный столик у окна был свободен. Я уселся, вытер с него пятна от чужого супа и принялся поглощать добытые яства.

Вкуса старался не чувствовать, что было легко, поскольку мысли мои блуждали вокруг недавней аварии. Я больше не паниковал, но анализировал. Пытался анализировать. Куда оно вылетело, насколько высоко и далеко, и главное – *что* вылетело?.. Сходить на парковку, посмотреть, повредил ли чей-то оверкар... Все это второстепенно. Важно по-

нять, как пространство искривилось столь немислимым образом... От этой задачи я будто бы отмахивался, ибо заранее предвидел, что она не имеет решения. Не бывает так. Нет смысла решать задачу о том, как может быть то, что не бывает... Где Деев? Он же обычно поздно обедает...

За окном палило солнце. На светофоре каждую минуту скапливались новые кучки оверкаров и на зеленый свет разбегались, как напуганные рыбы. У лотка с кебабами выстроилась очередь из нескольких человек, среди которых я узнал и наших фундаментальщиков. От солнца люди прикрывали головы бумажками. По тротуару ехал парень в шортах на оверборде и отталкивался ногой то от земли, то от попадавшихся по пути цветочных клумб и пожарных кранов.

– Не возражаете, Артур? – произнес по-русски знакомый голос. Я вздрогнул: передо мной стояла Дженнифер с подносом.

Так и оставшись с полным ртом, я сделал пригласительный жест рукой и уставился перед собой, спешно дожевывая. Она села напротив. На подносе у нее был тот же крем-суп и рыба, но без спагетти.

Вот ведь сила красоты, подумал я, глядя на ее поднос (и стесняясь смотреть выше, на выдающуюся вперед блузку с распахнутым воротом). У такой сногшибательной девушки даже унылая студенистая рыба выглядит как часть здоровой диеты. А у меня – как кара за собственную неорганизованность.

Поставив поднос, она сделала неожиданно резкое движение рукой, чтобы поймать стакан с соком – ей показалось, что он опрокидывается. Устроившись, она поправила рукой волосы, и, я заметил краем глаза, сделала медленный выдох. Взяла ложку и приготовилась начать с супа.

– Никак не могу перестроиться, привыкла поздно обедать, а тут после половины третьего есть нечего, – сказала она приветливо.

– Приятного аппетита, – ответил я и понял, что пожелание прозвучало с сарказмом, отчего меня вдруг охватило волнение, стало жарко и захотелось снять пиджак.

– Да уж, спасибо, – засмеялась она.

Не расположен я был к общению и сердился на нее из-за того, что поймала меня сейчас, когда я на взводе. С трудом сделал над собой усилие, чтобы не промолчать и не прослыть законченным социопатом.

– Особо ушлые из таких неудачников, как мы, вон, за кебабами пошли, – кивнул я в окно.

– Нет, для моего желудка это слишком жестоко, – сказала она, аккуратно отправляя в рот ложку супа.

Я поковырял вилкой рыбу. Есть ее не хотелось.

Мы помолчали. Дженнифер стучала ложкой о тарелку. Я украдкой бросал взгляды на ее струящиеся шоколадные волосы, на безупречно подчеркнутые ресницы, на то, как напрягается первая застегнутая пуговица ее блузки, когда она расправляет плечи.

Я старался отвлечься и осилить спагетти – они были более-менее съедобными. Неловкость ситуации давила и мешала пищеварению. Переборов себя повторно, я выдавил следующую непринужденную фразу.

– Давно вы переехали в Стратос?

– Пять лет назад, – сразу ответила она. – Почти шесть.

– А в России где жили?

Она улыбнулась укоризненно.

– Ни одной свободной минуты не было, чтобы почитать ваш профиль, – оправдывался я. – Seriously.

– Что вы, я охотно расскажу, – отозвалась она миролюбиво. – Приехала из Казани. Там работала и училась. До этого мы жили в Ростове; там мое детство прошло, с тех пор как перебрались из Филадельфии...

– Вы родом из Филадельфии? – удивился я.

– Мы оттуда быстро уехали, я почти ничего не помню, – сказала она, глядя в суп.

– Ясно, – произнес я неопределенно. – А я вот не был ни в Казани, ни в Ростове... Сам я из Твери. Родился, учился близ Твери. Потом – Подмосковная школа ПАК...

– Да, я читала, – сухо сказала Дженнифер.

– Н-да... – заключил я и вернулся к спагетти.

Повисла новая пауза. Зачем пустился по волнам своей памяти? Обычно из меня такого силком не вытащишь, а тут сам полез...

– Наверное, трудно было привыкнуть к бетонной короб-

ке? – вернулся я к теме переезда.

– Вы о чем?

– Ну... о стене вокруг Стратоса, – я помахал руками, изображая преграды с четырех сторон. – Раньше вы, наверное, жили на природе?

– А, да, – посветлела она. – Честно говоря, первое время было тяжело, вы правы. Очень скучала по собственному дому и саду!.. Где я сейчас живу, в здании есть терраса на крыше... ну, знаете, для своих жильцов, позагорать или в мини-гольф поиграть. На ней деревья в кадках, цветочки; мажордом за ними ухаживает. Представляете, поначалу каждое утро, часов в семь выходила туда – подышать, под солнцем постоять с закрытыми глазами. Без этого ритуала не могла начать день.

– Потом перестали?

– Да... Все равно воздух не тот, городской. Суррогат. Решила: что ж поделать, раз живу в Стратосе, о загородном доме пока придется забыть. На пенсии наверстаю... Мама моя жила в квартире лет двадцать, пока я не родилась; и ничего.

– Ну, тогда только зарождалась эта мода. Каркасные дома, роботы-садовники, роботы-огородники, натуральное хозяйство... Помните?.. Когда начали массово переселяться за город, я уже в школу ходил.

– В Ростове мы всю жизнь жили на своих огородах, – возразила она. – Дом в частном секторе, а на работу ездишь в город.

– Наверное, – согласился я. – Это из Европы пошло, послевоенное: деурбанизация, культ DIY²³...

Снова молчание и мои тягостные попытки придумать тему для разговора. Но на сей раз инициативу проявила Дженнифер.

– А вы? – спросила она. – За стену выезжаете?

– Стараюсь выбираться, – соврал я. – На пляж, в горы... К кому-нибудь в гости в коттедж... У меня самого дом неподалеку, в Мастиано, правда я там давненько не был.

– Собственный дом? – удивилась она. – А почему не ездите туда на выходные?

– Ну... – почесал я голову и тут же остановился, потому что из нее сыпался песок. – Не получается как-то...

Она сделала недоуменное лицо и вернулась к еде.

– Я бы ездила, – добавила она задумчиво. – Там красиво.

Я немного помял спагетти и стал смотреть в окно. Очередь за кебабами не оскудевала. Теперь к ней примкнула нелюдимая девочка-фундаментальщица, «синий чулок», а с ней – сам Смит в своем угольно-черном костюме-тройке, застегнутом от пупка до шеи. Лоточник легкими движениями упаковывал кебаб в питу, подтыкал нарезанной капустой, ломтиком томата, огурчиком, обливал соусом и отдавал голодающему. Наблюдать за ним можно было бесконечно.

---

²³ DIY – «Do It Yourself» – «Сделай сам» (англ.). Здесь: концепция строительства и ремонта жилья своими руками, самостоятельное обустройство частного хозяйства.

– Разузнали что-нибудь про стажера в халате? – осведомился я, не отрываясь от лоточника.

– С ним оказалось сложнее, чем мы планировали, – с готовностью начала Дженнифер, отложив ложку. – В полицейских базах его фотографии нет. Но, сами понимаете, там многих нет. Меня, например; потому что я в SP имела допуск к секретным материалам... Мы сделали запрос в Верховную Ассамблею по своим каналам и пока ждем ответа. К базе сотрудников Штаба ПАК доступ получить можем, но это рискованно, поэтому оставили напоследок. Все бы сильно упростилось, если бы вы подсказали его имя.

– Имя? Откуда я могу знать его имя?.. Вы посмотрели по камерам, где он еще побывал? – добавил я, не дав ей ответить.

– Он был в нескольких лабораториях, но почти ни с кем не вступал в контакт. Везде подолгу осматривался, щупал аппаратуру, перебирал бумажные документы, если находил... Общался он только с Дэвидсоном, поэтому пока я могу предположить, что он – сотрудник дэвидсонской конторы, которого тот вызвал на подмогу из-за теперешнего аврала.

– Вы действительно так считаете? – спросил я подозрительно.

– Это лишь предположение, даже не версия. Мы продолжаем искать, – успокаивала она.

– А можно ли по вашим каналам в Ассамблее узнать, идет ли сейчас проверка?

– Нам ответили, что идет аудиторская проверка. Прокурорской проверки нет. Но для верности мы переспросили и пока ждем ответа.

– Стоп, Дженнифер, – сообразил я вдруг, – а как он вообще был нанят мимо вас? Вы же всех новобранцев проверяете.

Она замялась.

– Я потому и предполагаю, что он не сотрудник, а внештатник Дэвидсона...

– А по какому пропуску он попал в здание? Кто его выдал, кто одобрил? – напирал я.

– Артур, послушайте, мы полноценно работаем всего месяц, – сказала она оправдательно. – Он через нас не проходил, и пропуск его – тоже. Значит, он получил пропуск раньше...

– ...или воспользовался чужим? – подсказал я.

– Нет, мы это проверили, – терпеливо возражала она. – Он прошел по гостевому пропуску. О том, кто заказал пропуск, данных нет.

– Как это – данных нет?! – откинулся я и всплеснул руками. – Мы в каком веке с вами живем?

– Артур, ну я же не виновата, что у вас такой бардак с кадровым учетом! – воскликнула она. – Я уже представила доклад на эту тему Рустему Опаляну, он обещал принять меры... Давайте исходить из реалий. Если бы его можно было отследить элементарными способами, мы бы давно это сде-

ляли.

Я продолжал сердито смотреть на нее. Она отвела глаза, взяла ложку и вернулась к супу. Потом добавила:

– Не кипятитесь, прошу вас. Как только узнаем что-нибудь точное, я вам сразу же сообщу. Я отлично понимаю важность вашей просьбы, – сказала она, улыбнулась и прищурилась.

Кажется, у меня дрогнул взгляд. Мысли смешались, я больше не думал ни о каком внештатнике. Передо мной стояло лицо Мари, обрамленное круглой короткой стрижкой, в рассеянном солнечном свете от занавески в нашей любимой кафешке за углом, куда мы ходили завтракать по выходным. Она сидела в ожидании обожаемых своих оладий, подперев голову точеной ладошкой, и щурила сонные глаза, а я втайне хотел, чтобы эти оладьи подольше не приносили...

Многие говорят, что после расставания с близким человеком спустя довольно короткий срок ты уже не можешь нарисовать в памяти его лицо, но это не про меня. Я помню Мари во всех подробностях, будто мы расстались пять минут назад. Помню ее непроницаемые, цвета крепкого кофе волосы, короткую, «под мальчика», прическу, бездонные карие глаза, хитрые и нежные, ямочки на щеках от улыбки, тонкие, как ниточки, брови... У меня много ее фотографий, но причина не в этом. Просто такие как Мари не забываются.

К фирменному прищуру Дженнифер совершенно необходимо привыкнуть, иначе так и буду реагировать, как побив-

тая собака. Я поспешно склонился над рыбой и зачем-то отправил очередной кусок в рот. Тотчас пожалел об этом, через силу прожевал и стал смотреть в окно. Продавец кебабов жарил на гриле новую партию, перед ним никого не было, все разошлись. Солнце слепило глаза, отражаясь в окнах соседних зданий, и обдавало лицо жаром.

– У вас глаза красные, – сказала Дженнифер. – Дать вам капли? У меня есть.

От неожиданности я проглотил недожеванный кусок, вскинул голову и молча взирал на нее секунд десять. Она озабоченно рассматривала мое лицо.

– Не надо, спасибо... Всю ночь сидел за терминалом, – опять соврал я. Глаза до сих пор пощипывали от дыма, а вот что они красные – я не догадался.

– Ну как знаете, – сказала Дженнифер и замолчала.

Мне стало не по себе. Напоминание о дыре возбудило подозрительность. Чтобы не культивировать ее, я решил возобновить наступление по начальственной линии. Тем более, новостями Дженнифер меня не обрадовала – не могут, понимаешь, выяснить, кто среди бела дня шастает у нас по офису!

– Вы утром хотели со мной о чем-то поговорить?

Она удивленно подняла брови, затем покачала головой.

– Да, извините, мне все удалось решить с Артем Палычем.

– Что именно?

– Технические моменты по презентации, – она махнула рукой. – Регламент, доставка аппаратуры, хранение дан-

НЫХ...

– Но вы и со мной что-то хотели обсудить, – не унимался я.

– Извините... Моя ошибка, я не до конца понимала, кто за что ответственен.

Ответ меня слегка обескуражил, отчего я лишь сильнее рассердился.

– В таком случае, расскажите немного о вашем отделе, Дженнифер, – продолжил я допрос. – Кто у вас чем занимается? С утра мы познакомились как-то скомканно...

На ее щеках появился легкий румянец.

– Да... Артур, я как раз хотела принести извинения за поведение своих ребят. Бойко сегодня какая-то муха укусила, он с утра на всех бросается. Вообще, он моя правая рука, многоопытный и ценный сотрудник... Когда мы поймали шпиона из Super, который устроился к нам в SP, Ярослав первым его заметил и принял меры. Вы наверняка слышали эту громкую историю?

– Нет, – сказал я холодно.

– Что ж, – она смутилась, – тем не менее, многие считают ее важным успехом моей команды. Раскрыть этого шпиона было непросто, он все обставил очень грамотно. Но мы обнаружили, причем довольно быстро. Также помогли...

– Многие – это кто? – перебил я.

– Что, простите?

– Многие считают эту историю вашим успехом. Кто – мно-

гие?

Она совсем смутилась и сказала тихо:

– Я имела в виду мое начальство и главных акционеров SP.

– А, вот вы о чем... Понятно, давайте дальше, – сказал я.

Она посмотрела на меня пристально, как бы изучая, к чему я веду и что еще собираюсь выкинуть. Скулы были напряжены и придавали взгляду агрессивность. Через пару мгновений от смущения ничего не осталось, и она продолжила:

– Картрайт и Бенедикт... Кстати, вы наверняка спросите: они не братья и не родственники. Раньше работали в ПАК. По тому самому шпиону они помогли нам неоценимо. За одну ночь собрали дайджест всех его перемещений за последний месяц, выжимку из личных разговоров, писем, сообщений и даже записи камер наблюдения, в которые он попадал по пути от работы до дома. За одну ночь, а это же огромный объем информации! Дальнейшее было делом техники, Ярослав организовал поимку с поличным на следующий же день...

– Такой отчет самый обычный штабной аналитик делает за час, – хмыкнул я. – максимум за два, если он новичок.

Она осеклась, но сохраняла самообладание и располагающую улыбку:

– Согласитесь, во-первых, есть разница между ПАК и Штабом ПАК...

– Нет разницы, аналитики там и там абсолютно одинако-

вые, – занудствовал я.

– ...и, во-вторых, мы же не военные, а заурядная служба корпоративной безопасности. Обычно мы ловим офисных воров, раскрываем служебные романы, проверяем наличие судимостей у новых сотрудников... И тут вдруг – настоящий шпион. Позже выяснилось, что он не у нас одних копал. Он был шпионом государственного масштаба, и им должна была заниматься госбезопасность, а не мы... Согласитесь, будь вы на моем месте, таким эпизодом своей карьеры вы бы гордились?.. Кстати, забыла упомянуть: нас удостоили награды ПАК за эту операцию – медаль за доблесть в гражданской службе.

Становилось ясно, что Дженнифер относится к хорошо знакомому мне типу женщин. У нас в ПАК только такие и работали на сколь-нибудь значимых должностях. Красивая, ухоженная, со вкусом одетая, с прекрасными манерами. Прирожденный манипулятор, уверенная в себе, хваткая и сильная, каким должен быть настоящий мужчина. Я вспомнил Кэйси, комиссара по кадрам из Верховной Ассамблеи. Серый кардинал, которая не давала спуска даже Корлейну. Не знаю, как с ней справлялись тамошние генералы, но меня такие женщины попросту выбешивают. От попыток манипуляции мое эго моментально восстает и жаждет разоблачить врага.

Последнее про медаль она сказала, похоже, от отчаяния. Я решил не игнорировать ее промашку и усмехнулся:

– За доблесть в гражданской службе... Спросите, сколько у Деева таких медалей! Однажды мы с ним поспорили, что он ее получит всего через неделю после получения предыдущей такой же – и, знаете, он выиграл.

Беседа начинала веселить, хотя я понимал, что до добра это не доведет. Дженнифер отложила ложку, помолчала и поправила волосы.

– Артур, вы же боевой офицер... Зачем вы так?

– Как?

– У всех свои награды. Мы же не военные...

Под «боевого офицера» она сделала большие печальные глаза, что лишь укрепило меня в мысли, что манипуляция в разгаре, и нужно противостоять. Вот на какие глаза купился Деев, прохвост, нанимая ее... Глаза обворожительные, ничего не скажешь. Можно и заглядеться.

Я сложил руки перед собой и выдвинулся вперед. Мне доставляло удовольствие, что я выигрывал поединок, и хотелось дожать до конца. На самом деле, как я позже размыслил, в лице Дженнифер я хотел уязвить не только ее, но и Ярослава, на которого так и не перестал злиться с утра.

– Дженнифер, вы, я вижу, хорошо знаете мою профессиональную биографию, – сказал я утвердительно.

– Читала... – сказала она тихо.

– Вам наверняка известно, что я не только офицер, но и агент 25-го грейда, аналитик со стажем и не первый год руковожу проектом, который иной раз требует почти воен-

ной секретности.

Она кивнула. Возможно, то было частью тактики, но вид у нее был жалкий. Она вжалась в спинку стула, лицо было бледным, руки – бледны и напряжены. Глаза горели, как два топаза. Она была готова принять следующий удар без сопротивления. И я невольно смягчился.

– Когда речь идет о подчиненных по научной линии, – заговорил я проникновенно, – на многое закрываешь глаза. Чем ближе мои коллеги к фундаментальным наукам, тем больше им приходится прощать, вы понимаете... – попробовал я пошутить, но она не поняла. – Когда же речь о тех, на кого я должен полагаться как на своих боевых товарищей – я крайне требователен. Это профессиональное... Поэтому, Дженнифер, ничего личного, вы наверняка замечательная девушка, но мне необходимо знать, что вы из себя представляете как профессионал. Из какого вы теста. Чтобы иметь основания доверять вам... Понимаете?

Она часто кивала, пока я говорил. Потом потупилась и стала разглядывать рыбу, которую бессмысленно шевелила вилкой. Помолчав, подняла глаза на меня. Я заметил это боковым зрением, поскольку снова смотрел в окно и наблюдал, куда лоточник денет котлету, случайно оброненную на асфальт. Он стоял ко мне спиной, наклонившись, и, кажется, мыл ее в каком-то тазу.

– Прекрасно вас понимаю, Артур, – заговорила Дженнифер, прокашлявшись, – но, по большому счету, ничем более

ярким похвастаться не могу. В SP мы внедряли новую систему отслеживания утечек, я разрабатывала на нее техзадание и руководила айтишниками. Новые корпоративные стандарты безопасности, новые компоненты в системе мотивации ключевых сотрудников... Все это делали мы, и оно принесло пользу. Слив информации перешел из разряда мелких шалостей в преступления. Для топ-менеджеров перестали делать исключения. Были показательные судебные процессы... Но мы не военные, Артур, и боевых подвигов в нашей биографии нет, к сожалению. Поэтому...

– Дженнифер, я вас не о подвигах спрашивал, – проговорил я тихо и очень веско. – Я просил рассказать о вас и вашей команде.

– Да, я понимаю, – хрипло сказала она и потянулась к стакану с соком. Я рассмотрел на среднем пальце кольцо с маленьким сапфиром. На безымянном пальце кольца не было.

Глоток сока взбодрил ее, она выдохнула и продолжила ровным голосом. Рассказала о том, что Картрайт Ллойд и Бенедикт Бейкер – бывшие хакеры, участники международной хакерской группы NRG, которая известна особым умением досаждать ПАК: взламывать самые защищенные сервера и публиковать найденную информацию. Бойко раньше работал в подмосковном представительском офисе ПАК, по части тамошней безопасности, и волей-неволей был вынужден копать под эту хакерскую группу, поскольку его коллегам по офису то и дело приходилось сочинять пресс-рели-

зы и позориться перед телекамерами после публичных разоблачений. Однажды он вышел на эту парочку британцев и сумел завоевать их расположение, после чего договорился с паковскими рекрутерами, и те их перекупили. Ну а затем Бойко переехал в Стратос, начал работать в SP в отделе связей с ПАК и жесткой рукой воздействовал на нелояльных сотрудников. В SP Laboratories отдел отношений с ПАК пересекался по своим функциям с отделом секьюрити и вел себя порой пострашнее последнего. В конце концов, когда Дженнифер потребовалось набрать команду в Gateway, она позвала Ярослава втроем с Ллойдом и Бейкером. С ними он поддерживал хороший контакт. На ее взгляд, получилась разносторонняя и сильная команда.

– По-честному, Артур, мы больше работники тыла, но я очень постараюсь, чтобы мы стали вашими верными боевыми товарищами, – закончила Дженнифер. Уверенность и располагающая улыбка вернулись к ней.

Я поблагодарил ее за рассказ, который, в общем-то, развеял мои сомнения, и даже Деев больше не казался прохвостом. Ложкой дегтя оставались ее брачные игры с Ярославом. Они весьма извращенно вписывались в образ «разносторонней и сильной» команды.

Я спросил ее напрямик. Она в очередной раз покрылась румянцем, однако ответ, похоже, был заранее продуман и заготовлен:

– Никаких отношений между нами давно нет. Насчет кон-

фликта интересов можете не волноваться. Если я увижу хоть намек на конфликт интересов, он сразу будет уволен, и он об этом знает.

Я попытался представить Ярослава, объятого страхом увольнения, и не смог.

– При всем уважении, меня эта ситуация будет беспокоить и впредь...

– Прошу вас, Артур, – перебила Дженнифер, – будьте уверены, я десять лет имею дело со служебными романами и хорошо знаю, как с ними справляться. Я прекрасно осознаю всю...

– Нет, вы посмотрите, он стал ее жарить! – завопил я, тыча рукой в окно на продавца кебабов. – Он помыл эту котлету и жарит ее снова!

Мой выпад окончательно сбил ее с толку. Она так и осталась с раскрытым ртом и глядела на меня как на умалишенного. Затем уставилась в окно и, наконец, рассмеялась, прислонив к лицу ладонь. Она смеялась без притворства, и не столько над этой котлетой, сколько от облегчения, которое было буквально написано на ее лице.

И дальше разговор пошел совсем в другом ключе. Мы посмеялись над лоточником и его клиентами, я повторил, что Ярослав будет меня беспокоить и впредь, но получилось как-то несерьезно, и я перевел все в шутку. Она поддержала и с наигранной таинственностью ответила, что у нее над ним особая власть, и он только с виду дерзкий, а в действи-

тельности ходит у нее по струнке. Я благосклонно признал, что, в целом, впечатлен ее историей и взаимно надеюсь, что мы сработаемся. Подумал извиниться за жесткий допрос, но не стал.

Неожиданно пробудился аппетит, и мы по взаимному согласию вернулись к останкам еды. Я повторно пожелал приятного аппетита, Дженнифер, жуя, улыбнулась и опять стрельнула своим прищуром. В этот раз я ничего не ощутил – то ли начал привыкать, то ли отвлекли мысли о дыре в потолке, навеянные пробивающимся запахом дыма от рубашки.

О дыре рано или поздно придется кому-то рассказать. Хочется – Дееву, но скорее всего это бессмысленно и принесет лишь успокоение собственных нервов. Мы оба с Деевым не любим, когда кто-то из коллег приходит с проблемой, а о том, как ее решить, у него ни одной мысли. Рассказать ли о дыре Дженнифер? Вопрос. По идее – надо; подобные проблемы, а в особенности их последствия, и есть самая компетенция ее отдела...

– У вас новый пиджак? – заметила она, поднимая брови.

Я выпучил глаза и вдруг вспомнил, что в самом деле сижу в этой уродливой лоснящейся тряпке:

– Да... Вы знаете, я вообще такой модник!

Она чуть не подавилась со смеху.

– Интересная расцветка, – пробормотала она.

– Да, винтаж, знаете ли... А вообще, перестаньте, – мах-

нул я рукой. – Это мне Деев подбросил сто лет назад. Купил его в Космонете, а потом оставил мне. Сказал, что *он* носить такое не будет. А сегодня вот пришлось переодеться... я не специально, я облился кофе, а это было единственное, что висело в шкафу.

Мы помолчали, поглощая пищу. Когда Дженнифер разделалась со своей порцией, она возобновила деловую тему:

– А вы над чем сейчас работаете, Артур? Поделитесь?

Стреляю в потолок, подумал я, и вновь почувствовал, что потею от волнения. Чтобы этого не показывать, я стал еще быстрее доедать, хотя аппетит снова отрезало.

– Мы работаем над Porta, – проговорил я с набитым ртом, считая, что так волнение менее заметно, – Ну, вы знаете, новая серия... Как всегда, перед презентацией аврал... Трудно назвать что-то одно, сейчас куча дел и суета... Доделываем всякое...

– А что именно доделываете?

Я посмотрел на нее пристально: с какой целью она интересуется и что ожидает услышать? Внешне выглядело как безобидное вежливое любопытство.

– Ну, последнее тестирование выявило один неприятный момент, который мы не могли заранее предвидеть... Устранить его несложно, но времени мало.

Хотелось добавить крепкое словцо в адрес Виточки и Дэвидсона, и аудиторов, и Рустема... И, возможно, Дженнифер даже нужно посвятить в наши интриги. Но почему это дол-

жен делать я?..

А Дженнифер, между тем, не унималась:

– По образованию я технарь, к тому же работала в SP Laboratories, поэтому не беспокойтесь, можете употреблять научные термины. Расскажите толком, что за проблему вы сейчас решаете?

– Раз вы настаиваете... Во время MSA молекулярный пойнтер хранится в отдельной памяти, поскольку у него размерность как у числа Авогадро, да еще в трех измерениях. И этих пойнтеров там одновременно хранится тоже двадцать второй – двадцать третий порядок. – Я сделал проверочную паузу. Дженнифер кивнула, ожидая продолжения. – Дэвидсон, в своем репертуаре, увеличил их количество еще на пару порядков. Память не резиновая, она начала выкидывать что-то в своп. Алгоритм свопа там стоит простейший, он не отслеживает, сколько времени в памяти пролежал тот или иной пойнтер, а свопает все без разбора. И получается, что туда-сюда он гоняет одни и те же ячейки, ненужные, и в итоге контроллер памяти перегревается... – Дженнифер кивнула менее уверенно. – Нарастить память мы не можем, тогда всю архитектуру надо менять, разрядность увеличивать. Алгоритм свопа переделывать – сложно и чревато, его нужно тщательно отлаживать, это очень низкий уровень системы... Да и вообще, про своп – пока мое личное предположение, потому что я с таким и раньше сталкивался. В итоге, мы сейчас тупо монтируем дополнительную систему охлаждения

памяти. Видимо, единственный вариант в нашей ситуации.

Дженнифер старательно вслушивалась в мою тираду, подавшись вперед и напрыгая брови. Когда я закончил, она секунд десять хмурилась, делая вид, что вовсе обмозговывает мои слова. В тот миг я бы не удивился чему-нибудь вроде: «А память ASA вы использовать не пробовали? Она же больше». Но Дженнифер внезапно рассмеялась:

– Нет, все-таки ничего не понятно! У вас что-то перегревается, и вы это охлаждаете, потому что причину исправить не можете. Вот и всё... Ну, Артур, не смотрите на меня, как на блондинку, зато я в информационной безопасности разбираюсь почище вашего Дэвидсона!

Она улыбнулась не без кокетства. В ответ я изобразил свою лучшую отеческую улыбку.

– Да бросьте, что вы... Я на пару недель уйду в отпуск – тут же забываю, что у нас какими словами называется! А вы говорите: работали в SP...

– А конкретно вы чем из всего этого занимаетесь? – спросила она. Несмотря на заигрыши, она не сдавалась, и это настораживало. Не из вежливости было ее любопытство.

– Как вам сказать... – произнес я неопределенно. – Бегаю за всеми и подтираю, извините за выражение... Называется: проектный менеджмент.

Между тем испарина у меня на лбу, казалось, выдавала всю правду об аварии в кабинете. За резким выражением я старался это скрыть, но Дженнифер как будто чувствовала

фальшь. Она сверлила меня глазами секунд десять, ожидая услышать подробности, но их не последовало. Я делал вид, что мне не интересно распространяться на эту тему: показательно смотрел в окно, улыбался тому, что перед лоточником выстроились новые голодные, и задумчиво жевал свой обеденный корм.

– Кстати, Дженнифер, – спохватился я, изобразив внезапность, – не возражаете, если мы будем на «ты»? У нас так принято.

– Да, Артур, конечно, – сказала она безразлично.

С минуту мы молчали. Под рубашкой по бокам у меня сползали капли пота. Пора было сворачивать разговор, черт с ней с недоеденной рыбой. Я поднялся.

– Ну, спасибо за компанию и ваш... то есть – *твой* рассказ о себе... И помни, что я очень жду деталей по этому внештатнику.

– Большое спасибо взаимно! – пропела она и очаровательно улыбнулась. Ее недавней пытливости и след простыл, улыбка была теплая и искренняя, отнюдь не соответствующая столь дежурной благодарности... Меня кольнуло чувство вины за устроенный допрос.

Ослабившись, как имбецил, я помог ей убрать поднос. Мы распрощались и разошлись в разные стороны по коридору.

Ощущения после разговора у меня были смешанные. Начальственный гнев внезапно сменялся юношеским мандра-

жем. «Не влюбился ли ты, Борисыч?» – нет, не то. Просто красивая женщина и гормоны, от которых я отвык. Их нужно прятать; давать им волю у меня всегда плохо заканчивается, я этого не умею. Нужно подчинять их логике.

А логика в том, что Дженнифер – странная. Непонятная. Кого-то из себя строит. Втирается в доверие и норовит что-то выпытать. Взывает к чести «бывшего аналитика» и «боевого офицера»... Однако минутка слабости, похоже, была натуральной. Пыталась выправить ситуацию, но спотыкалась... И прощальная улыбка была настоящей. Утром она улыбалась совсем иначе...

Да ну, хватит. Какой из меня психоаналитик? Зарекся же читать по глазам... Обычная тактика: к тебе благосклонны – улыбайся и нападай; допрашивают – бойся и плачь... Возможно, я вовсе не выиграл эту беседу, а поддался на ее многоходовку. Она открыла мне свою слабость, и теперь я вынужден относиться к ней с долей нежности.

Вспомнилось, как однажды Фрайд умудрился растрогать тем же методом саму Кэйси. Ее излюбленным приемом убеждения было пустить слезу. Казалось, все вокруг понимали, что это игра (кроме Корлейна, разве что), но ничего не могли с собой поделать и поддавались. А Фрайд отплатил ей той же монетой: он единственный распознал, что в ней «сильно материнское начало», и с ней надо быть «маменькиным сыночком». Помню, я его в шутку обозвал Фрейдом, на что Крег поржал, а потом втихаря выяснял у меня,

кто такой Фрейд... Надо знать Марка, чтобы понять, как он грамотно сумел выстроить разговор, чтобы и достоинство не уронить, и понять как следует. В результате из нас троих он один получил увольнительную на целый месяц и укатил куда-то в Юго-Восточную Азию. А мы с Крегом, как и положено, пооткисали всего неделю: он на пляже под Барселонной, кишащем потными испанцами, я – в Мاستиано с Мари.

*

Мои размышления прервал Гарри Игнатъев-Фойерман, на которого я наткнулся перед дверью собственного кабинета. Всенародный и общекорпоративный наш друг стоял, переминаясь с ноги на ногу, и сосредоточенно елозил шоферской перчаткой по телефону (а не шатался, как обычно, поперек коридора, мешаясь всем на тревелаторе и заигрывая с каждой проезжающей женщиной, независимо от ее возраста и привлекательности). Гарри Федорович был одет в свой знаменитый черно-красный комбинезон гонщика с активным охлаждением, облепленный нашивками со всех стран мира, где этот потомственный водила успел помотаться за свой век. Загорелая лысина была выбрита под ноль, аж отсвечивало. Как всегда, от него пахло фастфудом, потом и освежителем салона.

– Здорово! Где пропадаешь, едрить-батон? – он мигом убрал телефон, содрал перчатку и протянул красную ручи-

шу.

Гарри выглядел настороженным, как сказали бы те, кто с ним коротко знаком и не говорит по-русски. На самом же деле он был напуган до ужаса, и я это понял сразу.

– Хрен ли вы тут делаете, ученые, профессеры кислых щей, мать вашу?! – зарядил он материться опасливым полупшепотом. – Меня чуть не убило, едрить, крыло прохрена-чило насквозь. Задержись я на полминуты, все – капец мне был бы!

Я молча схватил его за плечо и потащил по коридору в переговорку. Идти было два шага, он не успел засопротивляться. В переговорке сидел одинокий программист с ноутбуком; с ходу я гаркнул «Совещание у нас тут!», и он испарился. Я затолкал Гарри внутрь и запер дверь.

– Ну, выкладывай, только без эмоций и подробно.

И Гарри многословно, с отступлениями рассказал, как он с утра летал то за одним, то за другим в несколько магазинов, весь город исколесил, едрить-батон... Возвратившись, он парковал оверкар на своем обычном месте на крыше, и что-то ему показалось неладно с левым передним антигравитатором. Вылез он, значит, посмотреть, и точно – почистить бы надо сетки, а то откажут на дороге, а ведь говорил он Рустему, но тому все до фени... Словом, задержавшись на минуту с антигравитатором, он удачно избежал прямого попадания «хрен знает какой шняги», вылетевшей прямо из крыши здания, «ракета херова!...» Оверкар трянуло неслабо, внутри

отказала вся электроника, машина даже рухнула на асфальт, а ведь Гарри говорил Рустему, что надобно бы противоударный аккумулятор поставить, но фиг ли толку... В результате, пробило ему левое крыло. Это-то не страшно, дырка с два кулака, с ровными краями, а поверхность крыла целая, летать можно, кособочить маленько будет, ну да не на таких тазах летали... Самое главное – сила удара; это Гарри больше всего напугало и вместе с тем восхитило. Вот бы жахнуть из такого по египетским сепаратистам, едрить мать их...

Слушая его словесное недержание, я лихорадочно сообщал, где еще предстоит сегодня обнаружить следы моего безрассудства. Теперь и на крыше, и черт знает в какой дали, куда *оно* могло долететь...

– Кому ты успел об этом растрепать? – перебил я его.

– Артур, я не трепло, ты же знаешь, я могила, – заговорщически продолжил он, но, конечно, никакая он был не могила, и от этого холодело в копчике.

– Федорыч, заглохни и отвечай на вопрос: кому ты успел об этом рассказать? Говорил же кому-то, по глазам вижу! По чьему поручению ты ездил?

– Артемона... Ну, доложил я ему, но он не выслушал толком, пинком под зад отправил к тебе, и всего делов. Я чуть не обделался со страху, а он даже не выслушал...

Деев – это хорошо. Но наверняка Гарри разболтал и кому-то по дороге... Я стал на него давить, называть имена тех, кто мог ему встретиться, однако Гарри упорствовал, что

он могила, и никому, кроме единственно Деева и меня, он не поведал ни полслова.

– А что еще вылетело? Куски бетона, камни, песок, пыль – были? Куда оно все делось?

– Песок был, да, бетонный... Вылетел столбом и осел, крыло мне засыпал... Камни – были, ясен пень, Борисыч! Крыло мне, по-твоему, чем пробило, ежели не камнем?

– Федорыч, прошу тебя очень, не думай сейчас головой, просто отвечай и все! Думать буду я. Были куски бетона? Валяются они там, на парковке?

– А... да нет, там все чисто. Только крыло сверху слегонца присыпало, да и все. Мужики подумали, что у меня рванул компрессор.

– Какие еще мужики, Гарри?! Сколько народу было на парковке?

– Да никого не было, Артур, это я так... Проходило пара пацанов твоих, очкарики, тоже обосрались от страха, но они *ничего не видели*, я отвечаю, – Гарри подался вперед так, что чуть не лег на стол, так ему хотелось быть замешанным в какую-то тайну. – Они потом проходили мимо, когда я возился с крылом... Один и сказал, мол, компрессор рванул, типа умный, едрить его... И стоит, зырит, как я там корячусь. Ну, я ему высказал. Не сильно, не боись. Так, погрозил монтировкой, он и смылся.

Я кусал губы и судорожно прикидывал, как сейчас все разрулить. Что никого не убило – это хорошо. Что будет внут-

ренное расследование, это понятно и наплевать. Выяснить, что именно вылетело – вот ключевая задача. Потому что эксперимент не закончен, пока не известен его результат.

Сегодня Гарри предстояло докупить всякого для презентации: софиты, переносной кондиционер, генератор.

– Плевать на это барахло, завтра съездишь! Сейчас вот что: вспоминай, куда улетела эта штука! Был же от нее след? В небе был след?

– А как же, Борисыч! Как от самолета, белый такой... Ха-ха, компрессор рванул, вот балабол, умора... Компрессор – это ж не ракета! Он – хлоп, и все.

– Федорыч, замолкни, никакой ракеты не было. Ты помнишь, куда вели следы? Направление хотя бы...

– На север, в сторону промзоны ушла. Кажись, даже примерно знаю, куда она упала.

Я загорелся и наказал Гарри немедленно лететь туда и найти эту штуку. Что искать – описал как смог, хотя в действительности даже не был уверен в том, что вылетел целый предмет, а не молекулярный песок.

Гарри клялся, что будет держать рот на замке, и благодарно тарачился на меня – вся история увлекала его как никогда, он, казалось, и ночью в дождь полетел бы за этой хреновиной и искал бы ее до рассвета.

– Борисыч, ну ты потом растолкуешь, что у вас за эксперименты, а? – канючил он. – Я Артемона спрашивал, он рывкнул, как на шавку, и отправил к тебе...

– Растолкую, Гарри. Потом. Сейчас я могила и ты могила. Давай, дуй туда и обратно, быстро!

Он вскочил, на ходу от радости крикнул «Есть!» и скрылся за дверью.

*

В комнате было жарко и душно от открытого окна. Кисло-горький запах пластмассы практически выветрился, если сравнивать с тем, как тут воняло час назад. Хотя, что говорить, контраст с благоухающим коридором оставался разительным.

Один из пылесосов, видимо, чересчур долго путался в расставленных конечностях искривителя и сошел с дистанции; стоял он, упершись в стену, и мигал красным индикатором в форме батарейки. Искривитель был вымыт до блеска. Чистыми были и другие поверхности: подоконник, стол, стулья, нижние полки стеллажей. А вот пол робот вытер весьма избирательными загогулинами, присущими его туповатому алгоритму.

Второй робот, начавший с потолка, справился немногим лучше. Самую черноту с плит он смыл, они были мокрыми и приобрели серый грязноватый оттенок. Планировал он помыть пол рядом с моим рабочим местом и даже растопырил свои мелкодисперсные щетки, но тут закончилось моющее средство, так что он тоже остановился посередь и мигал лам-

почкой.

Если не считать того, что под ногами противно скрипел песок от огнетушителя, а в одном месте было пролито моеющее средство (на нем я неаккуратно поскользнулся подвернутой ногой) – результат вполне устраивал. Прихрамывая, я по-быстрому отвез роботов обратно (встретил двух фундаментальщиков на травелаторе, которые молча проводили меня коровьими глазами), включил в комнате кондиционер и закрыл окно. Пришлось подпереть створку огнетушителем, потому что ручка на окне была сломана с его же помощью.

Обливаясь потом, я, наконец, водворился за столом и первым делом позвонил алгоритмистам. Платон ответил, что с новым драйвером дела складываются, но на одном аккумуляторе много не протестируешь. А почему он не возьмет у Деева второй аСС-10? А потому что от голого аккумулятора толку с гулькин хрен, к нему надобно отдельный контроллер докупить, для чего уже зафрахтован Гарри... Некстати я отправил Федорыча на поиски улетевшей фиговины... Далее Платон затеял рассказ в своей искрометной манере, представляю ли я, какие у Корлейна, оказывается, криволапые инженеры? Там они не предусмотрели, парнокопытные, здесь им нужна отдельная железка... Слушать его анекдоты было некогда, и я распрощался.

Засим я зачем-то набрал Деева. То был не вполне осознанный, эмоциональный поступок. Позднее я понял, что хотел

лишь разделить с ним страдания по дыре, но в тот раз выложить всё не решился. Позвонил я некстати, оторвал его от воспитания подчиненных. Он орал, что «в следующий раз уволит обоих», «задолбали своим инфантильным поведением» и долго не отвечал на мои приветствия. В конце концов, гаркнул, чего мне надобно, и я, растерявшись, пересказал ему разговор с Платоном.

Он честно не мог взять в толк, зачем я звоню ему по столь пустяковому поводу. Для солидности я затронул вопрос финансирования: можем ли мы закупить дополнительно полсотни контроллеров про запас?

– Пятьдесят штук? Нафига так много? Бюджет же!

– А что бюджет, Тем? – настаивал я просто так. – Давно вылезли за него, плюс-минус уже роли не играет. Все равно их покупать, ребята ведь переписывают драйвера, разводку меняют на плате...

– Ладно, черт с вами... – сказал он, чтобы отделаться. – У вас, куда ни глянь, везде жопа.

– Окей... Про Гарри потом поговорим, – добавил я мимоходом главный зондирующий вопрос.

– Что про Гарри? – удивился он. – А... ну, приходил он. Так я к тебе его отправил... Чего ему?

– Да так... ничего серьезного. Потом с тобой поговорим. Не распространяйся, что он приходил, хорошо?

– Тур, пожалуйста!.. – немедленно забеспокоился он. – Что там еще стряслось? Дженнифер в курсе?

– Артем, не ной, я все разрулю сам, – оборвал я. – От тебя требуется только молчать. Ты в состоянии молчать?

– Да, – простонал он. – Но почему Дженнифер не в курсе? Что бы там ни было, поручи это ей, ты меня пугаешь...

– Позже сообщу ей. Я ей пока не доверяю, так и знай.

Он проблеял что-то негодующее и отключился. Видите ли, какой бедненький, тяжело ему, когда все вокруг приносят плохие новости. Зато себе я принес хорошую весть: ни о какой аварии Деев не знает. И, значит, о ней не знает никто, кроме Гарри.

*

Наконец, я отбросил планшет, протер рукавом лоб, а заодно и экран терминала, на котором оставался налет седины от огнетушителя, и приступил к тягостным думам. Думы были тягостными по простой причине: проблема, приведшая к аварии – инженерная. А значит, сколько ни отлаживай свою программу, результат не улучшится. Это еще в первый раз стало ясно, когда отладчик ошибок не выдавал, а на «боевом» запуске случился песок.

А на инженерный уровень мне лезть толку мало. Я про него ничего не знаю, отлаживать не умею, да и исправить не смогу. Ну, обнаружу примерные условия ошибки, а дальше Новшек и команда неделю будут ее локализовывать и две недели перепаивать микросхему...

Оставалась призрачная надежда, что обнаружу какую-нибудь сущую глупость наподобие той, из-за которой утром образовался песок. И снова напишу макрос. Но тут должно сойтись многое: я, не смыслящий ни бельмеса в физическом устройстве наших микросхем, должен ошибку отыскать; она должна оказаться обходимой, а путь обхода – простым, чтобы до завтра я успел его воплотить.

Я взглянул на дыру и приуныл. Пространство искривилось по эллипсоиду... Это тебе не лишний *inc*. Дэвидсон отлавливал подобные ошибки сто лет назад на первой серии наших аппаратов, и тогда же они были искоренены с помощью аппаратных проверок... Но вот, искривление пошло по гребаному эллипсоиду, и ни одна аппаратная проверка не сработала! Электронику не взволновали ни километровые расстояния, ни адский расход энергии. Тут действительно было нечто очень глубокое.

Моя программа использует все, на что способен Porta. Разумеется, жемчужина его таланта – изменение строения атомов и молекул, ASA и MSA, дай бог Дэвидсон нам их не «зарезет». Есть функции анализа вещества, вплоть до субатомного уровня. Об этих функциях даже Опалян в курсе, и они давно оттестированы. Еще есть всякие деформации объекта по сетке, которые и в Stanley работали прекрасно. А я объединяю всю эту красоту в одной программе. И она выжимает из аппарата соки похлеще конвейерной работы.

Минут пятнадцать я тупо сидел перед терминалом, про-

кручивал туда-сюда свой код и перебирал потенциально проблемные функции. Создание сетки объекта? Фотосканирование границ? Все это оттестировано... ASA? У Дэвидсона на ней перегревается аккумулятор... и что? Объекты-то у него перестраиваются верно...

Не то.

Встал, прошелся по комнате.

В дыре гудели налетающие порывы ветра. Чтобы оттуда ничего не насыпалось, я нахлобучил на искривитель колбу. Искривитель был чист, как отполированный велосипед, и видом своим изображал полную готовность к дальнейшим подвигам.

За окном стояла неподвижная картина жаркого дня. Подавленный солнцем, замерший мир. Неподвижны были окна соседнего здания. Лишь на одном из них, лениво поддаваясь ветру, колыхалась какая-то привязанная ленточка. Внизу на ступеньках черного хода сидел неподвижный турок в узорчатой униформе, отлучившийся из ресторана покурить. Лениво растворялся в воздухе дымок его сигареты.

Инженерная проблема... Давай-ка не будем пугать себя этим словосочетанием. Пока есть надежда на то, что ошибка найдется и окажется легкой, нельзя бросать ее поиски.

Давай-ка соберемся. Как решают задачи, способ решения которых тебе не известен?.. Почему-то вспомнилось, как мы в Gateway беседуем новых инженеров и программистов. Вернее, мы-то с Платоном или Новшеком беседуем их по-

человечески. А вот попадись они Дэвидсону или Опаляну, который порой захаживает на интервью – как пить дать, получают бессмысленную задачу на логику. Посчитать, сколько теннисных мячиков вмещает межгалактический SP-Z... Один кандидат не знал, как выглядит SP-Z, и Рустем немедленно его выпроводил.

Был бы я кандидатом, задали бы мне вопрос: почему пространство искривляется сосиской? Устройство аппарата мне не известно. Как бы стал решать?.. Ну, тестировал бы каждую элементарную операцию, месяц бы провозился... Ладно, пускай мне известно, что в типичных условиях каждая элементарная операция уже оттестирована Дэвидсоном. Сэкономим время и рассмотрим только нетипичные условия. Да ведь и их много, нетипичных...

На узенький край окна соседнего здания сел воробей, повертел головой, и прыгнул.

Краевые ситуации... Откуда я это вспомнил? Краевые задачи... Диффуры тут ни при чем. А вот краевые ситуации рассмотреть стоит. Что-то работает, доходит до края, и – что происходит потом?

Я вернулся к своему коду и стал с новой точки зрения его рассматривать. За четверть часа выписал на бумажку штук пятьдесят операций, где что-то «ходит по краю». Потенциальная нехватка памяти или превышение разрядности регистра... Из этого списка выбрал шорт-лист наименее элементарных ситуаций, чтобы проверить и отсеять их в первую оче-

редь.

Стенка шкафа, который давеча одарил меня старомодным пиджаком Деева, была запорошена белой пылью, и я стал пальцем рисовать на ней «кирпичики»: регистры – друг за другом в ряд, в сторонке – стек, сегменты памяти. Зарисовывал каждую краевую ситуацию стрелочками: что откуда берется и куда пишется. Стенка быстро пришла в негодность, однако я добрался до операции с составным регистром и вдруг задумался: а как физически он устроен?

Не поленился, отыскал на портале инженерную спецификацию процессора, перерисовал с нее кирпичики регистров – поставил их в правильном порядке. Из шестнадцати регистров две пары идут друг за другом и образуют два составных регистра – это *os:op* и *qs:qp*. И туда, и туда обычно кладутся пойнтеры – координаты объектов, с которыми в данный момент происходит работа. В первом из этих составных регистров у меня объект-образец, в другом – результирующий объект. С ним я делаю MSA, и поэтому их, объектов-молекул, в реальности очень много. И координаты их всех проходят поочередно через *qs:qp*. А что происходит, если составной регистр переполняется? Поднимается флаг переполнения, как обычно. На такой случай предусмотрено особое сообщение, но оно не появляется. Лог сообщений пуст. Значит, *qs:qp* не переполняется.

Стоп! Но ведь у меня объектов – на много порядков больше штук, чем способен вместить этот регистр! Как он мо-

жет не переполняться?.. В памяти всплыл афоризм времен молодого Опаляна, когда-то висевший на двери Дэвидсона: «Излишнее доверие к рукотворному затмевает разум». Дорогой мой.

Идея довольно безумная: переполнение регистра – хрестоматийная штука, которую отлавливают на первых же инженерных тестах. Потом я вспомнил: регистры *qs* и *qp* добавились позже. Наши ребята сами добавили их в процессор для серии Multus – это третье поколение. В первом поколении – Warper – стоял серийный процессор от SP Laboratories, и были лишь стандартные регистры. Начиная с Multus и до текущего поколения – шестого по счету – мы заказываем процессоры с особой архитектурой под наши нужды.

Бросив художества, я сворганил маленькую программку – тест на переполнение составного регистра *qs:qp*. Программа запустилась и завершилась без ошибок.

Я похолодел. Куда же девается лишняя старшая единица при переполнении? Куда-то ведь она девается! Глянул на шкаф – перед *qs* и *qp* у меня был намалеван «кирпичик» *es* – сегментный регистр, который на практике используется редко. Согласно спецификации, регистры *qs* и *qp* физически пристегнуты именно к *es*. Я еще раз запустил тестовую программку и посмотрел, что на выходе получается в *es*. И увидел там свою единичку...

Ватными пальцами я набрал Ави Новшека. Может ли пе-

реполняться составной регистр *qs:qp* и гадить куда-то? Быть не может совсем никак, ответил Ави. Может ли он гадить в *es* хоть теоретически? Не может в принципе, исключено. А он, говорю, гадит, Ави. И флаг переполнения не поднимается.

Почему, думаю, за долгие годы этого не увидел Дэвидсон? Он мог и не знать того факта, что регистры физически связаны, поскольку в цивилизованном мире это не имеет значения для программиста. Он мог не использовать *es*, а может, у него *qs:qp* не переполнялся, ведь проблема переполнения встала совсем недавно, когда появилась MSA, и объектов стало столько, сколько молекул. На серии Oris он MSA не тестировал, поскольку там эта функция была неофициальной, а на Porta он MSA тестирует в данный момент... И вероятно, что и в его комнате вскорости пробило бы потолок, если бы аккумуляторы не перегрелись. Да, слишком много случайностей сошлось в одном месте! В результате – всего один выстрел в небо сквозь толщу стены, чудом уцелевший Гарри... Прямо скажем, все могло закончиться гораздо хуже.

В дверь неистово застучали. Это прибежал Ави, посмотреть на чудесные плоды собственного разгильдяйства.

– Что у тебя стряслось? – начал он с порога, оглядывая мою подгорелую и побелевшую, как пекарный цех, комнату. Я сразу закрыл за ним дверь.

Ави был в клетчатых штанах, фиолетовой рубашке и манишке. Стоило ему пройти пару шагов, как на его огромную кучерявую шевелюру успело откуда-то насыпаться порош-

ка, и он стал яростно его вытряхивать, придерживая очки. Я продемонстрировал, как единичка попадает в совершенно чуждый регистр *es* вместо того, чтобы оказаться во флаге переполнения. Пару минут он пребывал в молчании и проматывал код программы от начала до конца, после чего цокнул языком и сказал, что, да, похоже, они с ребятами конкретно облажались.

– А все-таки – что у тебя стряслось? – повторил он, указывая на потолок.

Я объяснил, что это и есть результат того, что ребята его подгадили в самый неподходящий момент и в неожиданном месте.

– Спишу ремонт из вашего премиального фонда, – сказал я как будто в шутку.

– Списывай откуда хочешь, – Ави было не до шуток, он усиленно чесал репу, – Главное, что реально попа... Такое нельзя выпускать на рынок... Переделывать, тестировать – месяца полтора, а то и больше...

Конечно, я ожидал, что Ави от моего известия потеряет дар речи и будет решительно потрясен. И внутренне подзревал, что сроки переделки будут измеряться неделями. Однако, лишь когда Ави огласил вердикт, я вдруг осознал, что категорически не готов к такому развитию событий. Не готов я потерять все из-за подобной ерунды. Ни за что.

– Что же делать? – глупо спросил я.

Но Ави уже занервничал, а это хорошо, в режиме легкой

паники он горазд придумывать самые оригинальные хитрости. Он слонялся из угла в угол, прижав кулак к подбородку, что-то сопоставлял, а под ногами на каждом шагу хрустел порошок. Наконец, он выдал:

– Мы в спецификации объявим регистр *es* нерабочим! RFU²⁴.

Я даже похлопал в ладоши:

– Очень оригинально, Ави! Но тебе не кажется, что знающие люди нас обсмеют? Регистр *es* существует полтыщи лет во всех процессорах мира, а мы берем и говорим, что у нас его нет.

– Во-первых, мне до фонаря, кто над чем смеется. Во-вторых, ценность Porta – в новых функциях, а уж никак не в том, что он следует инженерным канонам... Всего-то допишем в драйвер процессора программную проверку *es* – если там появляется единичка, сразу же переносить ее в *overflow flag*²⁵... Часа на три работы.

– Очень оригинально, Ави, – повторил я. – К «костылям» у тебя настоящий талант.

Но менее «костыльных» идей ни у меня, ни у него не было. Я заручился его молчанием о дыре, и мы расстались.

Искривитель празднично сиял. И, несмотря на появление на горизонте нового медного таза, которым могла накрыться

---

²⁴ Reserved for Future Use – зарезервировано для использования в будущем (англ.)

²⁵ Флаг переполнения (англ.)

презентация, я воспрянул духом: забрезжила надежда, что эта ошибка – заключительная «шпилька» моего ралли. Последний рывок перед финишной прямой и клетчатым флагом, до которого останется добежать два шага. И пробежать их не помешает уже ничто.

Я стал аккуратно рефакторить код, избегая совместного использования этих дьявольских регистров. Возился я внушительное время, отвлекся начисто от всего окружающего и не следил за часами. Задача искоренения *es* оказалась нетривиальной и потребовала изрядного количества кода. Вдобавок, меня обуревал страх новых ошибок, которые, если натворить, уже не будет времени вычистить, и поэтому я намеренно медлил даже в простых местах и перепроверял все трижды. Это последний отрезок эстафеты, момент истины, думал я, и надо хоть раз в жизни сделать все без задоринки с первого раза.

В самый разгар меня прервал телефон. Он звонил, вероятно, с минуту, прежде чем я вышел из транса и взял трубку. Это была Дженнифер.

– Артур, вы сейчас свободны? Мне необходимо с вами поговорить. Есть новая информация.

Голос был казенным, как у автоинформатора. И мы вроде договорились на «ты»...

– Слушаю, – сказал я.

– Это срочно. Позвольте, я к вам зайду?

– Ко мне? – заволновался я. – Зачем? Давайте в перего-

ворку... Вообще, я сейчас очень занят. Говорите, в чем дело?
– Разговор не телефонный. Я отниму всего пару минут.
– Э-э, – промычал я, холодея. – Нет! Сейчас неудобно, давайте через полчаса в переговорке...

Но тут в дверь настойчиво постучали. Стук был острый, отрывистый, от женского кулачка. Внутри у меня все упало.

– Артур, в самом деле, вы там голый, что ли? – усмехнулась она, не теряя делового тона. – Откройте, я правда на минутку.

Она отключилась. Я посидел мгновение, соображая, но вскоре стук повторился. Назад дороги нет, не впустить ее нельзя, иначе не миновать мне проверки со стороны Ярослава Бойко. Эти ее въедливые вопросы за обедом о сути моей работы... Ноги слушались плохо, пока я плелся к двери. Шила в мешке не утаишь. Невелика разница, сейчас все рассказать или потом. Да и Деев настаивает, чтобы я доверял ей...

Отперев замки, я решительно распахнул дверь и попытался лицом изобразить беззаботность. Но Дженнифер с порога узрела, во что превратилась комната, поморщилась от запаха гари и захлопнула дверь. Ее лицо выражало горечь и разочарование, и смотрела она на меня, как на нашкодившего сына.

– Боже мой... Подозревала, что у вас творится что-то неладное, но чтобы настолько... Ну, выкладывайте.

– Сначала вы.

Она подняла брови с видом «ну знаете ли!», однако заговорила:

– Внештатник, про которого вы меня спрашивали, с вероятностью восемьдесят процентов – действительно, из Верховной Ассамблеи. Предполагаем, что он сегодня делает неофициальный обход, осматривается, что да как...

– А почему восемьдесят процентов?

Снова обдала меня испепеляющим взглядом. Он получался у нее не хуже фирменного прищура, даже мурашки ползли. На сей раз он выражал легкое презрение к тем, кто только что сел в лужу, но поучает других.

– Потому что официально проверки нет. Но по базе лиц этот тип проходит как начальник целой следственной практики в Верховной Ассамблее. Понимаете? Начальники такого уровня не идут во внештатники под прикрытием. Пока не все сходится, поэтому мы продолжаем копать... А еще, – добавила она едко, – мне только что звонили из полиции и интересовались, не проводили ли мы экспериментов, связанных с вертикальным выбросом каких-либо предметов.

Я вздохнул, дошагал до своей дыры и уставился в нее одним глазом, как пират в подзорную трубу.

– А почему вы спг'ашиваете? – сказал я, подражая Эйзенбергу.

Дженнифер улыбнулась одними глазами.

– А потому, что они засекли прилетевший с неба объект. Нашли место падения, оцепили, там сейчас работают. Что за объект – не уточняют. Провели баллистическую экспертизу; она указала на наш район. Теперь опрашивают местные

хайтек-компании.

Я уселся на край стола и указал Дженнифер на свой стул – это было единственное сиденье, не покрытое порошком из огнетушителя. Она брезгливо отряхнула его рукой и села на краешек.

И я рассказал ей про эксперимент. Без лишних подробностей о переполняющихся регистрах, но довольно детально. Рассказал про Гарри и его дырявое крыло и что отправил я его искать результат превращения. На этом месте Дженнифер закрыла глаза ладонью и запричитала:

– Ну почему же вы не позвонили мне сразу?! Когда по офису рыщет этот внештатник, любые происшествия – моя прямая зона ответственности! Разве вы не понимаете, что в итоге, так или иначе, это разгребать мне?

– Как видите, я и сам могу о себе позаботиться, – ерничал я. – Никто не пострадал и разрушений почти нет.

– Не смешно!.. Боже, вот уж правда повезло, что никого не убило... Почему вы не проводите свои опыты в лаборатории?!

– Потому что у меня нет лаборатории, а есть только этот...

– Кошмар! – завопила она, не дав мне ответить. – Вы отправили разыскивать эту штуку черт знает кого: шофера, известного трепача, не обремененного интеллектом!

– Слушайте, – вздохнул я. – Вы просто не знаете Гарри. А если б знали, отправили его же. Более подходящего человека сложно подобрать.

Дженнифер сделала круглые глаза:

– О чем вы говорите? Да я бы Ярослава послала туда! Или сама бы поехала, лично.

Я сделал извинительную мину:

– Ну перестаньте... Каюсь. Однако ж не я виноват в том, что он такое выкинул, – кивнул я на сверкающий Porta. – Но вернемся к делу. Не надо вам никуда ехать, и Ярославу не надо. Во-первых, засветитесь у оцепления и подставите компанию. Во-вторых, от вас больше пользы здесь, нужно решать вопросы с Ассамблеей.

Дженнифер сжала губы и скрестила руки на груди, глядя перед собой. Злость сменилась напряженной задумчивостью.

– Как вы говорили про проектный менеджмент?.. Бегать и подтирать? Чувствую себя на вашем месте...

– Вы не видели, каково тут было после аварии! – улыбнулся я. – Потолок в огне, дым, все в пыли... чуть не задохнулся.

Она вскинула глаза на меня и приготовилась вылить новый ушат претензий, уже открыла рот, но тут в дверь снова заколотили. Кулак тяжелый, мужской. Через дверь было слышно мычание Гарри – он вернулся.

Ввалившись, он остановился как вкопанный и вылупил глаза на что-то за моей спиной. Его интересовала вовсе не Дженнифер, ей он ничего не сказал и даже не взглянул на ее декольте. Он был заморожен дырой в потолке.

– Ни хрена себе!.. Борисыч, ну ты даешь, едрить меня...

Он подбежал к дыре и стал пританцовывать вокруг, выбирая лучшее местечко, чтобы одним глазом рассмотреть ее насквозь. Вскочил на стул, щупал руками края и стенки шахты. На него отовсюду сыпался порошок и прилипал к лысине. Налюбовавшись вдоволь, он воскликнул:

– Как по маслу! Р-раз туда, и ни соринки! Крыло мне прорезало, как ножом, а я же себе листовой титан поставил, на пластике не летаю... И до самой промзоны добросило эту хреновину!.. Три года смотрю на вас – всё ерундой занимаетесь детсадовской. Маетесь-маетесь, вертите всякие кубики, шмубики. Нечисто, думаю, темнят ребята, а оно оказывается, так и есть! – Он похлопал ручищей по искривителю, отчего тот жалобно заскрипел. – Ну, Борисыч, молоток! Будете на, эти самые, галактические яйца ставить новую пушку, да?

Дженнифер, всю дорогу демонстративно не замечавшая Гарри, наконец, прервала его дифирамбы чужеродным металлическим голосом:

– Фойерман, отставить болтовню!

Гарри так с открытым ртом и замолк, хлопая глазами на нее и на меня.

– Любые сведения о том, что вы увидели, – зарядила она скороговоркой, – любой тонкий или толстый намек, который вы дадите кому угодно за стенами этого кабинета, включая любых баб, какие встретятся вам на белом свете... будет расцениваться как раскрытие коммерческой тайны и караться колонией на двадцать лет с конфискацией!.. Спрячетесь – я

вас из-под земли достану! Мои агенты разыщут вас, даже если вы сделаете пластическую операцию и будете пасти коров в Новой Зеландии!

Дженнифер замолкла. От гневных речей она залилась краской. Мы с Гарри оба стояли ошеломленные. Конечно, он заткнулся и как-то весь съежился. Больше он не смотрел ни на какую дыру, лишь испуганно бегал глазами и видом своим напоминал нагадившего пса, который вот-вот огребет палкой по спине.

Молчание нарушил я:

– Гарри, рассказывай теперь подробно, что нашел?

Притихшим голосом он поведал, что место падения отыскал довольно легко – по скоплению полиции. Это на 138-й улице, прямо на проезжей части, и с обеих сторон быстро образовались пробки. Было, говорит, странно много полиции, выставили несколько кордонов, чтобы за пушечный выстрел не подпустить ни зевак, ни оверкары. Поблизости возилось пара человек в зеленых комбинезонах с надписями «Nuclear hazard», но они толком ничего не делали. Были, как показалось Гарри, еще и саперы, но те вовсе стояли в сторонке и курили, держа собаку на поводке. Собака была спокойна. Псионщиков не было. К центру Гарри, разумеется, не пропустили, и он решил подняться вертикально вверх перед первым кордоном, якобы посмотреть, далеко ли перекрыта улица. Его тотчас же заарканили полицейские, прижали к земле и чуть не надели наручники, но обошлось: удалось-таки

уболтать их историями о тяжелой доле водил, что премии лишат, объезжать накладно, семья, алименты... Отпустили его даже без протокола, только отобрали флеш-карту из видеорегистратора.

– Но, Борисыч, я же бой-скаут! Я знал, что ее отнимут, поэтому, когда набрал высоту, кнопочкой – щелк, и фотка в Космонет улетела!

Гарри театрально замолк, ожидая восхищенных возгласов. Никому из нас было не до восхищения, хотя я втайне сиял. Чуть не за шкурку подтащил я его к терминалу, чтобы он залез в свой аккаунт и показал фотку. Он ужасно долго возился, отыскивая на клавиатуре нужные буквы, пароль вспомнил с седьмого раза, и лишь минут через пять желанная фотография предстала перед нами.

Фотография была в большом разрешении, однако даже при максимальном увеличении очертания лежащих на земле предметов угадывались с трудом.

– Вона, осколки от него, – говорил Гарри, тыча пальцем в экран, – отвалились они... Я, когда подымался, смотрю – что-то блестит на солнце, тут, там. Потом понял, что стеклянные осколки...

Никаких осколков на фотке видно не было.

– Стеклянные? – переспросил я.

– Ну, ясно, стеклянные, какие же еще! – выпалил Гарри и вдруг спохватился: – А-а, Борисыч, я понял... это не стекло, да?.. А что это, а?

– Понятия не имею, Гарри, ты был там, а не я... А вот тут что такое? – спросил я, указывая на пятнышко золотого цвета на проезжей части.

Гарри непонимающе обернулся:

– Это *оно* и есть. Ты че, Борисыч?..

Тогда я, наконец, различил на фотке золотого цвета металлический предмет, который, по словам Гарри, и есть «оно», и не относящийся к нему мусор, раскиданный по улице: жестяную банку, бумажные пакеты, сигаретную пачку и стакан из-под кофе, вначале принятый мной за искомый предмет. Золотая штучковина с одного конца была округлой формы, так что с большим натягом ее можно было считать верхней частью латунной дверной ручки. На месте предполагаемого сужения ручки штучковина переставала быть золотой и приобретала мутно-серый цвет. Я спросил Гарри, что это, по его мнению.

– Я думал, стекло. Оно блестело, когда я подымался. И осколки, и эта хрень тоже блестела. Может, и железяка, а не стекло...

– На кубик она была похожа или нет?

– Что?

– «Хрень» твоя, – сказал я, барабаня по экрану.

– Откуда я знаю, Борисыч, я висел метров за сорок. Я тебе не орел, хотя на зрение и не жалуюсь.

– А осколки точно от нее?

– Да ясно, от нее... Так это был всего-навсего кубик? –

приуныл он.

– Он пробил тебе крыло, Гарри. И шахта в потолке – тоже его работа. Всего-навсего кубик, как ты думаешь?

Гарри приободрился:

– Я понял, Борисыч, ты не можешь сказать, я все понял... Могила, – сказал он, повернувшись к Дженнифер, – Разрешите идти?

– Дуй, Гарри, и спасибо за работу, – сказал я.

Гарри выпятил грудь, отдал честь и испарился, неслышно затворив за собой дверь.

– А ты молодец, – сказал я Дженнифер. – Про коммерческую тайну было круто.

– Вас это тоже касается, – холодно сказала она. Вздохнула, подошла к дыре и тоже принялась ее изучать.

Со стороны это выглядело столь же глупо, как когда вокруг дыры плясал Гарри, хоть Дженнифер и не плясала. Глупо потому, что никто из нас уже ничего не мог поделаться ни с дырой, ни с той физикой, которая позволила смехотворному с виду аппарату раздвинуть и уплотнить бетон, превратить стекло в латунь и выбросить его вверх на пару километров. Это все уже в настоящем времени, подумал я, и вдруг захотелось петь. Это мы – сделали такие аппараты, способные узлом завязать пространство, из одного предмета вылепить другой, стекло обратить в латунь, а латунь – в золото. И пусть Гарри кажется, что мы играем в кубики или придумываем новые пушки. Мы нашли философский камень! Одному бо-

гу известно, каким станет мир после этого открытия...

Дженнифер говорила про полицию, Верховную Ассамблею, уголовное дело, безответственность ученых. Сама с собой обсуждала, как побыстрее замаскировать шахту, чтобы инспектор-обходчик ее не заметил. И нужно просканировать весь офис на жучки... Она ходила взад-вперед по комнате, махала руками, а под подошвами туфель хрустел порошок. Я улыбался и с любовью глядел на свой искривитель. Сейчас она уйдет, я доправлю и запущу программу, и ничто никуда не вылетит – в тестовой камере окажутся две одинаковые латунные ручки и осколки оставшегося стекла. Я перебил Дженнифер на полуслове:

– Послушай, Дженни, пойми главное: этот белый красавец нас прославит! Стрельбу в потолок я устраню. Важно, что вылетает латунная ручка, вылепленная из стекла, понимаешь? Латунь – из стекла! Это значит, послезавтра мы станем знамениты и богаты! И возместим любой ущерб, хоть бы целиком здание снесли... Но сегодня и завтра аппарат нужно беречь, как зеницу ока...

– Вы думаете, я это хуже вас понимаю? – вставила она.

– ...никаких опалянов, никаких аудиторов, никаких засланцев из Ассамблей!.. Этих «конкурентов» ты имела в виду с утра?

– Нет... Не важно, эти опаснее... Но гарантировать я ничего не могу, так и знайте!

– Гарантий от тебя я не требую, однако постараться...

– Я, между прочим, отлично знаю свои задачи! – перебила она, выстукивая пальцем по столу после каждого слова. – Но только если мне о них вовремя сообщают, а не прячутся под лавку в надежде, что мамка не найдет!.. Артур, ну давай быть взрослыми. Только так мы друг другу поможем, – добавила она рассудительно.

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Я тоже встал.

– Дженни, ты совершенно права...

– Не называй меня Дженни, – бросила она мне прямо в лицо. Глаза у нее были электрические. Послышался фруктовый аромат духов. Она развернулась и, вытрясая из своих великолепных волос порошок, прошагала к выходу. «Черт знает что!..» – бормотала она.

*

Предстояло завершить рефакторинг, а это часа два-три чистого времени, но внутри впервые за долгие месяцы теплело чувство, что все я успею, и все на этот раз получится. Начала пульсировать нога, но и она казалась пустяком.

На часах было около пяти. Раздам заключительные пинки, решил я, а после уйду с головой в код, не отвлекаясь больше ни на что.

Первым делом я спросил Ави, складываются ли дела по *es*. Ави пообещал, что управится к восьми вечера. Ави со срока-

ми обычно не ошибается. Написал Платону – у того все было готово; он дожидался Гарри, чтобы прогнать все наверняка на «боевой» двухпроцессорной машине. Платон и остальные подопечные Джорджика обычно находят горстку собственных дурацких ошибок после первого тестирования, поэтому им нужно дать время.

Пишу Дэвидсону, чтобы сходил на перерыв, но к десяти часам был на работе и тестировал новый образец до победного. Как, кстати, дела с тестированием остальных функций? Нашел, говорит, пару мелочей (и сделал мне великое одолжение, что не прекратил тестирование, как того требует его, Дэвидсона, регламент), но алгоритмисты уже в курсе и быстро поправят. Засунь себе свой регламент кое-куда, подумал я, отложив планшет.

Откинувшись на спинку стула, я полез в телефон, чтобы написать последнее, самое важное сообщение. Отыскал в контактах Марка Фрайда и отправил ему: «Марк, привет. Твои лекарства оказались не нужны. Совсем!»

Давненько я ему не писал и не звонил, стоило бы ради приличия узнать, как дела... Прокрутил историю сообщений и увидел, что предыдущий наш с ним разговор был больше года назад и состоял из пары «приветов». Ну я и свинья! Разве можно так с друзьями?.. Должно быть, и не вспомнит, что конкретно подразумевается под безобидными «лекарствами».

Пасмурным субботним днем в марте 2401 года мы проспали с Мари до полудня, часов четырнадцать кряду, и, проснувшись, еще с час не желали выбираться из постели. В оконных рамах волком завывал ветер, а за окном лил мелкий, мерзенький такой дождь. Лежа под пуховым одеялом, я кожей чувствовал, как там противно и холодно, все в огромных лужах, а вдоль улиц тащатся, как лемминги, люди с поломанными зонтами и промокшими ботинками, переходят вброд ручьи, ступая на каблуки, выставляют зонты поперек ветра, только все это тщетно.

Лишь тот факт, что сейчас март, а скоро будет апрель и май, придавали смысл сегодняшнему дню. Мы с Мари представляли, что спустя всего месяц в такое же воскресенье в окно будет светить наше огромное обжигающее солнце, и мы наденем шорты и пойдем в «Ля Рошель» на поздний завтрак. Предаваясь этим фантазиям, мы кутались с ней под одеялом, и совершенно неохота было вылезать.

Безапелляционно заставил подняться внезапный звонок в дверь. В столь неурочный час мы, конечно, не ждали никого, разве что страхового агента или продавца каких-нибудь пылесосов. После ядерной войны в живых останутся тараканы и страховые агенты, сказал как-то раз Деев, проглатывая очередной «Б-52».

Но за дверью оказался не продавец. Там стоял господин в длинном черном плаще, ботинках на толстой подошве, перчатках, кашне и темных очках. В одной руке у него был сложенный зонт-трость, в другой – шляпа с узкими полями. Обликом он походил на сбежавшего актера из сериалов двадцатого века. Только его лицо, в отличие от героев сериалов, было мне отлично известно. Выразительные скулы, тонкий рот, большие глаза, теснящиеся вокруг узкого носа. Блестящие вороньи волосы.

Я спросил:

– Давно прилетел?

– Нет, я пешком. Сегодня же суббота, – ответил ровный бархатистый голос, от которого внутри все согревалось. – Погодка не жалуется. Я из монастыря на один день... Думал, прогуляюсь, а у вас льет.

Его плащ был матовой ткани и совершенно сухой. Ботинки не оставляли за собой мокрых следов. С зонтика не капало. Он снял очки и перчатки и протянул мне теплую костлявую руку.

Это был Марк Фрайд.

Со спины ко мне подкралась Мари, нацепившая какой-то балахон. Я представил их друг другу, и Фрайд движением самурая выхватил откуда-то из-за спины здоровенную белоснежную розу. Мари раскрыла рот и захлопала в ладоши. Осторожно приняла розу своими тонкими пальцами, присела в реверансе и убежала на кухню варить кофе.

За разговором Фрайд поведал, что закрепился в статусе князя в своем ордене и полагает, что скоро покинет Гвардию окончательно. Его уже давно освободили от оперативной работы и предоставили бессрочный отпуск для повышения квалификации в каком-то полудиком монастыре острова Пасхи. В OpenMind он тоже почти не появляется, поскольку, как ему кажется, они выбрали тупиковый путь изучения псионной энергии.

– Кто же тебе деньги платит? – спросил я.

– Как и прежде, Гвардия и OpenMind. Несмотря на разногласия, я внештатный консультант и там, и там. Есть такая удобная должность.

Когда Мари отлучилась за чем-то в спальню, я приблизился к Марку и спросил вполголоса:

– Я говорю о настоящих деньгах, ты же понимаешь?

Он сморщился и посмотрел в сторону.

– Мне все реже нужны деньги, Артур, тем более большие. Твоих ребят я снабжал, потому что вы мне нравитесь и идеи у вас интересные. Сам я с этого почти не зарабатывал.

Тут он, конечно, привирал, но я не стал давить.

– В будущем у нас появятся новые идеи. Нам можно на тебя рассчитывать?

– Можно, – ответил он с безразличным лицом. – Только ты должен будешь поручиться, что идея по-настоящему хороша и правильна. Ты понимаешь, о чем я. Потому что и мне придется поручиться за тебя.

– Спасибо, Марк. Я перед тобой в долгу.

– Это вряд ли, – сказал он, и я налил ему еще кофе.

*

Марк ответил на удивление быстро. Он тоже не стал разводить прелюдий, будто мы час назад трепались в буфете. Он помнил наш шифр и написал: «Как я тебе вчера и говорил», – что, разумеется, означало – «завтра».

Не подвел Марк! Значит, завтра у меня будет псионка! Необходимая для моего секретного опыта, моего главного, эпохального эксперимента, перед которым меркнут все предыдущие, даже сегодняшний залп и даже если бы сегодня обошлось без залпов. Деев, верное мое шило – и тот пока не посвящен в главную тайну.

Ни разу доселе не приходилось мне держать в руках псионку, расфасованную в пачки, будто спагетти! Если б Фрайд однажды ненароком не обмолвился, был бы я до сих пор убежден, что псионка неотделима от человека. Когда нашим ранним единомышленникам для острых ощущений требовалась псионная энергия, вызывался пси-лаборант; иных вариантов не существовало.

А единомышленники у нас были что надо! Команда мечты. Все – молодые ребята-ученые, бывшие мои коллеги-аналитики, бывшие Темины коллеги из SP и OpenMind, творили в свое удовольствие и проводили немислимые экспери-

менты. Дух свободы и научно-технические соблазны вскрыли Теме голову. Отделив Gateway от SP, он возжаждал потрясти мир и тотчас затеял целый букет побочных проектов, столь многообещающих, сколь и фентезийных... У Эджворта с Гроссштейном и псионные вихри летали, и шаровые молнии управляемые. Кейн, помню, для чего-то оптом скупал антигравитаторы от оверкаров, а пронюхавший об этом Шпиль бегал по курилкам и шептал, что они делают машину времени...

А потом настал черед собирать камни, и выяснилось, что ничегошеньки, кроме патентов на базовые прототипы, а то и просто на записанную на бумажке технологию, у них нет. Потому что часть экспериментов ни к чему не привела, а другая часть требовала на порядок большего финансирования, чего Деев выбить уже не мог.

Кто-то ушел сам, кого-то попросили. Год-полтора назад впервые пришли аудиторы, советовали «чистку костов» и разогнали последний из таких изобретательских проектов, который возглавлял Эджворт. Им всей командой удалось продаться в Jet-Helix, но, по слухам, они и там ввязались в какой-то стартап, где с деньгами не фонтан.

Было время!.. Тогда и я еще не возился с ассемблером, а был на чисто административной работе. Хотя, по-чесноку, отнюдь не всегда она была чистой. Для наших гениев мы с Деевым тогда делали много запретного в области снабжения. Он притаскивал откуда-то цельные золотые слитки,

«в аренду с возможностью переплавки». Я через Фрайда сводил ребят с теми из OpenMind, кто мог без лишней волокиты приехать и собрать немного псионки. Добывали им на черном рынке редкие радиоактивные вещества, с Урала привозили отработанное ядерное топливо, откопанное из захоронений, Деев даже ездил в Китай за какими-то особо редкоземельными магнитами. В один прекрасный день в наш тихий омут запустил свои праведные пальцы Рустем, и это стало началом конца. Хорошо, до уголовных дел не дошло.

На специальный почтовый ящик Марк завтра вышлет сведения о том, куда подъехать за «товаром» и кто встретит на месте. Осталось лишь подготовить деньги. Наличными и много. Напрягу Деева, займу у него из сбережений... Да и у меня в сейфе наберется на часть требуемой суммы. Позже найдем способ возместить из денег компании.

*

Едва я убрал телефон и впрягся в рефакторинг – как говно под весенним снегом, объявилась по видеосвязи Виточка. Чем-то она была недовольна, хотела скандалить и сгоряча чуть не приперлась ко мне в кабинет. На полпути я перенаправил ее в переговорку и отправился туда сам, заперев кабинет на спецключ. В переговорке прямо с порога на меня обрушили килотонну негодования:

– Какого черта, Артурчик, ты возомнил себя царьком

и командуешь моими подчиненными?! – верещала она. – Почему Платон целый день занимается какими-то дурацкими аккумуляторами, о которых я первый раз слышу? Я не одобряла эту задачу и Джордж тоже! У меня есть своя очередь задач, я сама выставляю приоритеты...

Пока она несла эту чушь, я молча наблюдал и думал: сообразит сама, что зарывается не в ту нору, или нет? Она была совершенно не похожа на себя обыкновенную. Лицо красное, губы подрагивают, запястья белые, как бумага. Волосы по-прежнему неприкаянно свисают на лицо, слипаясь в пряди, но она вовсе о них забыла и не убирает их за уши. Весь ее крик скорее напоминает отчаяние, чем властный гнев. Нутром я догадывался, что она отлично понимает свое положение и отдает себе отчет. Слова намеренно абсурдны, как в плохой комедии.

– Портман, – перебил я, – после сегодняшнего разговора с Дэвидсоном я борюсь с желанием написать в Ассамблею рапорт. Своими действиями ты саботируешь ключевой проект, в который, между прочим, вложены инвестиции Ассамблеи. Может, ты не знаешь, но из нашей компании за такое не увольняют с выговором, а сразу отдают под суд. Как говорится, это Стратос, детка.

Она замолкла, но выражение лица не изменилось. Выражение было тем, с каким обычно оплакивают собственное увольнение и просят о пощаде. Комедия не сработала.

– Под видом финального релиза вы отдали Дэвидсо-

ну непонятно что! Нарушение сроков – два месяца! Ложь в письмах начальству, – я загибал пальцы. – Бардак в задачах отдела...

Дверь переговорки осталась открытой. Пока я раскатывал Виточку, в дверях появился Деев, уткнувший нос в планшет.

– Я к тебе, у тебя заперто, – сказал он, когда я закончил. – Вы тут как раз ссоритесь, да?

– Нету никакого бардака у меня в отделе, – спорила Виточка упавшим голосом. – Джордж следит за задачами, я – курирую...

Деев, не отрывая носа от экрана, громогласно перебил ее:

– Вита, какого хрена?! Что ты наплела этим костюмчикам сегодня? Я битый день отвечаю на их идиотские письма про «харасмент»! Если у тебя чешется твой «харасмент», то попомни, как при свидетелях ты сегодня приставала к своему стажеру, а еще раньше – к Дэвидсону, а еще раньше – ко мне! Твоя рука на моей заднице запечатлена камерой наблюдения!

В ответ Виточка покраснела гуще и взбесилась:

– Что-о? – зашипела она. – А ты сегодня ремнем своим... что это был за цирк такой?! При моем новом стажере! Ты клоун!.. Ты думал, я буду сидеть молча?

Деев отложил планшет на стол и с уверенностью опытного лжеца возразил:

– Это был акт возмездия. Я проявил рукоприкладство... ремнеприкладство за твою безобразную работу. За то, что я

бью сотрудников по жопе, меня нужно пожурить, ай-яй-яй. У меня неклассические методы мотивации. К сексуальному домогательству это не имеет никакого отношения, лупил я тебя не по гендерному признаку.

– Будет интересно, как ты докажешь это в суде, – парировала Виточка.

– ...а вот за ложное обвинение в «харасменте», клевету и саботаж ты у меня сядешь! – закончил Деев.

– Перестаньте, вы оба, – сказал я. – Портман, не советую тебе рассчитывать на эту линию защиты. Тема, при всей его любви паясничать, выиграет. Такое с ним уже бывало. Просто не советую.

– Вы мне угрожаете? – тихо спросила Вита.

– Да ты дура, что ли?! – заревел Деев, но я пнул его локтем и он заткнулся.

– Мы делаем тебе внушение, – сказал я. – И насчет рапорта – я серьезно. Твой гадюшник – первое, о чем я доложу после презентации. На следующий же день! – я ткнул пальцем ей в лицо.

Вита задрожала сильнее и, наконец, залилась слезами. Плакала несравненная совсем не по-светски, с некрасивой гримасой. Желания жалеть ее у меня не возникло, а Деев и вовсе потерял интерес, забрал со стола планшет и снова упер в него нос.

Дав ей повыть, я спросил:

– Не надо рапорт?

Она беззвучно помотала головой.

– Тогда иди и вникни в задачи, которые ребята должны доделать к десяти часам, – сказал я. – Только не смей им мешать! За срок отвечаешь ты, своей головой, раз уж ты руководитель. Если завтра утром у нашего Кена опять что-нибудь перегреется – я тебя сгною! Вопросы есть?

Она лихорадочно затрясла головой: вопросов нет, она согласна и благодарна за снисхождение. Заправив волосы за уши и смахивая слезы со щек, она бодро помаршировала на выход.

– При таком подъеме мотивации я даже был бы готов ей доверять, – одобрительно хмыкнул Деев. – У тебя как дела? Рассказываем про твой эксперимент или нет?..

Тут он запнулся и вдруг залился хохотом, выкатив глаза и тыча пальцем мне в грудь. Довел его до исступления собственный потрясающий пиджак, в котором я так и остался щеголять с обеда. Я окатил его укоризненным взглядом и потащил к себе в кабинет.

Почти все готово, почти отладил, говорю, а сам отпираю дверь. Деев заходит, присвистывает и замирает под дырой, задрав башку. Хихикает. «Отладил, говоришь?..»

Забавно наблюдать, как по-разному каждый из сегодняшних визитеров осматривает мою комнату-миномет. Дееву, в отличие от Дженнифер, было наплевать на клубящийся под ногами порошок, по-моему, он его даже не заметил. Не интересовали его и вопросы ущерба и предстоящего ремонта. Он

принялся с педантичностью детектива разглядывать мой искривитель, проделанную им шахту, даже сунул нос в «свалку». Закончив анализ, спросил:

– И теперь ты не можешь узнать, *что* туда улетело, да?

Все-таки я очень рад, что мой ближайший соратник в нашей компании – именно Тема. Он сразу все понял и настроился на мою волну. С ним легко. Он приходит и дарит тебе жизненную силу, пока остальные высасывают ее из тебя. Я бросился к терминалу показывать фотку, которую привез Гарри.

Рассказываю взхлеб, что, сам видишь, объект копируется, и я даже нашел, что выбрасывает его вверх. Рассказываю про проблему с переполнением регистров. Он хватается за голову и стенает, почему лучшие кадры всегда устраивают такие безумные подлянки. Вот есть сотрудник, посредственность, идиот, но – предсказуемый. Все это знают, поэтому за ним десять человек доделывают, и получается сносно. А есть блестящий сотрудник, звезда и умница, девяносто восемь процентов времени работает идеально, а два процента – как тот предсказуемый идиот. Но когда случатся эти два процента – как распознать?..

– Мне осталось рефакторинга на час-два, – перебиваю я его рассуждения. – Допилю за сегодня и протестирую на чем-нибудь маленьком, – и добавляю вполголоса: – А завтра привезут псионку. И если и с ней все получится...

У Деева округляются глаза.

– Что-о?!.. Как тебе такое в голову пришло? Да нас всех в один миг повяжут! OpenMind детектирует неположенную псионку в момент, к тому же ты полздания снесешь, если опять какой-нибудь регистр переполнится...

– Расслабься, ничего не переполнится. Сказал же – тестирую на маленьком объекте.

– Мне расслабиться? Да ты оптимист... У тебя скоро появится перманентная улыбка, как у Виточкиного Кеши...

– Слушай, Тем, если все получится, это будет такая бомба!.. в переносном смысле... ей и презентация не понадобится! Неужели ты не сможешь постфактум договориться с OpenMind? С твоими-то мостами любви и дружбы... Тема, это же революция! Если она состоится, тебе больше никогда не понадобится кредитка ни в «Атомике», ни где угодно еще!

Он слушал без улыбки, и, я видел, на самом деле, он все понимает. Он на моей стороне, хоть и сомневается.

– Только один нюанс, – замялся я и рассказал про деньги.

– Столько у нас нет, – отрезал он. – Да и как мы такое официально проведем, ты подумал?

Мы стали дискутировать, через какой субподряд можно вывести столько наличности, чтобы не сесть за мошенничество в особо крупном. Обсудили вывод налички через огромный годовой бонус кому-нибудь. Не встретив поддержки, я предложил нам с ним взять кредиты на личные нужды, а потом повесить себе зарплату и отдавать...

– Блин, Тур, ты очень давишь! – психовал Тема. – Ко-

гда ты фанатеешь, ты давишь! Это вторжение в мою личную жизнь! Я не готов жертвовать своей кредитной историей ради...

– Почему жертвовать?

– Потому что хрен его знает, что там у тебя выйдет, вот почему! А деньги мы потратим!.. Я не готов... Точнее, я не знаю, готов ли я.

– Артем, пойми, ведь это *то самое*. То, ради чего вы затеяли в свое время Gateway. Ради чего вы *на самом деле* его затеяли, хотя на словах договорились, что ваша цель – бабло.

– Да понимаю я, о чем ты говоришь!.. Но таких идей у нас всегда была куча, не у одного тебя. И заканчивались они, мы все знаем чем! С меня хватило. До сих пор в финансовых отчетах преследуют солитонные лазеры Кейна, за которые мы, наверное, никогда не расплатимся... В будущем ты что-нибудь еще придумаешь. Выключи уже эйнштейна, включи менеджера...

– Я тебе сразу говорил, туфта его солитонные лазеры... И не надо мою затею с ними равнять. Я на нее, между прочим, потратил почти все свои сбережения.

Все явственнее его взгляд выражал жалость, с какой смотрят на сумасшедших и убогих.

– ...а ты мне даже их возместить не предлагаешь!

– Так ты же не просишь, – сказал он.

– Так я же знаю, что ты не дашь! И потом, я просил вообще-то.

Тема сделал страшные глаза, принялся расхаживать по кабинету и ерошить на себе волосы. После третьего круга он заключил:

– О'кей, черт с тобой... Хотя меня крайне смущает, что ты тратишь личные деньги на нужды компании, которая является чужой собственностью. Это нездоровая практика... Короче, дай мне время до завтра, я прикину насчет денег. А ты – доведи пока свою чудо-машину до ума! Это – детский сад какой-то! – он показал пальцем вверх на дыру.

Мы помолчали.

– Кстати, ты сообщил Дженни про аварию? – спросил он.

– Сообщил, – буркнул я. – Надеюсь, она сейчас рамсит с ПАК, иначе какой толк мне было выслушивать ее ругань?

Деев одобрительно улыбнулся.

– Молодец, хорошо... Она разрулит, не бойсь. Видел бы ты, как перед ней Опалян с Эйзенбергом расстилались на собеседовании!

– С чего ты так в ней уверен, я не пойму? – ощетинился я ни с того ни с сего. – Вот какую конкретную пользу она нам принесла на текущий момент? В ее биографии подвигов не густо. Внештатника-засланца они лишь к вечеру идентифицировали, и то приблизительно... Но в общении – да, она манипулятор!

Деев подошел ближе и посмотрел на меня внимательно.

– Тур, у тебя похоже что-то личное... Чего ты вообще к ней прицепился? У нас еще недавно никого не было по без-

опасности. Никого! Произойди такое, как сегодня, – махнул он на потолок, – к кому бы ты побежал? Ко мне? А я тебе кто, волшебник?.. У меня своих забот по самые грузила... Каждый должен заниматься своим делом, «дарагой мой»! И она свое дело знает.

– Личное, похоже, у тебя! – отбивался я. – С самого утра ты мне твердишь: доверяй ей, поручай ей... Вот, поручил, и что в результате?..

Деев промолчал, глядя на меня в упор; когда же я, мол, закончу.

– И эта любовная линия... – добавил я. – Как здравомыслящему человеку могло прийти в голову взять в команду своего бывшего трахалья?

В глазах Деева вновь блеснула жалость.

– Знаешь, сколько в моей команде работает девок, у которых я – бывший трахаль? И все прекрасно. Работают – суперски!.. У тебя реально личная неприязнь, Тур. К красивой девушке. Видимо, от долгого воздержания.

– Что?.. Да пошел ты!! – взбеленился я.

– Извини-извини, – затараторил Деев, убирая мои руки с ворота своей рубашки. – Правда, извини, это было низко... Да нет, Тур, я тебя отмахую в два счета, не сомневайся, – ухмыльнулся он. – Но вот оскорбить не хотел, прости.

– Разговор не окончен, – я не отпускал до конца его рубашку. – После презентации в фитнес-центре Штаба. В восемь.

– Договорились. Потом – в «Атомик»? – уточнил он, улыбаясь.

– Потом в «Атомик», – улыбнулся и я.

Деев хлопнул меня по плечу и побрел на выход. У дверей я окликнул его:

– Слушай... Ты что, правда отыскал тот случай с Виточкой в записях камер наблюдения? Это ж полгода назад было...

– Делать мне нечего, искать фильмы про свою задницу! – фыркнул он и ушел.

*

Оставшись один, я набрасываюсь на программу. Правильно сказал Тема, вся эта мутотень с дырой – детский сад, взрыв на уроке химии восьмого класса. Веду себя как школьник, ей-богу. Давно бы следовало выцыганить у Опаляна отдельную лабораторию, и вообще, не оставлять все на последний день. Нанять себе секретаршу и на нее спихивать бюрократию, которой я занимался большую часть времени за последний год.

Я просидел за работой не более получаса. Нога вновь заболела, отчего я постоянно ерзал на стуле. Остальное складывалось хорошо, голова была ясная, и в коде никаких затыков не возникало. Казалось, я управлюсь быстрее, чем за два часа. Но тут меня снова прервали, и на сей раз – окончательно.

но. Позвонила Дженнифер.

– Почему через тор-сеть? – спросил я.

– Мы пока не убедились в отсутствии прослушки, – произнесла она неуверенно; видеосвязи не было, так что лица ее я не видел. – Артур, мы тут кое-что обнаружили... Ребята нашли, что в Верховной Ассамблее имеется дело на Gateway под грифом секретности «А». Доступа к самому делу, естественно, у нас нет. Но дата последнего редактирования – свежая... То есть что-то зашевелилось. Похоже, старается ваш внештатник.

Я вскипел моментально. Проблемы решать она не способна, еще я и виноват.

– Блоссом, это не мой внештатник, а ваш! Я вам его поручил, и что в итоге? Спасибо, что сообщили, что мы в заднице!.. Продолжайте в том же духе. Хорошего вечера!

Хотел было отключиться, но не успел.

– Артур, перестаньте вести себя, как Опалян, это не ваш стиль, – заговорила она спокойно. – Послушайте... Пока ничего официального не делается. Что дает нам шанс подготовиться. В ближайшее время в офисе могут начаться какие-то следственные действия, но пока их нет – мы вольны делать что угодно. Например, есть время спрятать что-нибудь, что вы хотели бы спрятать... Лучше всего вывезти это из офиса. Не ровен час, доберутся и до вашей комнаты... От обходчика вы запретесь, но могут ведь и с обыском прийти.

– С чего вы взяли, что мне есть что прятать?

Она вздохнула.

– Мы нашли еще одно дело, тоже под грифом «А». И тоже в Верховной Ассамблее. Дело – на вас лично.

– Пф... Мне прекрасно известно, что в нем. Давние темы. Там все закрыто, ничего актуального.

– Однако ж дата изменения материалов – тоже свежая!

Я задумался. Сигнальчик, может, и ложный. Секретари иногда перебирают старые дела, наводят порядок... Но не дела под грифом «А». В такие файлы без необходимости не лезут.

– Вы не расскажете мне, о чем там материалы? – мягко сказала она.

– Вам? – удивился я.

– Чтобы я хоть знала, к чему готовиться, – объяснила она. – И как защищаться.

– Я уже сказал: там все закрыто, – отрезал я. – Дела старые. Все процессы прошли.

На том конце послышалось сопение. Нелегко представлялось напряженное лицо Дженнифер, с которым она могла бы так сопеть.

– Вот что бы я вам рекомендовала, – начала она тоном доктора. – Уехать бы вам из офиса. Прямо сейчас, пораньше. Запрете кабинет на спецключ, обходчик не попадет внутрь. Это абсолютно легально... И, знаете, лучше езжайте не домой. Если наткнетесь на обыск у вас дома – только усугубите; станут вопросы задавать, спровоцируют, задержат...

Слышите, Артур?.. Переночуйте где-нибудь, расплачивайтесь наличными и старайтесь не мелькать в камерах наблюдения. Завтра с утра приедете в офис и все доделаете, никуда ваша дыра от вас не денется.

У меня голова пошла кругом. Возражать хотелось после каждого ее слова. Какого черта? Кто она такая, чтобы превращать мою жизнь в шпионский детектив, вместо того, чтобы самой как следует поднапрячься?

– Блоссом, я никуда не поеду. Мне нужно доделать программу сегодня. Я запрусь и доделаю ее, а спать буду здесь. А вы разберитесь с ПАК по своим каналам!

Она помолчала и продолжила, не меняя тона:

– Если вы будете внутри – он поймет и настаит, чтобы вы открыли дверь... Артур, вы слушали, что я говорила? Дела на вас завела не я! Не тот уровень, чтобы я могла кому-то позвонить и все затормозить... Соберитесь, Артур. Понимаю, определенные неудобства. Но вы будто бы полагаете, что я их выдумала нарочно, чтобы осложнить вам жизнь! Есть объективные причины...

– Да не было никакого официального предписания! – настаивал я. – Был ходячий дебил в халате, и что? Мне теперь удирать от него? Они не приедут с бухты-баракты, они как минимум сначала свяжутся и попросят предоставить кучу документов. Не раз уже бывало, обычная процедура. И, Блоссом, мне не понятно, как ваша паника поможет вам это уладить.

Она снова помолчала.

– Послушайте. Вы мне говорили, что вам нужен боевой товарищ. В данный момент я пытаюсь вам помочь и, поверьте, не преувеличиваю опасность. Будьте и вы себе боевым товарищем. Ведь вы не превратились окончательно в офисный планктон?

Голос ее дрогнул. Манипуляция, подумал я. Классика. В состоянии ли я вернуться в строй и взять в руки оружие? «Здесь остались настоящие мужчины?» – как жеманно блеет Виточка, когда у нее пустеет бокал на корпоративных вечеринках... Да кто ты такая, девочка, чтобы призывать меня в строй, да еще командовать мною?..

– Блоссом, раз вы не можете, давайте я позвоню агенту Кейну, и все решится, – сказал я устало.

– Куратор этого дела – Керриган. Вы можете ему позвонить? – спросила она вовсе упавшим голосом.

– Керриган... Какая разница? Если я позвоню Кейну... Погодите, какой Керриган?

– Полковник Роберт Джей Керриган, вряд ли вы его не знаете.

У меня перехватило дыхание. Нами занялась служба внутренней безопасности Верховной Ассамблеи? Какая-то пресловутая дырка в потолке – и сразу Керриган?

– Вы в этом точно уверены? – спросил я без капли прежней спеси.

– Да, Артур, сто процентов, и поэтому я очень рекомен-

дую вам, собирайтесь и уезжайте, как я вам говорила...

Она повторно произносила свои инструкции, но я не слушал. Кровь шумно пульсировала в висках, в ладонях кололи иголки... Властные, тупые ищейки. Самые властные и самые тупые. Не помню ни одного дела, которым занималась внутренняя служба и которое закончилось бы оправдательным приговором. Обычно давали лет по двадцать пять строгого режима или «одиночки». А если для вынесения приговора не хватало улик и не помогало даже личное давление Керригана, подозреваемый мог сидеть в сизо долгие годы, пока следователь неспешно добирал доказательства. Они умели вести расследования только «в лоб», и если доказательств не хватало – устраивали жесткие допросы, пытки, многолетнее заточение в сизо «до выяснения».

В прошлый раз Кейн совершил чудо, и дело не дошло до внутренней службы, хотя нам угрожали ею. Были административные процессы, штрафы и пара условных сроков. Главное, что мы с Деевым тогда усвоили от Кейна и его адвокатов: внутренней службе ни в коем случае нельзя попадаться. Любой ценой. Она как бультерьер: пока не сомкнулись челюсти на твоей шее, от нее можно убежать. Потом – ничто не поможет.

Но бегать придется далеко и долго. Бегать придется с опережением. Ускользать за секунду до. Уворачиваться в сантиметре от. Оборонительная стратегия против них – самоубийство. Коснувшиеся жертвы зубы не разомкнуть... Если

они ворошат старые дела, значит, у них что-то появилось, а коли так – глупо корчить из себя непобедимого.

Солнце добралось до зеркальных стекол соседнего здания и отраженными лучами палило мне в окно. Белесым туманом подсвечивался порошок, поднимаемый в воздух сквозняками. Пронзающие лучи жгли стены, полки с бумагами, металлические лапы моего старинного друга Stanley-1, которыми в углу он обнимал сам себя, засохшую пальму в горшке, китайскую маску над дверью...

Я ленился задернуть жалюзи и отводил глаза. Смотреть против солнца было невозможно.

Бесстрашен к нему был лишь искривитель Porta-07. Довольный собой, он стоял под собственноручно проделанной дырой и сиял колбой, похожей на шлем инопланетного астронавта. Его белоснежные бока имели красивые футуристические очертания. Дизайнеры постарались: он был шикарен, как спортивный оверкар. Вид его внушал желание мечтать о технологиях далекого райского будущего. «Искривление пространства – это волшебство». Отличная фраза, Тёма. Я загородился рукой от солнца, поглядел на дыру и вспомнил, что завтра у меня будет псионка. Ради такого стоит побегать.

Дженнифер я ответил нечто неопределенное, и она со мной попрощалась. Отложив трубку, пару минут обдумывал планы. Ради такого стоит побегать. Против внутренних ищек не жалко восстановить старые связи, которые агентом Кейном не исчерпываются.

Прорвемся.

Следующие пять минут я совершенно не запомнил, но, как потом выяснилось, умудрился проделать в кабинете все нужные операции и ничего не забыть. Последняя редакция программы была переписана на флешку и выгружена в мою зашифрованную папку в Космонете. Память искривителя была очищена. На терминале – удалены локальные файлы, связанные с этой программой. Из сейфа я изъясил походный набор с зубной щеткой и полотенцем, а также солидную сумму наличных. В сумке очутились мой планшет, ноутбук и пара левых абонентских ключей для анонимных звонков.

С сумкой наперевес я выбрался из кабинета, притворил дверь и побрел короткой дорогой на парковку, стараясь делать вид, что вышел за пиццей. Опаляна возле его логова не было, хотя я решил, что ни за что не остановлюсь, даже если станет кричать, а рядом будут его аудиторы. Больше всего меня беспокоила перспектива натолкнуться на обходчика в халате, и я вытягивал шею за каждый угол, высматривая его. Но он мне не повстречался.

Близился вечер. Понемногу отступала жара, а за ней – дневное тупоумие и тяжесть в голове. Я размял шею и глубоко вдохнул. Воздух пах солнцем, как кожа после загара. На улицах роились и гудели оверкары. На ближайшем перекрестке образовалась ежевечерняя пробка, кто-то протяжно сигналил. Задом выкарабкивался с парковочного места оверкар Эли Эйзенберга, уродливый минивэн с тонировкой

«под ноль».

На парковке стало свободнее – «первая смена» разъехалась. Украдкой я подошел к пустовавшему месту оверкара Гарри. Дыра моя снаружи оказалась вовсе не так приметна, как можно вообразить. Была она аккуратной круглой формы, без сколов и, в общем-то, крошечная по размеру. В кабине выглядела огромной, а здесь – размером с фонарь, которые укладывают в мостовую на пешеходных улицах. Казалось, это и есть какое-то специальное отверстие, под лампу или вентиляцию; ничего подозрительного.

Я направился к своему оверкару, стоявшему довольно далеко от места Гарри, и краем уха услышал полицейскую сирену. Только устроившись на сиденье и включив двигатель, я осознал, что сирена гудит совсем уж громко. По противоположной аллее парковки медленно плыла полицейская машина. Созерцая ее, соображал я туговато и понял все лишь в тот момент, когда она остановилась у самой двери в офис.

Я тронулся и стал выползать с парковки. Спокойно, как ни в чем не бывало, чтобы не привлекать внимания. При выезде на трассу мне навстречу попался еще один полицейский оверкар, который также направлялся на нашу парковку. Но и он не проявил ко мне интереса. Я выехал и встроился в пробку у светофора.

Полицейские машины были самые обычные. За рулем второй сидел молодежавый коп, и больше в салоне никого не было. Ничего похожего ни на Гвардию, ни на Керригана.

И все же у меня неистово заколотилось сердце и задрожали руки. По счастливой случайности Дженнифер предупредила очень вовремя, минута в минуту как было надо. Она была права – они запустили щупальца в наш огород, и отныне возможно всякое: и обыски, и показательные задержания, и арест имущества.

*

С минуту после того, как я выбрался на дорогу, в машине зазвонил телефон. Абонент был незнакомый, я поколебался, прежде чем ответить.

– Артур Лесин? – спросил скрипучий голос, который совсем недавно я где-то слышал.

– Да, слушаю. Кто это?

– Мы с вами сегодня пересекались в отделе тестирования и у ваших программистов. Меня зовут Райан Макфолл. Вы позволите задать пару вопросов?

– Сейчас? Я тут слегка занят... – сказал я, холодея. – Кто вы такой?

В конце концов, пусть сам скажет. Не буду подавать виду, что знаю о нем от Дженнифер.

– Я?.. Скажем так, я представляю Верховную Ассамблею ПАК... но это не столь важно, – ответил он, помолчав. – Вопросы безобидные. Я отниму не более пары минут. Вы ведь сейчас занимаетесь разработкой искривителя Porta, верно?

– Верно, и что?

– Артем Деев работает с вами?

– Да.

– Как давно вы знакомы с Дженнифер Блоссом?

– Это допрос? Я отключаюсь, – сказал я, изображая усталость.

– Хорошо, это может и подождать, – вздохнув, прогундо-сил он с незнакомо взрослой интонацией. – Сейчас меня интересу-ет Марк Фрайд. В данный момент в отношении него ведется расследование по статье о распространении секрет-ных сведений. Я знаю, что вы с ним общаетесь. Планируе-те ли вы встретиться с ним в ближайшее время?

Я чуть не врезался во впереди идущий оверкар и круто оттормозился.

– Не планирую, – проговорил я.

– Вы бы нам очень помогли, если бы постарались при встрече кое-что у него выяснить. Завтра или послезавтра, очень желательно. Сможете?

Я помолчал.

– Что выяснить?.. Бред какой-то. Вы вообще о чем?

– Ладно, пожалуй, это не телефонный разговор... Давайте сделаем так. Я назову несколько вещей, мы с вами распро-щаемся, а вечером вы подумаете и решите – поможете вы нам или нет, идет?

И, не делая паузы, он продолжил:

– Итак... Свернутые проекты в рамках Gateway – Alpha

Gravity и Psi Storm... Помните их? Имеются свидетельства незадокументированных финансовых операций между вами лично и Фрайдом. Есть записи мониторинга псионной активности OpenMind, на которых странные всплески в определенные даты... Потом еще: неправомерный доступ к секретным сведениям класса С и В в 2402 году. Вы просматривали сотни материалов, не имеющих отношения к задачам, над которыми вы работали...

Я слушал, чувствуя, как внутри бурлит бешенство. Сунули, значит, свой поганый нос в давние дела... Угроза выеденного яйца не стоит: даже если вынут их из-под сукна, на все эпизоды есть опровержения. Отбросимся как-нибудь, привлечем военных адвокатов. Но сам факт, что под меня копают, целенаправленно и глубоко – приводил в ярость.

Наконец, он произнес:

– Ну, и зона 81. Несколько посещений, совершенных вами вместе с Артемом Деевым... Артур, в общем, вы подумайте и сообщите мне о своем решении завтра утром. До свидания.

Он повесил трубку. На его последней фразе все копившееся во мне бешенство обратилось в страх. Мы никогда не были с Деевым в зоне 81. Но сам факт, что он вышел на эту информацию и, по-видимому, роет дальше, значил, что рано или поздно он обнаружит подлог: на самом деле мы с Деевым бывали совсем в другой зоне, о которой поклялись никогда не вспоминать.

Новенький «кларк» передо мной резко остановился

на желтый свет. Я взбеленился, засигналил, и, перелетев его через верх, прошел перекресток уже на красный. Мне сигналили с других сторон, но ответом им был неприличный жест.

Все это выходило далеко за рамки Gateway. Эта сволочь подошла к делу профессионально! Но что ему от меня нужно – вот вопрос. Не шпионы же мы в Gateway, чтобы так основательно нами заниматься. У ПАК есть пушки гораздо мощнее и технологичнее, чем тот кустарный миномет, который сегодня появился у меня. Что-то иное им нужно. Вот и Фрайда приплели... Прошлые делишки наши с ним – полная ерунда, детские шалости, тут нечто посерьезнее. Надеются завтра взять с поличным при передаче псионки? Вряд ли, иначе не звонили бы мне и не упоминали Фрайда, будто нарочно пытаюсь спугнуть.

*

Смотаться я решил за город, в Мастиано. События последних часов, как сговорившись, вели меня именно туда. Там можно было и укрыться от посторонних глаз, и переждать все более вероятный обыск на квартире, и в тамошнем моем тайнике оставалась пачка наличных, которые завтра пригодятся на псионку.

Сколько уж лет я толком не бывал в Мастиано? Раз-два в год на день без ночевки – не считается, я даже в дом не заглядывал. С Мари катались туда частенько, а когда ее не ста-

ло – разве мог я там находиться? В доме, где полным-полно ее вещей, которые я и выбросить не решаюсь, и смотреть на них невыносимо... Ерунда всякая, купленная ей в магазинчиках по дороге на работу: китайские фонарики, кухонные полотенца с вышивками, куклы-тильды, свечи в подсвечниках, фарфоровые фигурки животных. А возьми любую безделушку в руки, и перед глазами встает ее лицо – смеющееся, ласковое, уютное и родное. Оно пробуждается в памяти так ясно, словно минуту назад Мари была здесь и вышла в соседнюю комнату, а ты еще чувствуешь цветочный шлейф ее духов.

Я вел оверкар в сторону моего стратосского жилища. Чтобы создать иллюзию обычного поведения, решил сделать крюк и заехать в магазин у дома. Пусть лучше моя кредитка мелькнет в супермаркете, и они в пять утра заявятся с обыском на квартиру, полагая, что я там. Если подумать, в Мاستиано у меня значительно больше вещей, которые им не стоило бы находить.

После супермаркета, где я купил замороженной еды на несколько ужинов, я проделал еще пару сомнительных операций, чреватых штрафом в ползарплаты. Пылился у меня в багажнике антирадар, способный заглушить радиосигнал оверкара, чтобы не засекали сканеры на трассе. Сейчас было не до зарплаты; я засунул антирадар в бардачок и включил. Свой телефон я вырубил и вынул из него абонентский ключ – по нему засекут скорее, чем по радиомаячку оверка-

ра. Все было готово.

Я выбрался на трассу, ведущую на север, и спокойно полетел во втором ряду, наблюдая унылый урбанистический пейзаж. По сторонам трассу обрамляли сплошные бетонные заборы, изрисованные граффити, как татуировками. Кое-где вместо заборов над дорогой вздымались пластиковые шумопоглощающие панели, а за ними теснились жилые кварталы – штампованные коробки, мозаично раскрашенные во все цвета радуги, будто детский конструктор. Снаружи балконов изорванными знаменами висело белье. Дома сменялись темными корпусами военных частей, ангарами и складами. За колючей проволокой поверх десятиметровой стены скрывался аэродром Гвардии. Ничего за ней не было видно, кроме неумоимо вращающейся лопасти локатора на диспетчерском столбе. Слева вдалеке нарядно отсвечивали на солнце небоскребы делового квартала.

Прямо по курсу показался северный пропускной пункт. Гостям – налево под шлагбаум, проживающим – направо под сканер. Зафиксирует оверкар по маячку, водителя – по сигналу телефона, и ездай себе... Я высматривал, чтобы рядом не вертелся какой-нибудь резвый коп, который, заметив ошибку сканирования, тотчас остановил бы меня. Если бы таковой дежурил, пришлось бы выезжать по другой дороге.

Но на северном пункте полицейские особенно ленивы, мы это с Деевым давно прознали. Пока снаружи жара, они откисают под кондиционером в своей будке, смотрят видюш-

ки в Космонете и за табло не следят. Солнце еще припекало, так что безо всяких препятствий я проехал пост, вылетел на загородное шоссе и дал газу. Предстояло километров пятьдесят пути. Камер тут нет, дорожные сканеры мой оверкар не видят, штрафов за превышение не грозит.

Я летел на ручном управлении и упивался полетом. Со скучился по большой скорости. Оверкар отлично держал курс – все-таки раллийная машина, хоть и старенькая. На военных «хоккайдо» мы когда-то летали по итальянским Альпам на учениях. Стояло жаркое лето, живописные коровы объедали зеленые луга; тут и там торчали, как грибы, бревенчатые сарайчики, потемневшие от дождей. А вокруг – горы, серебристые громадины, кое-где покрытые рыхлой шапкой заиндевевшего ельника, кое-где – голые и скалистые с отвесно бегущими водопадами. На вершинах лежали шапки ледников, увенчанные облаками, которые не сдувались оттуда никакими ветрами. Наш путь пролегал вплотную к скалам и верхушкам елей на косогорах, по глубине ущелий над бурными реками с ярко-бирюзовой водой, по-над скалистыми вершинами, на которых, как застрявшие гвозди, торчали вышки связи и башни ПВО. И все это – с бешеной скоростью и огромными перегрузками. Никакого автопилота, лишь твои собственные руки на штурвале и ноги на педалях. Сначала проходишь пару кругов на пенсионерской скорости, чтобы почувствовать, как управляется твоя птичка. Потом смелеешь и все глубже жмешь педаль. Кажется, ничего не из-

менилось, но вдруг замечаешь: скорость твоя уже вдвое выше, чем на старте... И начинаются настоящие американские горки. Полет превращается в танец. Поворот, крен, взлет, переворот, штопор, выпрямление... Где-то мелькает знаковая речка или сарайчик на лугу. Смотришь только на скалы. Скорость. Затеكшие руки на штурвале. Неморгающие глаза. Вспышка солнца. Непроглядная темнота ущелья. Непрестанно щекотание в желудке. Посадка. Стаскиваешь шлем и летный костюм, выжимаешь тельник от пота...

Я быстро захожу во вкус и закладываю виражи круче. Оверкар слушается беспрекословно. Дорога сужается до двух рядов в каждую сторону, а затем и до двух рядов вообще. Начинаются холмы и петли серпантина. Серпантин – моя страсть. Обожаю проходить петлю на максимально возможной скорости и лихо из нее стартовать. Встречные попадают редко, поэтому на крутых поворотах я то и дело заезжаю на соседнюю полосу. Не страшно – встреча просматривается вперед на безопасное расстояние; если нужно, я тут же уйду к своему краю.

Холмы закончились, трасса пошла по долине вдоль кромок невысоких скал. Изгибы дороги стали пологими. До следующего серпантина – километров двадцать. Я расслабился, откинулся на спинку кресла и втопил посильнее.

На самом деле, думаю, все не так плохо. Времени еще тьма, в Мاستиано никто отвлекать не будет, разве что искривителя нет. Попытаюсь, насколько получится, доделать про-

грамму без него. Разожгу камин, буду сидеть себе с ноутбуком и работать. Потом, наконец, выплусь; в горах же изумительно спится... Разобрать бы когда-нибудь этот бардак, расконсервировать все и ездить по выходным! Сколько уж можно...

Перед глазами вставали картины из прошлого. Я смотрел на бегущее полотно асфальта, не особенно осознавая, что вижу. Случайно взгляд скользнул на приборную панель: на спидометре – 320 километров в час! После серпантина утратил бдительность и между делом разогнался не на шутку. Но ничего, крутых поворотов здесь нет. Впереди очередной плавный изгиб, я вхожу в вираж...

Из-за скал сразу за поворотом в глаза мне шибает ярким светом. Навстречу несется какая-то громадина, врубив все лампы, которые только есть на ее морде. Солнце еще высоко; зачем, к лешему, иллюминация?.. Фары огромные и яркие, слепят даже при дневном свете. Я сощуриваюсь, разглядывая дорогу. Слева мелькает пунктирная линия разметки, справа – часто стоящие бетонные столбики с красными светоотражателями на макушках. Я выравниваю курс после виража и встаю точно на свою полосу. Тормозить уже бесполезно, работаю одним штурвалом. Вижу линию разметки и столбики. Все в порядке, мы с грузовиком разъезжаемся.

Но, не долетев каких-то ста метров до меня, он вдруг сдвигается на мою полосу. Замечаю его резкий рывок, по глазам вновь бьет светом. В следующий миг его левая половина уже

на моей полосе.

Прокручивая это в ретроспективе, понимаю, что на автоматизме иного маневра сделать было невозможно. Вверх оторваться не успел бы, да и подъемные ускорители были не активированы, а слева угодил бы в стену скал. Пейзаж справа выглядел приглашающе, несмотря на метровую высоту столбиков – за полсекунды не перепрыгнешь. Казалось, есть шанс вписаться между ними и не задеть. Сумасшедшая иллюзия, но в те полсекунды ничего другого у меня в голове не было.

Рефлекторно дергаю штурвал вправо до упора и жму на газ. Оверкар моментально становится ребром, его сносит с дороги, свет фар грузовика гаснет. На сетчатке вторично за сегодня остаются выжженные пятна, и я еле вижу, куда меня несет.

Рефлекторно выравниваю штурвал и торможу. Оверкар задирает нос, появляется страшная вибрация из-за того, что лечу я теперь над какими-то грядами, а не над гладким асфальтом. Подкидывает вверх-вниз на каждой кочке. Спешно набираю высоту, чтобы меньше трясло, и продолжаю тормозить. Руль креню влево, к трассе. В конце концов, снижаюсь и останавливаюсь перед самыми столбиками на обочине.

Вываливаюсь наружу, полуслепой и полумертвый. Руки в спазме держат воображаемый штурвал.

Выйдя из машины, я бросился назад к тому месту, где чуть не был убит грузовиком. Не знаю, что меня туда несло – ничего примечательного там не было. Стояли, как и вдоль всей полосы, массивные бетонные столбики, белые с черными полосками. Вдалеке виднелся злосчастный изгиб, а на самой трассе было пусто и тихо. Грузовика и след простыл.

Черт знает, что было в башке у этого психопата. То ли пьян, то ли заснул, наркоман конченный... По правилам должен был остановиться и помочь мне, но он, тупорылый, будто и не заметил, что натворил. Сообщить бы о нем в полицию, да только у меня еще раньше права отберут за двукратное превышение скорости и езду с антирадаром...

На середине пути я пришел в себя и замедлил шаг. В один момент я все, наконец, осознал. И свою глупость, и безумную удачу, и то, что в эту секунду лежать мне недвижно в искореженном и горящем куске металла где-то на поле. Однако ж я стою здесь, невредимый, вдыхаю прохладный, душистый вечерний воздух и совершенно не понимаю, как так все сложилось...

Сердце колотится просто бешено, а за ним и тело начинает трясти. Животный, дикий страх накрывает меня и сковывает движения. Стучат зубы, к потному телу противно прилипает одежда. В оцепенении я шагаю, тупо уставившись на столби-

ки и абсолютно ничего не соображая. Мои шаги отбивают сильные доли сердечного ритма. Шумно скрежещет щебень под подошвами.

Что-то меня останавливает. Что-то темное под ногами. Верхний слой щебня разрыт, под ним обнажились влажные темные камни. Дальше по полю тянется след от моей машины, кусками повыдергана земля вместе с травой, будто перепахана пьяным трактористом... Поскорее бы убраться, пока никто из фермеров меня не заметил.

Не знаю, на что можно было рассчитывать, выруливая на эти столбики. Как бы я умудрился на скорости под триста втиснуться в десятиметровый створ между ними?.. Но вот ведь, втиснулся! Траектория моя хорошо просматривалась, и на ней не было ни одного столба.

Потоптавшись, я, наконец, разобрался, что все произошло немного не так. В действительности, я проехался аккуратно по тому месту, где должен стоять очередной столбик, но его там не стояло. В раскиданном щебне я разглядел бетонное основание, гладкое, как ткань, с блестящими пуговицами арматуры. Столбик был аккуратно срезан чем-то навроде лазера. Кто его знает, может, здесь на поле въезжают тракторы, и местный фермер расчистил для них путь...

Чудо. Один шанс из миллиона. Чудовищно повезло, как никогда еще не везло в жизни. Случай – и только. Даже не безмозглый риск, обернувшийся удачей, как сегодня с молекулярным песком или моим ослиным упорством потушить

потолок во что бы то ни стало... Нет, именно – случай.

Я глубоко-глубоко вдохнул волшебный вечерний воздух с ароматом свежей земли и остывающего асфальта и засмеялся в голос. Так не бывает, сказал бы кто угодно, однако ж я жив! Я поднял к небу лицо и прошептал «спасибо». По-другому благодарить бога я не умею.

Остаток пути я полз по-стариковски осторожно. Раздумывал еще, почему на грузовик не отреагировала моя сигнализация сближения со встречными, которая на узких дорогах включается автоматически? Но потом, вспомнив опять об Ассамблее и моих мерах по сокрытию местонахождения, сообразил: антирадар все и глушит. Стыдно, бывший аналитик, не принять этого в расчет.

*

В Мастиано все осталось по-старому, только сильнее заросло и обветшало. Калитка провисла на петлях и плохо открывалась. Замки заржавели – пришлось вытащить из машины гаечный ключ и хорошенько стукнуть. На лужайке трава была выше пояса. Заросли и потрескались дорожки, выложенные плиткой. Провалилась деревянная крыша сарая.

Дом стоял незыблемой каменной глыбой. Вид у него был благородный и излучал достоинство. Он был похож на бодрого, поджарого старика – глаза ясные, но каменные стены тут и там покрылись мхом, под окнами многолетние

ржавые потеки от дождей, да и сам камень под палящим солнцем изрядно высох.

Я пробрался сквозь бурьян к крыльцу и с заунывным скрипом открыл входную железную дверь. Внутри пахло сыростью и плесенью, как в пещере. На кухне в некоторых местах был мышиный помет, в дверных проемах на лицо налипала паутина, и откуда-то еще несло тухлятиной. Стоило проверить все мышеловки, но прежде вспомнить бы, куда я их запрятал.

Романтизм загородных посиделок разбился о грязь и бедлам, которые предстояло устранить, прежде чем ужинать с камином и ночевать.

Я включил электричество и воду, отыскал побольше тряпок и жидкостей для мытья всего на свете и принялся наскооро убираться. Постепенно я ушел с кухни в спальню, вынес кучу мусора и мышиногo дерьма, несколько мышиных мумий, дохлую крысу, убил одну сколопендру, побрызгал пол противомуравьиным средством, вымел из-под кровати гору засохших мух и ос. Пылесосить мне помогал старенький робот, клокочущий, как паровоз. Когда же я, наконец, добрался до окон спальни, чтобы их протереть, то увидел, что с внешней стороны калитки припарковался еще один оверкар.

У него были погашены огни, но внутри кто-то сидел. Это был серый «магнус» – увесистой наружности внедорожник, на каких у нас в Твери ездят на рыбалку или на «стрелку». Стекла были затемнены. Спереди угадывался только один

человек на водительском месте, а задняя часть салона была в непроглядной тени.

По телу пробежал трепет, в висках вновь зашумело. Я отшатнулся от окна и медленно пошел в кухню. Остановился, прислушиваясь – тихо. Отодвинул от стены кресло и с усилием поднял крышку подпола. Не залезая туда, просунул руку под самый пол – там у меня был подвешен сейф. Наощупь я набрал код (сейф пронзительно пищал от каждого нажатия, чем приводил меня в бешенство), отворил дверцу и вытащил сверток. В запачканной машинным маслом тряпке был завернут боевой пистолет-пулемет Super U-330. Я заткнул его сзади за ремень штанов, затворил подпол и отправился встречать гостей.

План у меня был прост. Подхожу к своему оверкару, чтобы взять что-то из бардачка. По пути ненароком заглядываю в ту машину. Если там сидят недоброжелательные личности, от которых мне захочется удрать, то, сев в машину, втапливаю педаль и улетаю ввысь, наперерез через поселок, обратно на трассу. По прямой моя ласточка сделает этот внедорожник без особых усилий, а там посмотрим. Заряда на такой пируэт должно хватить.

Ступая по бурьяну с хозяйским видом, я доковылял до оверкара, сделав крюк мимо калитки. В щели забора я увидел, что пассажиров в прибывшей машине не было, а за рулем сидела Дженнифер.

Скрестив руки на груди, я молча уставился на нее. В ответ она самым милым образом улыбнулась и выбралась из машины. Я ожидал, что она выдаст какое-нибудь длинное объяснение тому, как здесь оказалась, но она молчала. Заговорить пришлось самому:

– Ну проходи, коль приехала.

– У тебя найдется парковочное место? – спросила она.

Я скривил удивленное лицо и махнул рукой на бурьян.

– Мест масса, выбирай любое.

Она вернулась за руль, осторожно, по-женски дергая машину, перелетела забор и водрузила внедорожник на лужайку рядом с моим «хоккайдо». С трудом оттолкнула дверь, приминая высокую траву, чтобы вылезти.

На ней был все тот же утренний костюм и туфли на каблуках. В сочетании с травой по локти ее облачение смотрелось смехотворно.

– Не возражаешь, если я тут осмотрюсь? – спросила она.

– Да пожалуйста... Только в туфлях тебе будет не очень удобно. Я сейчас в доме закончу и скошу тут.

Высоко задирая ноги, Дженнифер аккуратно ступала на еле заметные в траве каменные плитки. Она направлялась в дом, я пошел следом. За ней тянулся легкий аромат духов, что-то фруктовое, едва уловимое. Этот аромат, как

и вся она, совершенно не вписывались в мой крестьянский пейзаж. Сюда не вписывался никто из коллег, даже Деев.

– У тебя красивый дом, – сказала она, обернувшись и прищурившись от косого солнца. – Он тебе идет.

Прищур был целенаправленный, острый. Словно заброшенный с размаху рыбацкий спиннинг. Но я удачно проглядел его, углубившись в раздумья о смысле комплимента.

– Спасибо, – ответил я с недоумением. – Внутри он понравится тебе меньше.

Мы забрались в дом. Дженнифер сразу пошла в кухню и начала один за другим открывать шкафы со всякой снедью. Внутри этих шкафов я не прибирался.

– Да-а... Хозяйственник из тебя не ахти, – морщилась она, осматривая заросшие паутиной пачки крупы. – Ну, чем угощать будешь?

– Ты поосторожнее, меня тут с год не было. Сам не знаю, где могут быть сюрпризы... На ужин будет заморозка из магазина, она в холодильнике. Прости, не планировал угощать даму.

Она открыла очередной шкаф и нашла там кухонный фартук, который обычно надевала Мари, когда здесь хозяйничала. Дженнифер вытащила и принялась неловко его напяливать. Я наблюдал, как она разбирается в лямках и завязках, и думал, что в этом фартуке она совершенно не похожа на Мари. Она открыла холодильник, вытащила на стол два лотка с заморозкой и стала рассматривать этикетки. В одном

были какие-то водянистые котлеты, в другом – сомнительное жаркое с овощами.

– Духовка у тебя работает? – спросила она.

– Да. Еще есть микроволновка. И плита тоже работает...

Слушай, знаешь что: убирай-ка эту резиновую дрянь обратно. Есть кое-что получше.

Я залез в шкаф и извлек оттуда чудом сохранившуюся пачку спагетти. В другом шкафу покоилось несколько банок тушеной говядины и консервированных томатов. Сроки годности, к счастью, не истекли.

– Макароны по-флотски! – объявил я, выложив добытое на стол перед Дженнифер. – С томатами по вкусу.

У нее аж глаза засветились.

– Обалдеть! Со студенческого лагеря их не ела! Давай кастрюлю, сейчас все будет.

Я дал ей кастрюлю и ушел в гостиную, откуда раздавалось измученное клокотание робота, упершегося в какой-то угол. Очевидно, мы переберемся ужинать сюда, к камину, за стол, покрытый сантиметровым слоем пыли. Я вызволил робота, сам принялся вытирать со стола и попутно обдумывать теperешнюю ситуацию.

Приехать в мой загородный дом можно, лишь разузнав его адрес (что непросто, поскольку оформлен он не на меня, а на сестру Мари, которая живет где-то на Аляске), либо проследив за мной. Не помню, чтобы меня кто-то преследовал по дороге сюда. Впрочем, возможно, я ее недооцениваю.

Видела ли она едва не состоявшуюся аварию с грузовиком?.. И что ей, в конце концов, от меня нужно? Неужели она собирается остаться тут на ночь?.. Только не надо, Артур, спрашивать подобное напрямик – она ведет какую-то игру; ответы, разумеется, заготовлены и ничего не дадут.

Я разделался с пылью, перепрятал пистолет из штанов под матрас дивана, убрал пылесос и вернулся на кухню. Тут уже шипела сковорода и разносился аппетитный запах жареного мяса. Спагетти были сварены и откинута на сито. Дженнифер не оборачивалась и, казалось, была очень увлечена. Я не стал мешать и отправился расчехлять газонокосилку.

В сарае у меня ржавел громадный лазерный робот-косильщик, которыми косят поля для гольфа и которому любой бурьян по плечу. Выглядел он как маленький квадроцикл. Проезжая мимо окна верхом на этом драндулете, пока он вжирал в себя колосья, я помахал рукой Дженнифер. Она рассмеялась, закрыв ладошкой рот. Потом сделала большой палец вверх и показала жестом, что у нее все почти готово. Я оставил робота достригать дорожки и вернулся в дом.

Глядя на нее, в фартуке и рукавицах поверх делового пиджака, с дымящейся сковородой в руках и по-детски довольной физиономией, я вдруг допустил шальную мысль: указал ей пригласительным жестом на гостиную, а сам полез в подпол и извлек бутылку красного бордо десятилетней давности. К нему вытащил из верхнего шкафа два благородных пузатых бокала.

Пока я наскоро их мыл, в спину палило солнце. Огненно-жаркие лучи простреливали дом навывлет, из окон спальни через ссохшиеся дверные проемы в кухню. Старые свечи, забытые на пути этих лучей, давно расплавились и стекли в подсвечники. На фасадах кухонных шкафчиков, на стене и оконной раме была заметна четкая граница: здесь солнце бывало каждый вечер, и за долгие месяцы выгорела краска, рассохлось дерево, пожелтела и стала пористой штукатурка; а рядом солнца не бывает никогда, ничто не тронуту и не состарено. Следовало в мой прошлый приезд закрыть окна спальни ставнями, но я забыл. Алеющий свет добавлял предметам в комнате причудливо розовый оттенок. Солнце готовилось садиться. Закат в Мастиано – традиция, не пропустить бы его за суетой.

С бутылкой и первым попавшимся полотенцем на руке я вошел в гостиную и вопросительно поднял брови. Дженнифер хитро улыбнулась.

– У тебя будет, во что потом переодеться? – спросила она. Спокойно, подумал я про себя.

– Из рабоче-крестьянского – сколько угодно.

Она закрыла глаза в знак согласия, и я взялся откупоривать бутылку. На столе стояли две пустые глубокие тарелки и на подставке – сковорода с крышкой, из-под которой выбивался пар. Дженнифер сидела, держа за ножку свой бокал, и наблюдала за моими движениями.

– Прости, с тебя как с гостя – первый тост, – сказал я.

Она вознесла бокал и с готовностью произнесла:

– За твое предстоящее выступление, чтобы оно состоялось, несмотря на все трудности!

Мы чокнулись и пригубили вино. Вино было терпкого вкуса, плотное, совсем без кислоты. К нему бы твердого рассыпчатого сыра, а не макароны с тушенкой, но уж чем богаты.

– Хороший тост, – сказал я. – Хотя я ожидал чего-то более информативного.

– Не требуй слишком многого от первого тоста, – ответила она.

– ...и тонкого, – закончил я.

Дженнифер посмотрела на меня в упор и проговорила:

– Манеры у тебя, конечно, своеобразные.

– У тебя тоже, знаешь ли.

Она подняла брови.

– И чем же тебя не устроили мои манеры?

– Ты выследила меня!

– Это моя работа.

Она улыбнулась и открыла крышку сковороды. Из-под нее поднялся клуб пара, а под ним лежали горячие спагетти с поджаренной тушенкой и небольшим количеством томатов. А она знает толк в походной еде, подумал я, и принялся накладывать макароны себе в тарелку.

На вкус они оказались весьма изысканными. Дженнифер, по-видимому, откопала какую-то приправу в шкафчике. Са-

ма она зажмурилась, взяв в рот первую вилку, и сказала:

– Сто лет не ела такой вкусотищи!

Я без слов съел вилок пять, так было вкусно и так я был голоден. После этого, жуя, откинулся на спинку стула и сказал:

– Ну, рассказывай.

– Что рассказывать? – удивилась она.

– Ну все, хватит. Ужин отличный, большое тебе спасибо.

Но не для этого же ты сюда приехала, выследив меня?

– Ты считаешь, что я сюда приехала что-то тебе рассказать?

– Честно, понятия не имею, зачем ты сюда приехала. У тебя тоже сегодня будет обыск?

Она усмехнулась и сделала глоток вина.

– Почему ты решил, что я не исчезну после ужина?

– Я думал, ты не водишь машину в пьяном виде.

– Есть же автопилот, – ответила она, как отвечают все нетрезвые водители ее пола.

– Ну хорошо, – процедил я, наматывая очередную вилку спагетти, – в таком случае, ты приехала что-то выяснить. Вперед, выясняй.

– Ты слишком прямолинеен, – нахмурилась она.

– Давай хотя бы уточним формат встречи. А то я не понимаю, как себя вести, – сказал я.

– Тем не менее, у тебя неплохо получается. За исключением некоторых твоих закидонов.

Неопределенность злила все сильнее, я чувствовал себя не в своей тарелке. Чтобы не начать ругаться, я решил помолчать и просто ждать, что будет дальше. Спагетти были восхитительные.

– Ну что ты, в самом деле? – сказала она, наконец. – Какой формат может быть у встречи двух коллег в вечернее время? Это называется деловой ужин. Неформальная беседа о работе. Когда вы пьете пиво с Опаляном – ты тоже спрашиваешь у него про формат?

Я через силу проглотил недожеванные макароны. У пивных встреч с Опаляном (которых было всего две или три) был очень простой формат: слушать и поддакивать пьяному начальнику; не болтать самому, тем более не рассказывать никаких забавных историй; оставаться трезвым и потом сопроводить его на такси до дома. И на следующий день все равно огрести за распущенные нравы, «сытость и разврат», ранний алкоголизм и прочее.

– Когда двое коллег идут на деловой ужин, один другого обычно не выслеживает...

– Вот ты пристал! Это ситуативная необходимость, – отмахнулась Дженнифер. – Мы же обсуждали, что ты сегодня постарайся улизнуть из города незамеченным и поедешь отсиживаться в укромное местечко. Чтобы не нарушать твоей конспирации, о нашем ужине никто не должен был узнать, поэтому я и тебе не стала говорить. На всякий случай. Просто поехала за тобой, и все.

Я поглядел на нее испытующе. Ее милое жующее лицо было непробиваемым.

Впрочем, она могла и не понять, что что-то случилось. Ну, остановился оверкар возле столбиков. Сдала назад, спряталась за поворотом... Уйму времени я бродил по обочине в беспамятстве и вполне мог ее не заметить.

– Спасибо, теперь стало понятнее, – сказал я, передумав уточнять. – Ну-с, давай тогда поговорим о работе?

– Если только ты не в настроении устроить мне новый допрос, – она подняла одну бровь.

– Думаю, за обедом было достаточно, – сказал я с серьезной миной.

– Тогда с удовольствием! – оживилась она. – Близнецы сегодня отразили атаку на корпоративную сеть. По почерку подозреваем кого-то из конкурентов. Они пытались залезть на диск к тебе, Дэвидсону, Портман-Честеру и, как ни странно, Фойерману. Есть идеи, кто бы это мог быть?

– К Гарри Фойерману? – переспросил я.

– Да. Что там у него может быть, кроме эротических фильмов?

– Мне не приходило в голову, что у него там эротические фильмы.

– От нас ничего не скроешь, – улыбнулась она.

У меня на личном диске тоже наличествовали подобные фильмы, поэтому я немного стушевался. Она этого не заметила (или сделала вид) и продолжила:

– Мы пока подозреваем OpenMind. По манере похоже на них.

– Почему OpenMind? – удивился я. – У нас же нет пересекающихся технологий.

– Откуда тебе это известно? – спросила она, глядя исподлобья.

Я замялся.

– Это всем известно... Они занимаются псионной энергией, с ПАК у них крупные контракты на подготовку так называемых «псионных подразделений», на оружие межгалактической обороны... Совместно с SP Labs строят корабли с псионным двигателем... Ты все это отлично знаешь, в Космонете написано.

– А может быть, *мы* занимаемся чем-то, связанным с псионной энергией? – спросила она и положила вилку.

Я поглядел на нее недоверчиво.

– Знаешь, мне пару часов назад звонил этот хрен в халате, которого вы так и не поймали. И тоже спрашивал про мои связи с OpenMind... В курсе, кстати, как его зовут?

Она задумалась и пропустила мой вопрос мимо ушей.

– Но паки так кондово сеть не взламывают, – сказала она, отвернувшись к окну.

– Делов-то. Может, маскировались под любителей... И что же им удалось стащить с моего компа?

– Ничего. В том-то и дело. Любители стащили бы хоть что-нибудь... Так что тебе сказал человек в халате?

– Угрожал. Хочет, чтобы я выведал для него какие-то сведения.

– Какие?

– Не важно. Они к Gateway не относятся... Почему ты заподозрила OpenMind в шпионаже, если, говоришь, действовали любители?

Она снова подозрительно посмотрела на меня.

– По-твоему, в OpenMind корпоративный шпионаж поставлен на профессиональную основу?

– Понятия не имею, говорю же. По логике, если уж заниматься чем-то, то серьезно, без баловства. OpenMind – серьезная профессиональная компания...

– И какие у OpenMind есть профессиональные средства шпионажа?

Я перестал жевать.

– Откуда я знаю? Я там не работал никогда, и знакомых у меня там нет!

Дженнифер смотрела пристально.

– Ну, знакомые, положим, у тебя там есть...

Я отложил вилку.

– К чему ты клонишь? И что вы вообще пристали ко мне с этим OpenMind'ом?

– А кто еще приставал? Макфолл?

– Интересно, – усмехнулся я, – почему ты его давеча обозвала человеком в халате, если знаешь фамилию?

– Думала, что ты не знаешь... Ну так, кто из твоих

знакомых OpenMind'овцев нужен Макфоллу? Гроссштейн? Фрайд?

Я опустил голову и стал ковыряться вилкой в остатках томатов.

– Артур, ну что ты молчишь? – произнесла Дженнифер дрогнувшим голосом.

Я поднял глаза. В ней что-то изменилось. Она смотрела на меня с мольбой, как будто от меня зависело что-то важное. Опять я вспомнил слова Деева о доверии к ней и что сегодня уже обидел ее напрасным допросом.

– Знаешь, зачем я приехала сюда? Потому что мне стало страшно!.. Потому что ты ничего не рассказал о своих давних делишках с OpenMind и Фрайдом! А сейчас ими занялись и копают подо всех, кто хоть как-то мог быть в этом замешан. Мне на днях звонили друзья по SP, которые давно не работают ни в SP, ни в OpenMind, и просили замолвить за них словечко. У них в квартирах уже были обыски! Едва до задержаний не дошло!

– Я уже сказал, – проговорил я медленно, – что давние дела ни при чем. Там все улажено. Полный порядок. Нас подозревали, но необоснованно. Все дела закрыты окончательно и бесповоротно.

– И сколько всего их было? – спросила она так, как спрашивают о бывших любовницах.

– Четыре. Два закрыты за недостаточностью доказательств. Одно дошло до суда, вынесли оправдательный при-

говор, который был обжалован, но оставлен в силе. Еще на одно вообще забили, там и состава преступления сформулировать не смогли; недавно его закрыли за истечением срока давности. Всё.

Она смотрела пристально и злобно.

– Ты так ловко не вдаешься в подробности...

– Потому что я не хочу в них вдаваться! – сказал я безапелляционно. – Дела эти ни тебя, ни даже Gateway не касаются. Формально... А компетентные органы давно в них разобрались.

– Да, видно, серьезные были дела... раз у твоего теперь гриф «А»!

Я протяжно вздохнул.

– Этого дела я не видел, у меня такого доступа нет. За чем ему засандалили гриф «А» – понятия не имею. Но все, из чего оно могло быть сформировано, я тебе озвучил. Не знаю, зачем так сделали... Может, засекречивают связанное с OpenMind, кто знает...

Не отводит взгляда. Чувствую, как рассматривает каждый мускул моего лица, будто мы в покер играем.

– Темнишь, – заключила она, откидываясь на спинку стула.

Я посмотрел на нее укоризненно, но она, взяв бокал, отвернулась. Встал, прошелся по комнате. Тягостно длилось молчание и скрипели половицы. Наконец, меня прорвало.

– Дженнифер, вот ты тоже темнишь! Хотела выяснить

у меня одну конкретную вещь, а устроила какой-то цирк! Выследила меня, заигрывала тут... Думала споить меня, чтобы я все рассказал? – усмехнулся я, – Что я, дитя малое?

Она сжала губы, глаза ее увлажнились.

– Я не заигрывала, – сказала она почти шепотом. – Мне от тебя ничего не нужно. Это тебе нужна моя помощь, только ты этого не желаешь понимать!.. Ну и иди к черту.

Она встала из-за стола и прошла мимо меня в кухню. Перед носом пронесся аромат ее духов, столь несоответствующий деревенскому кухонному фартуку, запаху тушенки в комнате, и вообще всей окружающей обстановке.

Я подался за ней. Она стояла лицом к окну и, заломив руки за спину, пыталась развязать тесемки фартука.

– Все-таки у тебя сегодня обыск? – спросил я утвердительно.

– Да, но тебя же это не касается, – проговорила она отрешенно. – «Формально». У тебя же все дела закрыты...

– Слушай... Ну неприятно это, согласен. Меня самого, честно говоря, выбило из колеи твое предостережение...

– Неприятно, ага... Неприятно – это выслушивать твой ор по телефону. За который ты даже не извинился... А внутренняя безопасность Ассамблеи, прости за откровенность – это не неприятно, а до чертиков страшно!

Узел не поддавался. Она принялась рьяно его растаскивать и рвать ногтями.

– Я... Ну... – запнулся я. Слова извинения никак не под-

бирались, всяко выходило или унизительно, или неискренне. Пауза затягивалась, я тронул ее за плечо и продолжил: – Послушай, Дженнифер. До тебя никто не докопается. Ты у нас и трех месяцев не работаешь... Ничего страшного они с тобой не сделают, ты же не шпион, арестовывать тебя не за что. Будут допрашивать – расскажешь, что знаешь, а ты толком ничего и не знаешь. Свалишь все на меня или Деева, что выполняла наши указания... Забавно, что ты приехала прятаться ко мне, – усмехнулся я. – Я ведь, по твоей логике, главный источник опасности.

Она, наконец, стащила с себя фартук и обернулась. В великолепных глазах ее стояли слезы. Прическа растрепалась, пока она освобождалась от лямки, лицо было бледным. Смотрела она куда-то в сторону.

– Не главный... Я думала, ты прольешь свет на причины... – сказала она безразлично и направилась к входной двери. – Да и выбора, куда ехать, у меня нынче негусто.

– А как же твои друзья из SP и OpenMind? – спросил я и тут же понял, что вопрос прозвучал с ехидством.

– Они не мои друзья, а моего парня... бывшего... И я и так их уже подставила с этими обысками.

Пока она поправляла прическу перед пыльным зеркалом, я набрался наглости и спросил:

– Давно вы расстались?

Она помолчала.

– На той неделе. Два года жизни – в мусорку, – отчужден-

но сказала она. – Но тебя это не касается.

Она стояла в дверях с сумкой наперевес.

– И куда ты сейчас поедешь? – спросил я, подойдя ближе.

Дженнифер стояла передо мной в своем неуместном деловом костюме, как заблудившаяся гостья из даунтауна. После долгого дня, в помятом пиджаке, с большой сумкой, тяготившей плечо, похожая на растерянную командировочную, которая пропустила обратный рейс. Она смотрела стеклянным взглядом, потому что мысли ее теперь занимал лишь вопрос о ночлеге: куда податься, чтобы до утра до нее не добрались паки. Я ее больше не интересовал. В моем доме ей убежища не нашлось. Она попробовала наудачу, но все опять закончилось допросом.

– Не знаю, – сказала она. – В гостиницу за наличные... У тебя есть сколько-нибудь наличных займы? Мне своих впритык хватит.

Я машинально полез в карман и вытащил кошелек. Потом вдруг осенило: какого черта я делаю?.. Протянул руку и просто взял с плеча ее сумку. Дженнифер покорилась, но продолжала стоять у двери. Мне вдруг захотелось ее обнять, я даже сделал движение (и, кажется, она его заметила), но остановился. Никакая она не царица зверей... Возвели ее в этот ранг Деев с Опаляном, купившись на бесподобный взор и твердые речи, а она – обыкновенная женщина. Известно же, слабость Опаляна – властные женщины, Деева – красивые женщины, а Эйзенберг просто трус...

– Оставайся. Больно уж вкусно ты готовишь макароны с тушенкой, – сострил я, чтобы разрядить ситуацию. – Пойдем, хочется их доесть...

Не поменявшись в лице, она покорно поплелась за мной в гостиную и села на свое место за столом. Я налил вина в бокалы почти доверху.

– Давай, чтобы все у нас обошлось, – сказал я тихо, мы чокнулись и хорошенько отхлебнули. Я принялся доедать спагетти с показательным аппетитом. Дженнифер тоже ела, медленно, без энтузиазма.

– Ты уже познакомилась с Витой Портман и Сьюзан Морт? – спросил я, чтобы не давать тишине снова нагнать тоску.

Она помотала головой. Стараясь вспомнить побольше смешных деталей, я рассказал про фундаментальщиков, про их странности, какао и тусовку у фонтана. Для увеселения пришлось пожертвовать наиболее безобидными историями препирательств Деева с Виточкой. Она спросила, всегда ли Деев так себя вел в отношении слабого пола. С первого дня, заверил я, но к этому давно привыкли все, включая Опалюна. Она покачала головой, сказав, что служебные романы ни к чему хорошему не приводят. Я уточнил, что у Деева служебных романов не бывает, бывают только служебные переписки. А вообще, да, дело нехорошее, и, видимо, с ее приходом жизнь Деева перестанет быть медом. Она рада была бы сейчас заняться чьим-нибудь романом, поскольку это, хоть

и смертельно скучно, но так привычно и не страшно, в отличие от разбирательств с ПАК. Тут у меня возникло наготове сразу несколько историй моего периода в Гвардии...

Беседа кое-как налаживалась. Дженнифер слушала и отвечала все охотнее, смеялась шуткам. Я чувствовал себя обязанным во что бы то ни стало выправить положение, в которое сам нас загнал. Совестно было за срыв, стыдно, что довел до слез женщину, которая ничего плохого не сделала, хотя и приехала с не совсем форматной просьбой... Замешано ли тут «что-то личное», о чем говорил Деев?.. Вот был бы на ее месте, скажем, сам Деев... а лучше не Деев, а, допустим, Джорджик; в такой же ситуации, с угрозами и грядущим обыском. Разве не приютил бы я его переночевать?.. Или, скажем, была бы это Виточка... Меня передернуло. Переночевать бы дал, но точно не стал бы с ними обоими ужинать, тем более открывать десятилетнее бордо. Джордж бы своей бородой тут все извозил...

Я рассказал забавную историю о том, как в нашем лагере в Центральной Африке Крег однажды ночью в одних трусах, обвешанный пятью автоматами, спросонья выбежал из палатки и стал стрелять в воздух, объявляя тревогу, а потом выяснилось, что его разбудило пронзительное кряканье какой-то птицы, которое он принял за аудиогранату. Дженнифер смеялась, сильно откидывая голову назад. Едва закончив рассказ, я спохватился – закат.

Вскочив из-за стола и бросив Дженнифер короткое «По-

шли!»), я потащил ее на выход, на лужайку, где стояли наши оверкары. В бурьяне было выкошено несколько дорожек, и теперь он напоминал старинный английский лабиринт.

Солнце висело, уже наполовину погруженное в гребенку далекого леса, придавливая своей массой и делая его черным, как уголь. Казалось, солнцу ничего не стоит проглотить, сожрать и кромку леса, и крохотное, в считанные километры, холмистое поле между лесом и моим забором. На горизонте солнечный диск раздувало раза в три-четыре шире, чем он был днем, вися высоко в небе. Превращение повторялось изо дня в день, всю мою жизнь и сотни лет задолго до нее, но никак я не мог привыкнуть; каждый раз подбирался червячок страха, что оно вот-вот взорвется и подожжет землю, и нас вмиг разметелит на элементарные частицы. Врач приемной комиссии в ПАК назвал это гелиофобией, и Крег надо мной всегда насмеялся, а вот Фрайд – нет. Фрайд порой впадал в куда большее созерцательство, когда наблюдал закат.

Увидев эту апокалиптическую картину, Дженнифер освободилась от моей руки, медленно пошла по извилистой дорожке и встала у самого забора.

Солнце медленно катилось вниз. Движение было заметно глазу. Сердце у меня замерло. Я вспомнил, как в детстве меня завораживали огромные поезда, которые на полном ходу проносятся мимо тебя, стоящего на перроне. Или – мимо столбов линий электропередач, когда ты высываешься

из окна вагона. До последнего момента волнуешься, что эта громадина снесет тебя, снесет столб, домик зрителя или заденет вагон соседнего состава. Вместе с тем логикой понимаешь, что рельсы проложены с учетом габаритов вагонов, платформ и столбов; поезд никуда не свернет и благополучно проедет. Животный страх и логическое успокоение боролись до того самого момента, пока состав, наконец, не настигал свою цель, и с ней ничего не происходило... С солнцем щекотало то же ощущение: необходимо проследить, как оно провалится за горизонт, иначе вдруг оно неожиданно повернет и пойдет прямо на нас?

*

Когда последний луч исчезает за лесом, Дженнифер обочивается, а на ее лице – умиротворенная улыбка. Она возвращается по дорожке и гладит ладонями верхушки колосьев моего бурьяна. Она изменилась. Кажется, что теперь мы с ней старые друзья и знаем друг друга сто лет. Мне становится уютно.

– Так ты дашь, во что переодеться? – произносит она, подойдя ко мне, и ежится.

Я забираюсь на второй этаж, куда не ступала нога пылесоса дольше любого иного места в доме, и с опаской открываю дверцу шкафа. Открывается она с облаком пыли, из шкафа тянет сладковатым запахом протухшей влаги и столет-

него мебельного клея. Внутри аккуратными стопками лежат старые вещи, мои и Мари. Поколебавшись, я вынимаю с полки Мари ее рубашки в поисках более-менее приличной. Потом отыскиваю ее старые джинсы и застиранную толстовку на молнии. Кое-как вытряхиваю вещи от пыли и несую вниз.

Рядом с одежным шкафом стоит второй, заваленный сверху донизу полиэтиленовыми мешками с зимними куртками, теплыми штанами, шерстяными свитерами и шарфами – их мы привезли еще из Твери и так и не разобрали. В этот шкаф невозможно и руку просунуть, мешки лежат плотными штабелями, будто зацементированные камни. Именно туда, внутрь двойной задней стенки я когда-то захоронил все, связанное с «зоной 81», как ее назвал мой сегодняшний телефонный собеседник.

Дженнифер с удовольствием принимает добытую одежду и уходит в гостиную переодеваться. Ей же надо выделить спальное место, спохватываюсь я. Мой верный робот отправляется пыхтеть наверх, чистить одну из гостевых спален.

Я возвращаюсь вниз, а там Дженнифер уже щеголяет в широких потертых джинсах и небрежно заправленной клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами. Рубашка сверху расстегнута, из-под нее виднеется голубой бюстгальтер с кружевным краем. На ногах Дженнифер старые кроссовки Мари, которые она сама отыскала где-то в прихожей. В сочетании с наполовину полным бокалом вина в пальцах с безупречным маникюром, весь ее расхлябанный вид кажется

стильным и даже утонченным, будто бы эти крестьянские лохмотья – отнюдь не лохмотья, а со вкусом подобранные модные вещицы.

– Здесь ночью прохладно, да? – замечает она, и я тотчас вспоминаю про камин и бегу его растапливать.

Усевшись в огромные кресла перед огнем, мы разливаем по бокалам остатки вина из бутылки. Камин занимается неохотно, приходится подкладывать сосновые щепки. Они трещат и стреляют искрами. Дженнифер подбирает под себя ноги.

Окружив горящий шалашик толстыми поленьями, я утапливаюсь в кресло и наблюдаю, как ими медленно овладевает огонь. Маленькие, осторожные языки пламени множатся и сменяются крупными, охватывающими всю толщу полена. Вскоре щепки прогорают, и остается лишь ласковое, музыкальное потрескивание да басовитое гудение воздуха. Такое знакомое, будто буквально вчера сидел так же, смотрел на огонь, грелся и слушал, как он гудит... словно минуты, пролетели годы.

– Этот дом ты построил сам? – спрашивает Дженнифер.

– Нет, он старый... Я лишь переделал кое-что.

– Почему ты сюда так редко ездешь? Здесь же здорово...

– Из-за Мари, – отвечаю я, не сводя глаз с пламени.

Пламя преломляется и искривляется круглыми стенками бокала. Искривление пространства... В этом я теперь мастак! А когда мы с Мари сживали перед камином, я чаще

смотрел, как языки пламени отражаются в поверхности вина. Они были похожи на кольшущиеся кровавые разводы и внушали мистические смыслы и значительность. Волновали воображение, казались удачным художественным символом... С тех пор, как Мари не стало, я не пил красное вино поблизости от огня, а если и пил – никогда не смотрел, что там в нем отражается. С тех пор мне безразличны символы и отражения, а интересны лишь искривители...

– Лучше бы ты ездил сюда, – произносит Дженнифер. – Выкинул бы старье... Дом ваш был бы живой, а сейчас он едва дышит. Мне кажется, ей бы это понравилось больше.

– Откуда ты можешь знать, что бы ей понравилось больше? – спрашиваю я, сердясь на ее фамильярность. Она остается абсолютно спокойной.

– Если бы с моим любимым мужчиной произошло такое, как с тобой, я была бы очень рада, что он смог меня отпустить, – проговаривает она, глядя на огонь.

– Теоретизировать легко. Только ты не на ее месте. И не надо вот... Ты жива, здорова, и слава богу...

– О, хотела бы я теоретизировать... Знаешь, почему я стала безопасником?

– Почему?

Она молчит, собираясь с духом.

– В первый год после института был у меня роман с одним замечательным мальчиком. После Ярослава, с которым мы как раз расстались, он был как глоток свежего воздуха...

Дженнифер говорит ровным, мягким голосом. Пронзительная история в ее исполнении звучит, словно пересказ газетной статьи о ком-то постороннем. Самые острые и эмоциональные моменты истории звучат нарочито ровно и серо. Так, как она хранит их в памяти. Так, как единственно возможно хранить их в памяти: серыми, непримечательными, банальными. Помнить такое событие, прикасаться к нему, рассказывать о нем малознакомому собеседнику было возможно, лишь представив, что его вовсе и не было, а была только газетная заметка, прочитанная много лет назад.

Было им по двадцать три года, жили они оба в Казани и возвращались как-то вечером домой после ресторана. Подворотня, глухой темный двор, трое молодчиков преградили дорогу и стали выдвигать требования. Они чуть было не разошлись полюбовно, отдав грабителям свои кошельки, но тут подонкам приглянулась сама Дженнифер. А парень у нее был не из трусливых. Молодой, честолюбивый лейтенантик. Когда Дженнифер стали лапать, он расшвырялся и бросился душить одного из нападавших. Дальше все произошло очень быстро. На него накинута, у кого-то был нож, и парнишка получил несколько ударов в живот, а в довершение ему разрезали горло. Дженнифер отчаянно завизжала. В замкнутом дворе и подворотне крик ее неожиданно отразился столь громким эхом, что гопники, не готовившиеся, в целом, к мокрухе, решили смотаться подобру-поздорову. А она, бросившись к лежащему телу, помнила, что нужно

зажать рану, но ран было столько, что она не знала, к какой приложить руку... Она кое-как схватила парня за горло, пытаясь остановить хлещущую фонтаном кровь, но рана была слишком широкой.

Кто-то из жильцов вызвал скорую. Дженнифер не помнит, что делали врачи, помнит лишь, что скорая приехала и тотчас уехала, и тут она все окончательно поняла. За скорой приехала полиция, оторвала ее окровавленную руку от шеи, упаковала парнишку в страшный черный мешок и увезла на страшной черной машине. Ее саму привезли в отделение, но вскоре отпустили. Следующие дни и недели она помнит несколькими картинками. Одно помнит хорошо, что никак не могла смыть с рук кровь, и потом ей долго казалось, когда она мыла руки, что вода стекает красного цвета.

Найти никого не смогли. В камеры наблюдения никто из отморожков не попал. Кого-то потом отыскиали по координатам телефона, но оказался не тот. В некоторой степени эта трагедия обусловила выбор профессии Дженнифер, ибо по образованию она совсем не безопасник. Она закончила факультет общей информатики Казанского политехнического института и хотела идти в маркетинг. Впоследствии, в своей первой службе безопасности, куда ее устроил отец и где у нее появились первые завязки в ПАК, ей удалось протолкнуть дело об этом убийстве на уровень выше. Из полиции его передали в ПАК и возобновили расследование. Там оно тоже прогрессировало неспешно, однако они вышли на след

троих подозреваемых. В одном они были уверены точно; состоялся суд, на котором подсудимый присутствовал заочно, поскольку уже сидел за вымогательство. Ему продлили срок, и он не выйдет еще лет пятнадцать. По двум другим подозреваемым уверенности не было, но их трудно было наказать сильнее, чем они уже получили от жизни. Один был кем-то убит. Второй попался ранее на какой-то ерунде, оказал при задержании яростное сопротивление, и его изувечили омовцы. За сопротивление дали пожизненное, и сидит он теперь в колонии для инвалидов.

Она очень долго отходила от шока. Несколько месяцев буквально выпали из жизни. Она практически не выходила из квартиры и ни с кем не общалась. Ей пытались вызвать психотерапевта, но она только крепче замкнулась.

И однажды во сне, ярком и сказочно реалистичном, ей явился тот самый мальчик. Сказал ей, дескать, он в раю, все у него хорошо, и, говорит, пусть и у тебя все будет хорошо, ведь ты ни в чем не виновата. Радуйся, и я буду радоваться с тобой.

Она проснулась, и был солнечный день. Подойдя к окну и впервые за несколько недель расшторив окна, она вдруг решила: с этого самого момента у нее все станет хорошо. И так и случилось.

Камин мерно потрескивает. Дженнифер сидит в полумраке, лицо ее озаряют всполохи, и на нем та же умиротворенная улыбка, как тогда на улице, когда она шагала по дорож-

ке после захода солнца. «Все станет хорошо», прокручиваю я снова и снова ее слова, близкие такие, пережитые и выстраданные за пять лет, и думаю, что, действительно, возродить бы наше здешнее жилище да переехать сюда жить. Не вечно же прозябать за крепостной стеной...

Зачем-то я беру ее за руку. Как-то само собой, без раздумий о том, уместно это или нет. Боковым зрением вижу лишь край рубашки, в которой ходила Мари, кусочек пледа, в который она заворачивалась, и каштановые волосы. Если не поворачивать головы – можно думать, что рядом сидит она... Культивирую эту мысль, по телу волной проходит холодок... Но глаза не заставишь стоять на месте. В поле зрения попадает длинный каштановый локон, каких у Мари никогда не было, и становится не по себе. Словно рядом какой-то призрак... Поворачиваю голову, и видение пропадает. Рядом – погруженная в свои мысли, осанистая, незнакомая, непостижимая Дженнифер.

Она не отнимает руку и чуть сжимает пальцы в ответ. Я втихомолку рассматриваю ее, чтобы оставаться в реальности. Мы сидим молча с минуту, слушая камин, а я все думаю, правильно я сделал или нет, и, в конце концов, руку убираю.

Внутри начинается суета. Никакой это не деловой ужин, а как минимум дружеские посиделки с вином и откровенными разговорами. Рука еще эта, комплименты, и вообще она собралась ночевать. Даже друзья о таком предупреждают...

Я не понимаю, как себя вести. Дженнифер очень привле-

кательна, и значительная часть меня недвусмысленно намекает, что надо использовать свалившийся с неба шанс. Боюсь я, что ничего не состоится, увязну я в неуклюжих колебаниях, она во мне разочаруется, а нормальные деловые отношения после такого будут вовсе похоронены. Но сильнее я боюсь того, что все получится, а наутро я пойму, что поступил неправильно, и зря мы заварили эту кашу. Она моя коллега, близкий деловой партнер, Деев вот всячески продвигает ее в наш ближний круг. Не трахайся там, где работаешь, говорил он сам, будучи безмозглым юнцом. Сейчас он занимается этим направо и налево («Тур, мне же надо укреплять горизонтальные связи между коллегами!»), однако крайне избирательно, признаю. С теми из коллег женского пола, с кем интим потенциально опасен для карьеры, Тема – целомудренный паинька. Стал бы Деев вступать в «горизонтальную связь» с Дженнифер? Однозначно нет.

Мне кажется, что Дженнифер чувствует мои метания, поэтому я встаю и неспешно выхожу на крыльцо. Стоят уже глубокие сумерки. Откуда-то дует вечерний бриз, которому я с удовольствием подставляю лицо. Он – как теплое течение в зябкой вечерней свежести. Порывисто раздувает волосы и разносит запах вечерней росы, сосен и кипарисов, горящих где-то далеко лиственных поленьев, сена и навоза с близлежащей фермы.

О чем она сама думает? Без году неделя в компании, а уже приехала ночевать к начальнику. Как, она полагает, все обер-

нется, в случае, если у нас с ней что-то будет? Я трясую головой. Слишком странно. Сама борется со служебными романами, и, видимо, навыки сокрытия собственных у нее на высоте, вот она и не беспокоится. Или – опять проверка? Дала намек на тело и ждет, как я его использую...

Необходимо взять игру в свои руки. Быть ведущим. Я даю ей выбор, а не она мне.

Возвращаюсь в гостиную с лукавой физиономией. Дженнифер закуталась в плед с ногами и полулежит в кресле так уютно, что вытаскивать ее оттуда совсем не хочется. Впору погладить по голове, как кошку, и спеть колыбельную. Но глядит на меня из-под пледа с интересом. Я подмигиваю и говорю: «Поехали». В ее глазах тотчас возникает азарт, с каким предвкушают новые приключения, и, не задав ни одного вопроса, она вскакивает вместе с пледом и замирает в ожидании указаний. Я сгребаю в охапку второй плед, две походные кружки, вытаскиваю из дальнего шкафа запасную бутылку красного вина (весьма дешевого), хватаю четыре небольших бревнышка и запикиваю весь скарб в истрепанную дорожную сумку, которая испокон веков валяется в прихожей. Тушу остатки дров в камине, и мы выходим из дома.

Когда оверкар приветственно мигает огнями и отпирает двери, Дженнифер усмехается с веселым испугом:

– Мы же с тобой пьяные! Что, автопилот?

– Тут недалеко, полиции не бывает. Не беспокойся, я пол-

ностью в норме, – произношу я с уверенностью суперагента. – Тебе понравится.

Усаживаю Дженнифер на пассажирское место, запрыгиваю сам, мотор стартует, и мы лихо перелетаем через забор. За нами столбом поднимается вырванная трава с землей. Дженнифер охает, но не пугается. Мы летим вниз и вверх по холму через поле, по-над лесом, за которым погасло солнце, над чьими-то виноградниками и оливковыми рощами, высаженными по косогору. Кроны деревьев мелко трепещут под оверкаром. Наконец, мы выбираемся на проселочную дорогу с глубокой колеей от тракторов, и дальше движемся по ней.

Проселочная дорога петляет, забираясь на холмы и скатываясь с них. Оверкар качается на ямах и перекатах. Дженнифер держится за ручку над собственной дверью. Мимо нас проносятся темные сарайчики, без единого огня, деревянные жерди заборов, кое-где опоясанные оголенным проводом с легким электрошоком для скота и буйных местных гуляк. Одинокие каменные домики с зажженными окнами. Чьи-то велосипеды, телеги и выпачканные садовые роботы, расставленные вдоль стен. Встретилось пара пацанов лет двенадцати, которые жевали травинки и настороженно, повзрослому всматривались, кто там за рулем в нашем оверкаре.

Поднимаемся высоко в гору, холмы остаются позади. Домики исчезают, дорогу обступают скалы. За окном усилива-

ется шум реки – она протекает поблизости, с самой вершины спускается в ущелье. Дженнифер неотрывно смотрит вперед на петляющий в свете фар серпантин. Круто накреняясь, мы пролетаем шпильку за шпилькой. Край дороги, переходящий в обрыв, обозначен редкими деревянными столбиками, часто вовсе не покрашенными. Однако ночью тут ездить даже безопаснее: издалека увидишь свет фар встречного и потихоньку с ним разъедешься, а большей опасности и нет. Временами налетает подспудный страх, видение несущегося на меня грузовика, но пьяный мозг легко отгоняет его. Грузовики здесь не ездят, тем более по ночам.

После очередной петли я вдруг сворачиваю с дороги, и по еле заметной тропинке мы углубляемся в заросли невысоких кустов. Шум речки усиливается. Выехав на взявшуюся откуда ни возьмись ровную полянку, я глушу двигатель и вылезая.

Каменистая полянка освещена белым светом луны. В высокой траве, обрамляющей поляну, неистово трещат цикады. Впереди в лунном свете, как миражи, пролетают летучие мыши.

Перед нами бурлит речка. Справа она уходит далеко ввысь, перекатываясь через многочисленные пороги и камни. В каждой струйке каждого водопада отражается луна, отчего речка напоминает новогоднюю гирлянду. Я шагаю вперед и останавливаюсь у обрыва. Здесь крупный водопад промыл широкий, глубокий бассейн. Вода в нем – прозрачная,

как слеза. Проглядываются огромные валуны, составляющие подводные стены этого бассейна, а иногда можно разглядеть и гальку дна. Блики белоснежного света играют в волнах, делая воду похожей на желе. У меня возникает знакомое желание броситься в воду, напиться ею сколько влезет, смыть с себя всю грязь, пот, пыль, вымыть запах асфальта, электролита и гари, порошок огнетушителя в волосах, осточертевший запах одеколона на шее, вяжущий привкус десятилетнего бордо во рту и все гнусные сомнения, которых в сегодняшнем дне было столько, сколько не было за последние пару лет... Я до отказа заполняю легкие душистым горным воздухом с запахом ручья и влажного мха и зажимаюсь.

Сзади слышится еле уловимое шуршание травы, а за ним – дуновение знакомого фруктового аромата. Дженнифер становится рядом со мной и тоже замирает, глядя вниз на мелькающие лунные блики. В ее взгляде – знакомая и такая родная таинственность. Мне нравится, что она смотрит на луну и мою речку так же, как это делаю я – смело, внимательно, почтительно, словно на старшего брата. Мы встречаемся глазами и улыбаемся. Она смотрит на меня долго, с еще не знакомой мне нежностью. В лунном свете ее лицо совершенно необыкновенно. Я шепчу одними губами: «Какая же ты красивая», – и, испугавшись, что она это прочтает, скорее ухожу с берега на поляну.

В кустах нахожу несколько веток и сооружаю из них и привезенных с собой поленьев небольшой шалашик. Разжигаю

костер. Отсветы его вступают в полемику с лунными лучами. Костер добавляет всей картине желтые оттенки и смотрится несуразным пятном. Ничего, он нужен тут совсем для другого.

Я сбрасываю с себя кроссовки, штаны, куртку, рубашку, и в одних трусах возвращаюсь к обрыву. Дженнифер, увидев меня, задирает брови и застывает в беззвучном изумлении:

– Ты серьезно? – шепчет она. Я закрываю глаза в знак согласия.

Она бегом устремляется к костру, скидывает с себя вещи («Отвернись, ну что ты пялишься?») и остается в одном белье. В лунном свете ее голое тело кажется неестественно белым, как на гравюрах Гойи. Осторожно ступая изнеженными ступнями, прихрамывая от мелких камешков, она возвращается на берег.

– Ты первый, я боюсь.

– Здесь нет ничего опасного, – говорю я, вглядываясь в гальку дна. – Обещай, что прыгнешь сразу за мной.

– Обещаю, – говорит она тихо. Я не поворачиваюсь, но мне кажется, она придвинулась ближе ко мне.

В последний раз я вдыхаю полной грудью, напрягаю спину и «рыбкой» сигаю вниз. С обрыва до воды – метра четыре, но с непривычки они тянутся столь долго, что в животе основательно ёкает. Вонзаюсь в желанную воду и тут только вспоминаю, какая же она обжигающе холодная. От моей напыщенности вмиг не остается и следа, я стремительно

выныриваю и начинаю барахтаться, как щенок. Продрав глаза от воды, смотрю вверх на Дженнифер, которая готовится к прыжку. Поза ее выражает решимость и безнадегу. Я кричу, что здесь здорово и чтобы она прыгала «солдатиком», если боится. Через секунду за спиной раздается оглушительный всплеск – похоже, «солдатик» был с поджатыми коленями – и спустя несколько мгновений, Дженнифер высывается рядом, жадно глотая воздух и бешено дергая всеми конечностями.

– Ты не сказал, что тут так холодно! – кричит она, стуча зубами. – Ты с ума сошел!

– Средство от всех болезней, – отвечаю я и тоже стучу зубами, как дятел. – Давай выбираться, плыви за мной.

В заключительный раз занырываю глубоко-глубоко, открываю под водой глаза и трогаю рукой сыпучее дно. Глаза окоченевают от холода. Под водой светло и удивительно прозрачно. Рядом барахтается Дженнифер, пуская пригоршни белых пузырьков, не понимая, куда я делся и куда плыть ей. Не чувствуя кожи, я наконец выныриваю у отвесного берега и беру рукой за скользкую ступень в нижнем камне. Камень теплый и шершавый, а рука моя на нем синего цвета.

Дженнифер подбирается ко мне, судорожно хватается за тот же камень, и я подсаживаю ее, чтобы она выбралась на него ногой. Нащупав рукой опору следующего камня, она, как паук, бросается карабкаться вверх. Вся дрожит, согнулась колесом, с волос текут струи, губы шлепают и издают

нечленораздельные проклятия. Я усмехаюсь и лезу следом.

У костра, стоя ко мне спиной, она стаскивает бюстгальтер и жадно заворачивается в рубаху, штаны и плед. Отжимает волосы и принимается греть руки у пламени. Я не спеша иду от берега, нарочито вальяжно ступаю по теплой траве, хотя сам еле сдерживаю стучащие зубы. Беру свои вещи и напяливаю на мокрое тело.

Дженнифер сидит на корточках у самого костра, выставив вперед руки и смотрит в одну точку. Поленья уже хорошо занялись, появились первые угли. Я достаю припасенную бутылку вина и кружки, наливаю до краев в каждую и ставлю с краю шалашика, к самым углям. Увидев это и осознав, что через несколько минут ее ждет горячий глинтвейн, Дженнифер, наконец, оттаяла и рассмеялась.

– Ты сумасшедший, – говорит она и пихает меня рукой. – А вдруг у меня было бы слабое сердце?

– Тогда ты бы не работала в безопасности, – улыбаюсь я. – Да ладно тебе, неужели это страшнее, чем ловить шпионов?

Она шутливо дуется:

– Да я вообще не испугалась, это я от неожиданности...

– Ты отважная, – говорю я доверительно. – Ты вообще молодец.

– Издеваешься.

– Нет же... На самом деле, холод – ерунда, многие элементарно спрыгнуть боятся. А ты без раздумий – раз, и плюх!

Она помолчала.

– Это у тебя особое место, куда ты девушек водишь?

Я сначала не понимаю, а потом внутренне спотыкаюсь.

Вот опять она на эту тему...

– Да каких девушек?..

Прозвучало чересчур безрадостно, так что я поспешно добавляю:

– Я имел в виду друзей. Деев, например, полчаса разглагольствовал, прежде чем прыгнуть...

Мы сидим, я палочкой ковыряю угли и смотрю, как на черной, будто смола, поверхности вина возникают ниточки пузырьков. Спустя минуту, я беру кружки и одну протягиваю Дженнифер. Она берет ее пальцами за краешек ручки, чтобы не обжечься.

С первым глотком горячего, бьющего в нос, ароматного вина все становится иначе. Холода больше нет, недавнее «моржевание» вспоминается как забавное приключение, которое мы с легкостью повторили бы снова.

Мы полулежим на земле около костра. Спутанные волосы падают Дженнифер на лицо, и в таком виде она очень красива. Сирена... В свете костра мерцают ее глаза, нос, щеки, тонкие пальцы, держащие кружку, желтые клетки рубашки. На лице застыла полуулыбка, взгляд сделался задумчивым.

– Боже мой, сколько всего вспоминается, – говорит она. – В институте мы ходили в походы, летом ездили в лагерь... У костра сидели вот так же. Пели песни... Переглядывались, обнимались, шептались... Сколько было пережива-

ний!.. А сейчас это вспоминается, будто давно прочитанная книга или фильм. Сидим мы, например, под деревом, мокрые от дождя, и мальчик так несмело, несуразно меня приобнимает... Или плывем на катамаране по реке, нас четверо – двое ребят и двое девчонок. И с другой девчонкой мы откровенно хохочем над этими парнями, смешно ну просто до колик. Они обижаются и бубнят что-то между собой... Но что это были за парни, что за девчонка, когда это было?.. То ли институт, то ли еще в колледже?.. Ясно помню отдельные кадры, как вспышки, а целые пласты событий вылетели. У тебя бывает такое?

– Бывает... Мы тоже в походы ходили, в горы лазали... На море сидели у костра ночью на пляже.

– Точно! – загорается Дженнифер. – Ночью – обязательно на пляж, ходить по воде босиком... Купались голыми, встречали рассвет сонные.

Мы молчим. Каждый вспоминает картинки молодости и, кажется, что это одни и те же картинки, что сидели мы с ней у одних и тех же костров. Я легко представляю ее лицо напротив, рядом пара ее подруг, закутанных в одеяла, кто-то уже спит у соседа на плече, справа сидит гитарист, которого неизвестно как зовут, и бренчит себе под нос... Только что допели очередную песню.

– Помню, как мы сидели с одним парнем рядом и переглядывались весь вечер. А потом взялись за руки, перебирали друг другу пальцы... Сердце аж замирало. Но что это был

за поход? Первый курс... Парень – старшекурсник? Или нет? Как зовут, не помню, это еще пусть, но я совсем не помню, как он выглядел!..

– Я отношусь к этому философски. Провал в памяти – значит, информация больше не нужна. Что осталось, то твое. Остальное – ждет впереди. Ему же тоже понадобится место в памяти.

– Живи настоящим?.. – она неподвижно глядит перед собой; в распахнутых глазах отражается пламя.

– В молодости я вел дневник, – продолжаю я ностальгировать. – Писал туда все, что меня волновало, про друзей, про девушек, про всякие свои дурацкие проблемы... Год назад где-то на него наткнулся и перечитывал. И совершенно себя не узнал. Читаю, помню само событие, помню отдельные эмоции. Но совершенно не помню свое ощущение жизни... Понимаешь? И так странно: вроде все знакомо, но как будто это был кто-то другой. Я совсем не представляю, как из меня тогдашнего получился я сегодняшний...

– Интересно было бы почитать, – говорит она и глядит на меня.

– Да нет там ничего интересного.

– Я тоже вела дневник. Только не люблю его перечитывать, там слишком много личного.

– То есть?

– Ну... Вот много у тебя в дневнике, скажем так, постельных сцен?

Я задумываюсь.

– Постельных сцен хватает, но подробностей очень мало.

– Вот, мальчики всегда так... А девочки описывают все в деталях. И перечитывать их сейчас немного... стыдно.

– Вообще, ты права: интересно было бы почитать, – улыбаюсь.

– Ну перестань, – отмахивается она. – Подумаешь сейчас, что у меня разносторонняя сексуальная карьера.

– А на самом деле?

– На самом деле нет, – говорит она, теребя палочкой угли. – Я была хорошей девочкой.

– Все так говорят.

– Все лгут, а я говорю правду, – кокетничает она.

Я делаю большой глоток вина.

– Почему ты уехала сюда из Казани?

Она долго молчит.

– Все там у меня как-то разрушилось. Та история, потом унылая служба в секьюрити, с Яром сходились и расставались... Больно так было, невыносимо... А спустя год – новая депрессия, не детская, настоящая, чуть до резания вен не дошло... Отец тогда умер еще... И никого не осталось. Темный, промозглый ноябрь, тоска, я одна, и никакого света на горизонте. Приходила вечерами домой, заворачивалась в одеяло, да так и сидела в углу, без света, до самой ночи. И мальчик больше не снился... Только работа спасала. Она была монотонная, но там я хоть чем-то занималась. Ужасно

боялась ее потерять, не знаю, что бы тогда произошло... Вытащили меня оттуда хедхантеры из Super Armories и SP. Затрезвонили вдруг, как с цепи сорвались. Одни приглашали в Австралию, другие в Италию. Я выбрала Стратос.

Она пьет вино из кружки, не глядя на меня.

– А в России была с тех пор?

– Нет.

Мы молчим. Как-то там сейчас в Твери, в Константиново? Колледж свой я не навещал вообще ни разу. От кого-то слышал, что его планируют то ли перестраивать, то ли расширять. Съездить бы туда, пока не вырубил наш любимый парк со столетним дубом...

– А ты почему пошел в ПАК? – спрашивает Дженнифер.

Я как следует отхлебываю глинтвейна, прежде чем начать.

– У меня отец работал в спецназе полиции и в ПАК... Я его почти не помню, он погиб вскоре после моего рождения. Спецоперация в Леванте, зачищали крупный лагерь террористов. Там много бойцов полегло... Мне мать про него рассказывала. В доме было много его распечатанных фотографий, награды, кое-какое обмундирование. Я в детстве очень интересовался военными, детская мечта была стать агентом и отомстить за отца. Потом это прошло. В молодости увлекся криптографией, что гораздо больше подходило для удачной карьеры, нежели военная служба. Так мне, по крайней мере, казалось. Но окончательным поводом стала Мари: она отправила меня лесом в первый раз, заявив, что ей нужен воен-

ный, настоящий Д'Артаньян, а не рохля, ну и далее по списку... Не знаю, был ли я в самом деле рохлей, но меня задело до глубины души. Плюс, у детской мечты открылось второе дыхание. Долго я не думал, волевым решением поступил на службу в ПАК сразу после колледжа.

Дженнифер слушает с большим интересом.

– И Мари тебя дождалась?

– Нет, вряд ли она меня ждала... Но когда я вернулся, загорелый, здоровенный, с деньгами – она тут же бросила своего тогдашнего ухажера, и все между нами было решено.

Дженнифер выпрямилась и смотрит восхищенно.

– Ну вообще! Вот это история! – хлопает она меня по коленке. – Хоть на плакат в приемке ПАК вешай!

– Почему? – я невольно конфужусь. – У нас полно ребят было, которые после службы возвращались к своим пассиям, будучи ими отвергнуты. Не у всех, конечно, во второй раз складывалось, но мне повезло.

– Еще ведь момент, что ты бросил работу ученого... Поэтому ты потом ушел в Gateway?

– Да нет... То есть в какой-то мере да... Наука меня всегда интересовала, я поэтому стал в ПАК аналитиком. Не наука, конечно, но, в общем, труд интеллектуальный... Детские мечты давно развеялись. Когда я уходил в Gateway, тому были абсолютно прозаические причины. Злободневные. В Штабе тогда ввели балльную систему и урезали зарплату аналитикам. Я и без того утратил интерес, а тут и часть до-

хода потерял... А Деев с полгода как свалил в Gateway и рассказывал по вечерам воодушевляющие истории, как им там свободно и интересно живется. Это было спонтанное решение из серии «А почему бы и нет?». Лишь постфактум я его аргументировал давним своим интересом к физике. Дескать, возродил первое направление карьеры, когда второе зашло в тупик.

– Ох уж этот Деев, – смеется Дженнифер, – Он всегда был таким... буйным?

– Да ты что, – машу я рукой, – раньше был вообще ненормальный! Сейчас более-менее остепенился...

– Это, по-твоему – остепенился? Н-да... А расскажи какую-нибудь историю, что он вытворял, когда ты только пришел в Gateway? – просит она азартно.

Нечего там рассказывать... Каждый вечер были сальности, по пятницам – бар, обсуждение телок и Рустема; затем – ночной клуб и социальные приключения. Деев этим своим багажом втайне гордится, а вот другие участники – по-разному.

– Все истории слишком известны в узких кругах, чтобы их рассказывать, – отшучиваюсь я.

– Ну вот, как всегда... – дует губки. – А бывали у Деева подвиги, где не замешаны женщины?

– Сложно, – размышляю я. – У Деева кругом бабы, и шалит он в основном с ними... Разве что был безобидный случай с левым литием, который нам приходилось добывать для

первых искривителей... Но, по-моему, тебе будет скучно.

– Нисколько! Ты же обделил меня подробностями ваших мутных историй, – говорит она с хитрецей. – Да не делай такое лицо, я шучу... Не нужны мне детали, касающиеся одного тебя и компетентных органов, – подражает она манере полисмена. – Меня интересует романтическая сторона, приключения...

Я сдаюсь и рассказываю про то, как Деев с Эджвортом добывали литий на какой-то фабрике, ночью, за наличку кладовщику. Большого секрета тут нет, все фигурирует в одном из тех закрытых дел, когда-то имевших дежурный гриф «С». Было это километрах в пятистах от Стратоса, и двум младым повесам пришлось на деевском оверкаре под утро проходить посты дорожной полиции, у коей, разумеется, возникали к ним разные вопросы. Чтобы направить вопросы в безопасное русло, Эджворт прикидывался в стельку пьяным и мило буянил. Полицейские, ясен пень, охотно проверяли на алкоголь Деева, который сидел за рулем и был совершенно трезв. На этом злоключения заканчивались, и они ехали дальше. Лишь раз сонный и мрачный полицейский обиделся на такой облом и попросил открыть багажник, где под дном был спрятан литий. Когда они заподозрили, что инспектор попросит поднять дно, Эджворт сделал угрожающе зеленую рожу («Господин полицейский, при всем уважении, я сейчас сблую!»). Деев поспешно закрыл багажник и оттащил того к обочине. Засим инспектор с отвращением отпу-

стиль их восвояси.

Дженнифер эта история, как ни странно, приходится по вкусу. Она звонко хохочет, откидывая назад великолепные мокрые волосы.

– И что, такие приключения происходили каждый раз, когда вы нелегально что-то закупали?

– Почти каждый... А таскать леваком приходилось многое. На все нужны разрешения, которые фиг ты быстро получишь. И вот, ездили то за парапластиковым сырьем, то за ураном, то за пси-лаборантами...

Я отпиваю вина. Может, и права Дженнифер, что они пытаются взять нас за горло за прошлые заслуги. А ведь именно тогда мы замыслили свое главное творение, которое теперь, даст бог, обретет заслуженную славу. Где бы мы были, если бы не деевские ночные вояжи?

Я зачинаю еще одну историю, и вдруг у Дженнифер по телу проходит дрожь и она трет ладошки.

– Так тебе, оказывается, холодно? – спрашиваю. – Иди сюда, прислонись ко мне спиной.

Она послушно подползает и облокачивается мне на грудь. В сочетание запахов костра и вина, как струя родниковой воды, вторгается аромат ее духов и мокрых волос. Инстинктивно мне хочется ее обнять, хочется прислониться носом к ее щеке. Я борюсь с нарастающим порывом это сделать. Я беру ее руки в свои ладони и начинаю их растирать. Они холодные, бледные и тонкие, как фарфор. Кажется, неосторожным

движением их можно сломать. Я бережно согреваю своими пригоршнями ее гладкую, как глазурь, кожу.

Она ежится и сильнее льнет ко мне:

– Так правда гораздо теплее, – почти шепчет она и обращает лицо ко мне. Наши лица совсем рядом, мы едва не касаемся носами. Она смотрит мне в глаза, на губы, снова в глаза, пристально...

Откуда-то вылезает мысль о Ярославле Бойко, мелькает его угрюмый взгляд и исполинский лоб, но я гоню их...

Не в силах больше бороться с собой, я обнимаю ее, и – поцелуй. Он случается сам собой, даже подумать о нем не успеваю... Не ожидал, что все случится так скоро и бесповоротно. Впрочем, чего иного я ожидал?

Губы у Дженнифер нежные, но упругие. Как давно я не целовался, и как же это приятно!.. Мы целуемся еще и еще, моя рука путается в ее волосах, она обнимает меня за шею.

Наконец, оторвавшись от нее, я внезапно иду на попятную. Потому что вспомнилась мне и Мари, как она бегала по этой полянке, визжа понарошку от страха, что ей не хочется прыгать, потом визжала в воде от холода, и, конечно, мы с ней тоже тут целовались, да и не только. Вспомнилось мне, что я и Дженнифер – это руководитель ключевого проекта и руководитель службы безопасности. Ей бы надеть свой костюм, который остался в доме, и причесаться, а не сидеть на траве и пить вино из кружки. А мне – вернуться к ноутбуку, дописать программу и подготовить к завтрашнему дню

наличные для псионки. Я освободился от объятий, поднялся и пошагал к берегу.

От речки веет холодом. Шум воды едва перекрикивает цикад. От них остро звенит в ушах, даже когда они замолкают. Луна слепит глаза. В голове пусто. Шаркая ногами по редкой траве, пробивающейся меж камней, я возвращаюсь к костру.

– Слушай, прости меня, – говорю я. – Давай, что этого не было. Это неправильно, и плохо кончится. К тому же...

– Да, разумеется, – произносит она с готовностью; голос ее неожиданно деловой, нежности и след простыл. – Ты прав. Я прекрасно знаю, чем это заканчивается, так что... Ничего не было. Отличное место, спасибо, что привез, и за вино.

Меня передергивает. Как одной фразой можно разрушить всю атмосферу и красоту моей секретной речки. «Отличное место, спасибо за вино» и домино. Я молча собираю кружки, закупориваю бутылку, ногой ломаю и затапываю остатки костра. Пока убираю посуду и пледы в оверкар, Дженнифер сидит перед потухшими углями. Потом приходит, садится на пассажирское сидение, пристегивается. Мы отправляемся в обратный путь.

Зря я все это затеял, думаю. Тряпка. Какого черта мы тут устроили? Вечер воспоминаний о молодости. Бес в ребро. Держать себя в руках надо, Артур, ты же агент, а не юнец пубертатный. Мне стало стыдно, я даже зажмурился. Мелькнула мысль, не отвезти ли Дженнифер быстро в какой-нибудь мотель. Не стоит, думаю, пока найдем его, пока приедем, бу-

дет уже ночь, мало ли что заподозрят, позвонят в полицию уточнить личность...

«Деловой ужин», пропади он пропадом... И почему я в это поверил? Какое удобное оправдание: пока грань не перейдена, все это «деловой ужин». Деловое купание и деловой глинтвейн. Да даже сидение у камина, разговоры о жизни откровенные. Все для дела, во имя корпорации.

Одного не понимаю, зачем *ей* это нужно? Зачем она готова платить такую цену за невинные подробности о левом лилии? Почему не держит дистанцию? Я далек от мысли, что виной всему я сам, такой неотразимый, невозможно устоять. Что же такое ей нужно, ради чего она готова дать доступ к телу?

Дорога пролетает на автомате, поворот за поворотом. Съехали с горы, начались холмы, домики и сараи, людей уже нет вовсе и встречных машин тоже. Сзади луна мягко подсвечивает крыши домов, а впереди выше горизонта – крошечная тьма.

– Мне правда очень понравилось, – внезапно произносит Дженнифер грудным голосом, прерывая мои самокопания.

Я лишь киваю головой. Она продолжает свою дешевую игру. Мне это надоедает окончательно.

– Слушай, давай начистоту, – завожусь я. – Меня сегодня все пытаются обмануть. Хватит. Что ты там говорила про деловой ужин? Плавно перетекающий в глинтвейн и прочее...

– Ты же сам меня повез, – отвечает она с искренним удив-

лением.

– Я?! Так теперь значит, я и виноват?

– В чем ты виноват?

– Ну... В том, что было там у костра.

– Что мы поцеловались? Ну, это был сиюминутный порыв, помешательство. Мы это забыли. Ничего плохого не случилось. Мы приятно провели время.

Она невозмутима. Актриса чертова! Голос пластмассовый, как у девочек на совещаниях в отделе маркетинга. Меня охватывает злость, но я душу ее в зародыше. Нечего тут злиться, любители перепиха на одну ночь так обычно и отвечают, делая невозмутимое лицо...

Лицо Дженнифер не выражает ровным счетом ничего. Я все еще абсолютно не представляю, кто она такая.

– Слушай... Ты, конечно, можешь считать меня старомодным моралистом, но коллеги так себя не ведут, – говорю я, переводя дух. – Я не понимаю, зачем ты делаешь вид, что ничего не произошло.

– Мы же договорились забыть. Ты хочешь поговорить об этом?

– Хорошо, поговорим о другом, – говорю я устало. – Зачем ты приехала ко мне? Что тебе от меня нужно?

Она молчит. В лице ничего не меняется. Все тот же восковой профиль в отраженном свете фар. Губы властно сжаты.

– Артур, я тебе уже все объяснила, – в голосе вымученное снисхождение. – Мне некуда ехать. И немного не по себе.

Но если я тебя отягощаю своим присутствием, я сейчас же уеду в гостиницу.

– Ты бы меня не отягощала, но...

– И не нужно мне ничего лично от тебя! – перебивает она. – Когда два человека общаются, не обязательно одному от другого что-нибудь нужно.

Это уже чистое лукавство, думаю. Мы молчим. Дорога становится все менее ухабистой, скоро асфальт. Обратно через лес и поле сигать не буду, хватит моей спутнице впечатлений на сегодня. Я молчу и сверлю ее взглядом, ежесекундно поглядывая в лобовое стекло. В конце концов, она замечает мой молчаливый укор и говорит изменившимся голосом.

– Ну, не смотри на меня так... Если честно, да, мне просто нужна поддержка... Это, конечно, мое личное дело, но у меня сейчас нелегкий период. Подробности грузить тебя не буду, не беспокойся. И под поддержкой, чтобы ты понял, я имею в виду дружеское общение.

Тон железобетонный, без капли жеманности, но – доверительный. Так хорошему другу рассказывают о серьезной беде в своей жизни.

Выдержав паузу, она продолжает:

– Тебе, кстати, сейчас тоже не помешает моя помощь. Не вижу причин, чтобы нам не общаться. Завтра опять будем носиться в мыле, а ситуация, на самом деле, сложная, с этим расследованием... Мы должны держаться вместе и действо-

вать слаженно, а времени на обсуждения попросту нет... Ты вот не рассказываешь, чем тебе сегодня угрожал Макфолл. Сейчас до кучи раскопают, что ты вступал в стовор с противником во время боевых операций... или что посещал какую-нибудь номерную запретную зону без приказа... У них же сразу найдутся свидетели, как по волшебству...

Я не отвечаю. Она отворачивается в окно, и до самого дома мы едем в полном молчании.

*

Я проводил Дженнифер наверх в гостевую спальню и возвращаюсь в гостиную. Настроение испорчено. Я беру бутылку вина, из которого мы делали глинтвейн, и делаю глоток прямо из горла. Вино на вкус противное, как из пакета; невообразимо, что в горячем виде оно было столь хорошо. Достая ноутбук и устраиваюсь за столом, открываю свою недоделанную программу.

Минут пятнадцать я просто в нее всматриваюсь, вспоминая, на чем закончил и что планировал править дальше. Мысли разбегаются, сосредоточиться не выходит. Начинаю потихоньку писать, но продвигаюсь крайне медленно. Постоянно возвращаюсь к новым кускам кода, которые написал сегодня в офисе и которые пока не отложились в памяти как следует. Пару раз путаю регистры, благо вовремя замечаю...

Мысли все не о том. Думается о паковской проверке,

о том, как завтра обезопасить себя и Фрайда во время встречи с его посыльным, как противиться обыску в офисе, если он начнется... Прикидываю, как мы с Гарри могли бы с самого утра перевезти меня куда-нибудь вместе с искривителем и терминалом, только вот куда? Где найти трехфазное питание такой мощности, как жрет мой Porta?..

Конечно, думаю и о Дженнифер. Все получилось так, что не она приехала меня соблазнять, а я сам, едва пустив ее в дом, тотчас же воспользовался положением и стал ее помогать. Прокручиваю в голове события вечера и уже не понимаю, как оно было на самом деле... Может быть, и правда я сам заварил всю кашу. Зачем вот повез ее на речку? Моя же была идея. Чем я хотел, чтобы это закончилось? Возят ли коллеги друг друга на речку? Если бы на месте Дженнифер был Джорджик или Виточка... Бр-р-р!

Вдобавок, где-то на периферии гуляет мысль про пресловутую номерную зону, упомянутую ею в пылу дискуссии. Не делали мы ничего запретного в «зоне 81», согласно официальным документам. Мы замели следы так, что в жизни никто не подкопается. Наш отчет о посещении «зоны 81» – образцово-безупречный и прошел в свое время не одну надзорную комиссию... Однако ж за сегодня дважды ткнули мне в нос этой зоной, причем преподносили ее как самое пакостное из того, что я вытворял в прошлом. Стоит ли беспокоиться? Логика утверждает, что нет.

Сделав очередную глупую ошибку в коде, бросаю трудо-

вые попытки и решаю, что утро вечера мудренее. Заново растапливаю камин – с ним все же уютнее, пусть трещит. Сегодня у меня день огня.

В струях пламени кухонной горелки быстро закипает и свистит чайник. Такой у меня здесь ретроградный чайник, как бабушкина открытка. Наливаю себе большую кружку крепкого, дымящегося напитка, насыпаю две ложки сахара и ухожу к камину.

Сижу, пригубливаю из горячей кружки, камин потрескивает. За окном поднялся ветер и завывает порывами в оконных рамах. Немного ноет нога, тяну ее поближе к огню. Где-то качается фонарь, световое пятно от него перемещается туда-сюда по подоконнику и полу. Завтра будут дожди?..

Внезапно огорошила мысль: не взять ли с собой завтра пистолет? Все-таки много наличности повезу, мало ли... Нет, к лешему, не дай бог вытащу его – тут-то меня и повяжут, и тогда уж наверняка за решетку, безо всякого ноутбука и искривителя.

Над головой скрипнули половицы, послышались шаги. Дженнифер спускается по лестнице. Проходит, не спеша, к камину, садится в свободное кресло, поджимает ноги и оборачивается пледом.

– Там зябко... Никак не могу согреться после купания. Можно мне тоже чаю?

Я кряхтя встаю и приношу ей такую же большую чашку сладкого чая. Она охотно принимает его и делает первый

глоток, зажмурившись.

– О-о, какой сладкий! Никогда не пью сладкий чай, но у тебя так вкусно...

Она устраивается поудобнее в кресле с чашкой и закутывается в плед. Я приношу еще один плед и накрываю ее сверху.

Смотрит на меня своими светлыми глазами, прищуривается, улыбается в знак благодарности. Я сразу вспоминаю давешний поцелуй и вдруг осознаю его вопиющую естественность в нашей ситуации, несмотря на все это словоблудие о морали, корпоративных правилах и формате. Сидели два, в сущности, одиноких человека у костра на маленькой полянке у восхитительной горной речки, при луне, пили из железных кружек горячее вино, согревали друг друга... С поцелуем все становится на свои места, а без него – все ненастоящее.

Я сажусь в свое кресло, которое стоит вплотную к соседнему, и тоже принимаюсь за чай. Сам украдкой поглядываю на профиль Дженнифер. Мокрые волосы волнами спадают на плечи. От нее пахнет вином и дымом костра. Она уже почти своя в этом доме.

Кладет голову набок, смотрит на меня и улыбается так тепло-тепло. Внутри меня вновь закипает желание, затмевая все мыслимые логические доводы. Хочется обнять, путать ее волосы, хочется целовать ее... Она вынимает из-под пледа руку и кладет на подлокотник. Мы делаем по глотку чая.

В голове тончает и рвется какая-то струна, я беру ее за руку. Дженнифер глядит пристально, чуть исподлобья, и хитро прикрывает глаза.

– Хочешь, чтобы об этом никто никогда не узнал? Поставь мне такую задачу, босс, и я все сделаю в лучшем виде, – говорит она томно.

Я отставляю чай и целую ее.

Разум возвращается ко мне, лишь когда мы лежим в гостевой спальне, теснимся друг на друге, обнявшись, жмемся к стене, чтобы не сползти с кровати на пол. Кровать – узкая, односпальная. В порыве романтического атлетизма я, не прерывая поцелуев, схватил Дженнифер, упакованную в пледы, и отнес в спальню на второй этаж. А быть может, не от романтизма, а от вспыхнувшего умозаклочения, что из дивана в самый разгар может вывалиться спрятанный туда пистолет. Потом, как дурак, возвращался вниз и по закоулкам искал таблетку спермицида. Провозился долго, облазил все ящики и до последнего не надеялся на удачу.

Вернувшись, я застал Дженнифер полулежащей, закутанной в плед на голое тело. Русалочьи волосы ее были разбросаны по подушке, а сама она смотрела на меня как будто свысока. Ее правая грудь, не прикрытая пледом, была похожа на большое яблоко. В комнате горела свеча и пахло воском, а в окно сквозь полупрозрачную занавеску пробивался свет луны...

Под отсветами пламени и уличного фонаря, бегающими по потолку, мы лежим разгоряченные, обнаженные, влажные от пота, небрежно прикрытые все теми же пледами, верными нашими сегодняшними спутниками. Голова Дженнифер у меня на плече, я обнимаю ее рукой и тихонько вожу пальцем по груди. Носом касаюсь ее волос, которые совсем уже не пахнут фруктовыми духами. Слышно, как от ветра напрягаются стекла окон и поскрипывает качающийся фонарь.

Что это было? Как все объяснить?.. Я смотрю на светлые голубые тени на потолке, считаю сучки на досках и улыбаюсь. Нет никакого смысла в попытках объяснить страсть. Можно выдумать оправдания или отговорки, притворяться коллегами или старыми друзьями, «держаться вместе» или держаться за руки... Дженнифер гладит меня по груди и шепчет: «Ты такой волосатый... Мне было хорошо»... Все тривиально: два одиноких человека захотели быть вместе, и больше ничего. Признайся, Артур, с самого утра ты об этом подумывал. И она, видимо, тоже подумывала, только у нее хватило решительности довести дело до конца, в отличие от тебя.

Через некоторое время рука Дженнифер замирает, и я понимаю, что она спит. Я выкарабкиваюсь из постели, прикрываю Дженнифер одеялом, тушу свечу и выхожу.

Меня наполняет ощущение радостной усталости. Оно – что-то большее, чем просто сексуальное удовлетворение. Будто я завершил какое-то огромное и трудное дело... От-

чего-то вспомнились наши многодневные лыжные забеги на сборах в швейцарских Альпах, и как после них приятно было сидеть у камина. Я чувствую, что сошел с какой-то мертвой точки, на которой стоял сто лет и которая вросла в меня. Что-то внутри поменялось.

От многого еще предстоит отвыкнуть. Вспоминаю недавнюю близость; когда не глядел в глаза Дженнифер, казалось, что в спину впиваются пальчики моей Мари. Это сбивало с толку и смешивало мысли. Я вновь начинал думать о том, хорошо поступаю или нет, и чтобы отогнать навязчивые образы, смотрел Дженнифер в глаза. Небесные глаза ее возвращали к жизни. И даже когда она их сощуривала, я уже не боялся видений из прошлого...

Проходную комнату тускло освещает галогеновая лампа. В окне маячит луна. Скрипя половицами, я прохожу вдоль шкафа с захоронениями зимней одежды, провожу рукой по потрепанной фанерной поверхности. Где-то там внутри мое прошлое в виде дневниковых записей, фотографий, архивов документов. Где-то там – файлы с результатами наблюдений, черновики наших копаний в теории эфирной гравитации, сопряженных пространств и псионной динамики, собранные мною и упрятанные подальше от чужих глаз, когда проекты Гроссштейна и Эджворта стали закрывать... А ведь именно в те времена зародилась идея моего теперешнего эксперимента с псионкой. Любопытно было бы покопаться в этих черновиках сейчас, когда кое-что ушло навсе-

гда, а кое-что внезапно стало реальностью...

Я спускаюсь вниз и на волне эйфории делаю финальную попытку засесть за программу. Получается еще хуже, чем в предыдущий раз – вовсе ничего нового не пишу, только пытаюсь вникнуть в уже написанное, превозмогая шум вина в голове и слипающиеся веки. Решаю немедленно лечь, не тратя больше ни минуты впустую. В камине догорают угли, то и дело краснея в такт порывам ветра. Задвигаю заслонку трубы почти полностью. За окном шумят деревья и стучат по дороге какие-то железные банки, нещадно гонимые ветром. На стене отражаются зарницы, мигающие короткими очередями... Может, и не дождь нас накроет, а гроза с ураганом.

*

Просыпаюсь я, кажется, с криком. Вокруг глубокая ночь. Весь потный, подушка мокрая, одеяло куда-то сбилось. Пару секунд лежу, предаваясь облегчению: все-таки – сон. Пусть виденный не единый десяток раз, пусть чересчур полный, подробный и осязаемый, какими сны обыкновенно не бывают, но все-таки – сон, и ничего более...

Казалось бы, давно оставил меня в покое этот до смерти страшный эпизод, где гопник бьет мне в солнечное сплетение, я долго не могу вдохнуть и просыпаюсь, еле дыша... Однако нужно успокоиться. Не упустить ускользающие из па-

мяти ниточки сновидения... Ведь перед гопниками приходил другой эпизод, который я доселе ни разу не видел полностью.

Лежу, не открывая глаз; прокручиваю усилием воли события, лица, слова, только что пережитый во сне разговор с Розой... С него внезапным образом сон отмотался назад к гопникам и оборвался приступом паники... А между тем это важный, ключевой разговор; после него все пошло наперекосяк. Я записывал его долго, урывками, мучительно состыковывал реплики, потому что приходили они короткими кусками и в разное время. Сегодня разговор впервые пришел единым эпизодом. Мы начинаем беседовать на кафедре, она рассказывает мне про власть, мы сматываемся в буфет по дальней лестнице, где пусто и запах травки. В буфете – старуха... Вот откуда она взялась, почему я потом узнал ее в автобусе!

В самом разговоре с Розой – ничего нового. Ни одного слова. Все мне известны и давно записаны. Сегодняшний «прогон» лишь подтверждает верность прошлых записей, многие из которых я помню наизусть. Раньше всякий раз после сна кидался его протоколировать, сперва начерно, стенограммой, затем расшифровывал... Лежат эти записи где-то в моей зашифрованной папке в Космонете, да в шкафу на флешке. Ждут своего часа, который неизвестно когда настанет.

Значит, сон мой снова вернулся. Года полтора спал спо-

койно; думал – ушел он навсегда, и слава богу...

В комнате темно и зябко. То и дело в щели задувает ветер, но тише, чем был вечером. Я встаю, массирую голову, выглядываю в окно. Над забором колышется несчастный скрипучий фонарь. Свет от него волнами набегают на блестящие бока моего оверкара...

Я встряхнулся и уперся лбом в стекло. Оверкара Дженнифер нет! На лужайке одиноко стоит мой, а рядом – пустой пяточок примятой травы. Что за дьявол...

Босиком выбегаю в темную гостиную. Пол холодный и волглый, камин совсем потух. Выбегаю в кухню – пусто и тихо, только сверчки трещат снаружи. Меня передергивает – то ли от холода, то ли я вдруг осознаю, что если оверкара Дженнифер похитили, то в доме может быть кто-то еще. Бросаюсь назад – пистолет на месте, под матрасом; сумка с деньгами – тут же, под кроватью. С пистолетом наизготовку, крадучись поднимаюсь на второй этаж, прохожу к спальне и резко распахиваю дверь.

На кровати никого нет. Постель аккуратно заправлена. На столике я различаю маленькую записку. Включаю свет и, шурясь, читаю: «Спасибо за восхитительный вечер! Уехала, т.к. завтра рано утром дела, не хочу тебя будить. ХХХ²⁶». Почерк красивый, аккуратный – писала без спешки. Но куда она уехала? В мотель? И какие вдруг у нее возникли дела рано утром, о которых еще пару часов назад она не знала?

---

²⁶ От англ. сокр. «*kisses*» – «целую».

Сплошные вопросы без ответов с этой Дженнифер...

Шлепаю по лестнице вниз, возвращаюсь в кровать. В конце концов, это не мое дело. Я совершенно ее не знаю, мы не друзья и даже не хорошие знакомые. Выпили вместе да потрахались – вот и все.

Заснуть не удастся. Слишком разворошили меня ее новые сюрпризы. Сердце колотится часто. Нащупываю пистолет под подушкой. А толку? Нельзя мне так отрубаться, чтобы кто угодно мог незамеченным шастать среди ночи по дому и уезжать со двора на оверкаре...

От нечего делать достаю планшет и вставляю в него левый абонентский ключ, который захватил из офиса. Чтобы проверить соединение с Космонетом, нажимаю на иконку навигатора, и открывается карта дорог. Привык с утра начинать день с погоды и навигатора, вот и сейчас нажал... В Стратосе все зеленое – дороги свободны. Зеленым отмечен и наш серпантин, но в одном месте – короткий красный штрих. Откуда в нашем захолустье пробка в три часа ночи? Приближаю и вижу – кто-то оставил сообщение об аварии: «3 машины, лобовое, магнус всмятку».

У Дженнифер «магнус». В груди накатывает, сердце начинает колотиться с удвоенной скоростью. Почему я так разволновался? Мало ли «магнусов» на наших дорогах?..

Но у Дженнифер – «магнус»! Время сообщения об аварии – полчаса назад. И это мой серпантин. Сюр какой-то... Не хватало, чтобы это была она.

Без особых раздумий о том, правильно ли я поступаю, осмотрительно ли, напяливаю какую-то одежду, хватаю пистолет и прыгаю в машину. Перелетаю через забор и несусь наперерез над поселком, чтобы поскорее выскочить на трассу. Плевать на поднятые тучи песка и дорожного щебня и на болезненный скрип соседских крыш и домов, отрываемых от земли моим оверкаром.

На подъезде к аварии действительно скопилась пробка из грузовиков. Впереди мигают синие и желтые сигналы дорожной полиции. Перекрыта одна из двух полос. Легковые оверкары пускают вторым эшеленом по встречной полосе, а встречный поток отодвинули на обочину. Грузовикам нельзя ни на обочину, ни во второй эшелон, так что их по первому эшелону свободной полосы по очереди пропускает регулировщик. Грузовики-роботы подолгу тупят, распознавая его указания. Я съезжаю на попутную обочину, беру выше столбиков и мимо вереницы грузовиков вмиг долетаю до места аварии.

Все оцеплено желто-черной полосатой лентой. Перед ограждением – небольшой свободный пятачок, на котором стоит жирный полицейский с двойным подбородком и регулирует движение грузовиков. Увидев меня, он меняется в лице и жезлом немедленно приказывает мне остановиться.

– Куда вас понесло? – орет он мне в открытое окно. – Нельзя по обочине! Вторым эшеленом давайте!

– Сэр, там моя подруга... вероятно.

Он молчит. На лице – внутренняя борьба: то ли проявить сострадание, то ли запретить, как велено начальством.

– Убирайте машину. Туда нельзя, – отрезает он и возвращается к грузовикам.

Я осматриваюсь: перед самой лентой топчется пара человек, похожие на зевак. Не проявляют кровного интереса к аварии, никому не звонят. Стоят и наблюдают. Хватает же у нас бездельников, готовых в ночи приехать, лишь бы поглазеть на чужое горе! Справа позади столбиков замечаю их оверкары, скособоченные на насыпи. Недолго думая, паркую свой рядом с ними и вылезая.

За ограждением – три полицейские машины, одна «скорая» и одна пожарная. Когда я подхожу к полосатой ленте, пожарная машина вдруг взмывает в воздух и улетает. Возгорание, очевидно, было (поскольку откуда-то несет жженой пластмассой), но сейчас не осталось даже дыма. А вдалеке за машинами спецслужб стоит серый внедорожник «магнус» с сильно помятым задом, уткнув правый угол в покосившийся столбик. Кажется, у него нет ветрового стекла и «гармошкой» смят передок, но в остальном верхняя часть кузова полностью цела. Если действительно было лобовое, он удивительно легко отделался.

Один из зевак показывает рукой куда-то правее, и тут я, наконец, вижу, ради кого приехала пожарная. На поле неподалеку от обочины валяются еще две совершенно черные груды металла. Залитые водой и пеной, они зловеще сверка-

ют в свете мигалок.

У меня перехватывает дыхание, и я, ничего не слыша от пульса в ушах, подхожу вплотную к ленте. За ней у края дороги лежит накрытое черной материей тело, на которое никто не обращает внимания... Нет-нет, это не она, это не может быть она, твержу я себе... Единственная здравая мысль удерживает меня в спокойствии: у Дженнифер был «магнус», а он далеко и почти цел.

Чей-то голос слева произносит слово «магнус», и я начинаю слушать, что говорят.

– ...если бы сдала вправо, то встречный увидел бы «контти» у нее на хвосте и не стал бы сигать вниз.

– Весь маневр странный, – вступает другой голос. Он низкий, гулкий, с хрипотцой, и кажется мне знакомым. Я оборачиваюсь, но вижу лишь затылок говорящего. Второй из зевак стоит лицом – толстенький мужик лет сорока пяти, с щекастой добродушной физиономией, в расстегнутой куртке и старом свитере. Фермер.

– Ушел бы во второй, – продолжает тот же голос, – Зачем полез на встречу?.. Лихач обдолбавшийся...

– Прошу прощения, – обращаюсь я к ним. – А что тут произошло, вкратце?

Говоривший оборачивается. В отсветах полицейских огней вижу его бледное вытянутое лицо, и ловлю ощущение дежа вю. словно все это уже однажды было, в темноте, в свете луны... Впрочем, нет, толстощекого не было. Да и луны

тоже... Никакое это не дежа вю, просто знакомое лицо. Знакомое, но не могу вспомнить откуда, даром что хвалю свою память на лица.

Фигуристый средиземноморский нос, выраженные скулы. Большие темные глаза, похожие в ночи на два бездонных колодца. Лицо довольно типичное, вот что. То ли какого-то артиста напоминает, то ли агитплакат о мужественности наших солдат в Пакистане.

Человек отворачивается с таким видом, мол, что тут рассказывать. Однако толстощекий охотно отзывается и, размахивая пухлыми руками, рассказывает, что случилось. А случилось, что ехал себе «магнус» в сторону города, а за ним – один из тех, что сгорел: «континенталь». На этом самом повороте навстречу им летели по своей полосе грузовик и седан «корреа». «Корреа» пошла на обгон грузовика прямо на повороте и, увидев встречный «магнус», решила его перепрыгнуть. «Стандартный одиночный прыжок», – с видом знатока говорит толстощекий и показывает рукой резко вверх и вниз. Впрочем, по тому, как он после каждой фразы взглядывает на человека с лицом артиста, я начинаю подозревать, что и сам он только что услышал подробности и теперь лишь пересказывает. На внедорожниках действительно одной кнопкой можно перепрыгнуть непротяженное препятствие типа забора. Ни разу не слышал, чтобы одиночный прыжок использовали при обгоне по встрече... На излете прыжка он влетел аккурат в «континенталь», что шел позади

«магнуса». Оба взорвались, вылетели с дороги, а «магнусу» поддало под зад взрывной волной, а может, и водитель дернулся от неожиданности – в результате его повело, покрутило, и он вошел мордой в столбик.

Из «скорой» выходит санитар в синем комбинезоне, а за ним кто-то в сером одеяле, с длинными каштановыми волосами... Не дослушав толстяка, я срываюсь с места, под ленту, мимо стоящих в задумчивости полицейских, под их крики «Стоять!» и «Сюда нельзя!», бегу напрямик к Дженнифер. Окликаю ее, она оборачивается, и мы обнимаемся. На лице у нее ссадины рядом с глазом и на подбородке, волосы пахнут гарью, но в остальном она в порядке. Даже не забинтовали ей ничего. Я долго не выпускаю ее из объятий, пока меня за плечо не оттаскивает санитар. Рядом уже стоят двое полицейских со злыми минами, Дженнифер им тараторит, что я ее муж, и они, не солоно хлебавши, отваливают по своим делам.

Я спрашиваю санитаря, можно ли забрать ее домой. Именно это, говорит он, и следует сделать после пары формальностей. Он провожает Дженнифер к полицейской машине и усаживает ее на заднее сиденье. Через стекло вижу, как полицейский вручает ей свой планшет, на котором, по-видимому, составленный протокол на подпись.

– Легко отделалась. Была пристегнута, плюс подушка безопасности, – говорит санитар. – Пара ссадин на лице, легкий шок. Дали ей успокоительное, так что везите ее домой спать.

И впредь старайтесь по ночам не ездить, тем более по серпантину.

– А с этими что? – спрашиваю я, указывая рукой в сторону сгоревших оверкаров.

Санитар без слов машет рукой и уходит к себе в «скорую». Один из злых полицейских все же выпроваживает меня за ограждение («Здесь нельзя, ждите свою жену снаружи!»), приходится подчиниться.

Толстозадый регулировщик по-прежнему дирижирует рокочущими грузовиками. Рядом с ним на пяточке остался только человек с лицом артиста, а фермер ушел к своей машине.

Мы становимся рядом. Человек некоторое время молчит, смотрит неподвижно вдаль, а потом заговаривает:

– Это ваша жена?

– Да... то есть, подруга... – зачем-то оправдываюсь я. – Считайте, что жена, так проще.

– С ней все в порядке?

– Да, спасибо. Пара царапин, ерунда.

– Ну и слава богу.

Мы молчим. Дует ветер, в лицо прилетела первая капля. К накрытому мертвому телу неспешно подходит девушка-коп и что-то говорит в рацию. Вообще, за ограждением царит безмятежность: словно все полицейские чего-то ждут, а все зависящее от них уже предпринято.

– Сколько погибших? – спрашиваю я соседа.

Он пожимает плечами:

– Не сообщают. Один вон лежит...

– Второго еще не вытащили, что ли?

Снова пожимает плечами, и мы молчим. Внезапно он спрашивает:

– Ну а чего так? Чего она вам не жена?

Я всматриваюсь в его знакомое лицо. Но на нем лишь сомневающаяся улыбка и искреннее любопытство.

– Дык... Мы не так давно вместе... – бормочу я обескураженно. – Да и вообще, мы коллеги.

Не знаю, зачем я ему это рассказываю. Он оборачивается и глядит вдаль. Лицо его мерцает сине-желтыми отсветами полицейских огней.

– Крутой поворот... Как бы символизм, да? – вдруг усмеяется он в пустоту и расплывается в улыбке, полной странного, неуместного восторга.

Машинально я что-то поддакиваю и лишь спустя несколько секунд осознаю всю нелепость, если не сказать – дерзость, его замечания. Какой к чертовой матери символизм? Двое погибло, один чудом выжил... Поворачиваюсь, чтобы хорошенько ему возразить, но в ответ опять добрая улыбка:

– Да шучу я, не напрягайтесь... Я к тому, что девушка из-за вас ездит ночью одна и попадает в аварии, а вы на ней не женитесь.

Видя, что я не отвечаю на его извращенное сочувствие и только пуще закипаю, он резко идет на попятную:

– Да ну ладно, глупость сморозил. Бывает. К тому же, не мое дело. Извините... Спокойной ночи.

Быстрым шагом он уходит к своему оверкару. У самой двери оборачивается, его нахмуренный лоб мигает в отсветах полицейских огней, но смотрит он не на меня, а куда-то вверх. Потом он исчезает внутри, стрелой взмывает и облетает пробку по большому радиусу.

Странный и весьма неприятный тип. Полез с нравоучениями обсуждать чужую личную жизнь, как какой-нибудь футбольный матч. Вовремя смотался, а то, не ровен час, засадил бы ему по фигуристу носу...

Оборачиваюсь – навстречу уже идет Дженнифер с сумкой на плече. Я дожидаюсь ее у ленты и сразу заключаю в объятия. Чувствую, как ее остренькие пальцы сжимаются у меня на спине. Страх потерять как будто делает ее роднее. Час назад я и всерьез ее не воспринимал, а теперь хочется заботиться о ней, быть ей каменной стеной, сильным плечом...

– Все в порядке? Мы можем уехать отсюда?

– Да.

– Больше ты от меня сегодня не сбежишь!

Пока я сдаю задним ходом по обочине, к месту аварии с неба подлетают еще три оверкара необычной формы. Под их прожекторами полотно асфальта становится как белый лист. «Паки», – констатирует Дженнифер. Не иначе. Оверкары двухэтажные, с пулеметами и пушками, торчащими с боков, страшные и стремительные, как ракеты. «Летим отсю-

да», – шепчет она. Я без лишней спешки разворачиваю оверкар, перелетая грузовики, и беру обратный курс.

Мы едем до неприличия аккуратно и медленно. Как будто поставарийный стресс у меня, а не у Дженнифер. Сама она сидит в оцепенении и болезненно улыбается в пространство.

Я не начинаю разговоров про ее внезапный отъезд, хотя и распирает устроить новый допрос и заодно прочесть пару нотаций о том, как ездить по ночам по серпантину после бутылки вина. Почему мне хочется это сделать? Если бы на ее месте была, скажем, та Дарси... или Дарби, с которой год назад мы пару раз повстречались, стал бы я читать нотации? Да, похоже, что стал бы. Похоже, дело во мне.

– Завтра позвоню знакомому жестянщику, – говорю я, как могу непринужденно. – Поглядит, что как; может, и выправят твоего красавца, чтоб новый не покупать.

Дженнифер поворачивается и долго смотрит.

– Ты хороший... Хочешь устроить расспросы, но молчишь... Ну, разве тебе совсем не интересно?

– Сказать честно, небезынтересно.

– Будем считать, что у меня пунктик, – передумывает она, отвернувшись.

– А в трубочку ты дышала?

– Тысяча долларов штраф, – вздыхает она. – Хоть вел автопилот, и промилле всего ноль пять... Раз авария, пусть не я виновата, – не больше ноль двух. Поделом мне.

Мы молчим. Внезапно ее передергивает.

– Не могу, это кошмар! Я спать не буду. Люди погибли...

Если бы я, дура, не уехала, то они сейчас были бы живы.

– Ты же не виновата.

– Все равно, как себе это простить?

– Перестань. Ты вообще ни при чем. Ты там случайно оказалась. Радуйся, что сама осталась жива.

Дженнифер всхлипывает. На пути очередная шпилька, которую я прохожу с подчеркнутой осторожностью, как будто сдаю на права.

– А все-таки как все произошло? – не выдерживаю я.

Она всхлипывает снова.

– Этот черный ехал за мной... от самого твоего поселка гнал за мной и подбирался все ближе. В конце он уже дышал мне в затылок, я готовилась после следующего поворота притормозить, чтобы он обогнал. Он меня напрягал... Но из-за поворота вылетели две пары огней, и я помню, как подумала только: «Всё». Даже не пыталась ничего сделать, даже не промелькнула мысль, куда я могла бы уйти. Да я, кажется, и не тормозила... Потом я зажмурилась, сзади оглушительный грохот, взрыв, меня со страшной силой толкает вперед, вдавливая в сиденье, кренит и начинает колотить о столбики. Тут я, умница, нажимаю на тормоз, а вот штурвал отвернуть от столбов – нет, на это ума не хватило. Удар за ударом, меня вертит на триста шестьдесят градусов, бьет разными бортами, крутит, потом – бац, в лоб выстреливает подушка, и вот я уже стою...

Она рассказывает взахлеб, почти не делая пауз. Всхлипывает все сильнее, и, наконец, начинается истерика. Я оста-навливаю оверкар на обочине на длинном перегоне, обнимаю ее, встряхиваю ее голову, целую, бью по щекам. Понемногу она успокаивается и трет руками мокрое лицо. Я пускаю в ход стародавние бумажные салфетки, найденные в бардачке. Мы продолжаем путь.

Минут через пять молчания меня вдруг осеняет:

– А почему прилетели паки?..

Дженнифер пожимает плечами и роется в сумке. Извлекает оттуда файл с распечатками бумаг, которые заполняла для полиции. Кроме бумаг, в этом файлике оказывается флешка. Дженнифер достает ее и протягивает мне.

– Это из моего видеорегистратора. Можешь посмотреть, как все было. Я не могу, мне страшно.

Я прячу флешку в карман и смотрю на Дженнифер. Измученная, она заталкивает все обратно в сумку и со стуком облачивает голову на дверную стойку. Остаток пути мы проводим в полном молчании.

Дома я без лишних сантиментов даю ей коньяку и укладываю спать туда же, откуда она сбежала. Мы почти не разговариваем, только уже лежа в постели Дженнифер берет меня за руку и шепчет:

– Спасибо тебе, что не бросаешь меня. Я очень тебе благодарна.

– Обещай мне, что будешь сдерживать свой пунктик, –

говорю я строго.

– Обещаю... Поцелуй меня.

Я исполняю ее волю и желаю спокойной ночи. Уходить не хочется. Хочется лечь рядом и заснуть с ней в обнимку, придавив тяжелой рукой. Впрочем, вдвоем на узкой кровати не поспишь, затолкаем друг друга... Я с минуту стою в дверях и люблюсь, как Дженнифер засыпает. Потом осторожно выхожу, спускаюсь к компьютеру и вставляю флешку.

На изображении с задней камеры в течение минут семи болтается какой-то оверкар. С каждый поворотом он все ближе. Темный «континенталь» старого образца. Водителя за ореолом от света фар рассмотреть невозможно, но он в салоне один. Когда оверкар подъезжает совсем близко, различается его номерной знак – серия РНQ. И здесь паки?.. Однако теперь хоть ясно, зачем прилетели те – чтобы забрать тело своего сотрудника и расследовать его гибель.

В конце видеозаписи буквально ниоткуда берется нечто огромное, и в следующем кадре – взрыв. Все дергается, горящий клубок оверкаров, как сцепившиеся в схватке коты, стремительно катится прочь с дороги и разваливается в кювете. Я переключаюсь на запись с фронтальной камеры.

Все так, как рассказала Дженнифер: откуда ни возьмись, из-за поворота выскакивает малогабаритная «корреа» и летит по встречке прямо в лоб Дженнифер. Перед самым ее бампером резко взмывает вверх, и далее на видео – отсветы от взрыва и борьба со столбиками.

Я отмотал немного назад. Номерная серия у «корреа» – обыкновенная. Не полиция, не паки. Номер читается отлично, поскольку Дженнифер не успела погасить дальний свет перед поворотом. Четче видится и водитель: он также в салоне один, лицо хмурое, губы крепко сжаты.

По спине холодок. Судорожно ищу кадр, где водитель получился лучше всего, и увеличиваю... Мужественное лицо, напоминающее какого-то артиста или солдата с агитплаката в приемке ПАК.

Чертовщина... Катапультировался он, что ли? А после, такой спокойный, без единой царапины, спрашивал меня про женитьбу... Или то был его хладнокровный брат-близнец, который даже не изображал страданий по погибшему брату...

Да нет, глупости, просто похожее лицо. Очень типичное, каноническое лицо для здешнего края, мало ли таких гуляет вечером по Стратосу... В первые дни в Египте нам все арабы казались одинаковыми. Однажды чуть не пристрелили своего араба, приняв его за исламиста. Наверняка и им наши хмурые обгорелые лица казались неразличимыми, словно на одной фабрике штампованными.

Поглядев на каноническое лицо еще минуту и не родив новых идей, решительно захопываю ноутбук. Глаза слипаются. Довольно загадок на ночь. С далекого спутника скачиваю на планшет свои записи сна, чтобы сверить разговор с Розой и добавить деталь про старуху, пока свежо в памя-

ти. Железно необходимо это зафиксировать, торможу я себя по привычке, начиная клевать носом...

Глава вторая

У моего сна нет начала. Есть отчетливая картинка, которую я счел хронологически наиболее ранней и поставил в начало своих записей. Были и более ранние, но слишком обрывочные.

Каждый раз сон начинался с разных мест без всякого предисловия. Он приходил когда-то чаще, когда-то реже, то с точными перерывами, то с годичными. Яркие картинки, вначале принятые мною за осознанное сновидение из-за непередаваемой реалистичности, вторгались в воображение безапелляционно, фотографически, не допуская разночтений.

Однажды картинки стали повторяться, и с тех пор год за годом, как прилежный реставратор, осколок к осколку, буква к букве, я складываю их в единую мозаику. С каждой новой деталью она обретает все больше смысла сама по себе, однако смысл этот имеет все меньше отношения ко мне.

*

Снаружи, за стеной старого панельного дома – мой родной и любимый город. Ранняя майская жара. В воздухе запах солнца, пыли и нагретого паркетного лака. На полу – солнечные дорожки от балконной двери. Шторы на окне распахну-

ты. Я разлипаю глаза ото сна – разбудил меня колючий солнечный зайчик от окон дома напротив.

Кажется, заснул я с рассветом. Первую половину ночи потратил на попытки взять приступом свои ряды Фурье, а вторую – на чтение всякой мотивирующей ерунды. Если же по честному, без попыток оправдать себя – то была не мотивирующая, а самая обычная ерунда. Начнется с пары обзоров каких-нибудь новых звуковых анализаторов; потом – статья от Новикова к его диссеру; потом форум нашего НИИ, где пускают шпильки в адрес Новикова и его лаборатории; чей-то блог с самокопаниями и фотками горных видов; статья о том, как кто-то с нуля создал IT-компанию; волнение говн в комментариях, и вот уже оказывается, что это волнение в совсем других комментариях, а статья – про сетевой маркетинг и заработок без капитала... Где-то тут я поднимаю голову и вижу предрассветные сумерки, сокрушаюсь, что ночь безвозвратно прошла и ковыляю в постель... Так проходит моя обычная ночь, и вряд ли сегодня было иначе.

С края стола один на другой навалены листы бумаги, исписанные аккуратным почерком – моим. Сплошь полиномы безумной степени и мои жалкие попытки их упростить; почему-то над этим унылым занятием я могу провести вечер напролет.

Ногой задеваю пивные бутылки, стоящие у кровати еще с субботы. Когда звенят бутылки – значит, приближается праздник, так считает мой мозг. Надо бы прибраться, раз

сегодня вечером надеюсь кое-кого к себе привести. Солнце светит в глаза, я щурюсь и улыбаюсь. Мы с ним знаем, что сегодня тот самый день, когда я приведу к себе Майю. Не сгладить бы...

Я стал в семидесятый раз представлять, как она придет, куда сядет и как будет на меня смотреть. Конечно, у нее будут горящие глаза и она страстно закусит губу. Как-нибудь уж я этого добьюсь. Буду неотразим и обаятелен. Она будет сидеть в летнем платье, красиво положив ногу на ногу, и смеяться всем без исключения моим искрометным шуткам и заигрываниям. Чем дальше буду ее развлекать? Поставлю музыку, попсу какую-нибудь, скажем, Мадонну. Притащу бутылочку вина... Вина не забыть купить! Какое она любит? А, все равно не угадать, возьму крымского сладкого, что попадется под руку... Ну а потом...

Я раскрыл шкаф и увидел себя в зеркале, которое висит с задней стороны дверцы. Поникшие веки, угрюмый взгляд, на голове черт те что, сам бледный как унитаз. На торсе куцые волосишки, руки тонкие, пресс еле просматривается. В качалку бы сегодня днем сходить, чтобы мышцы раздуло, хоть так...

*

На остановке пыльно, жарко, взрывают автобусы, обдавая вонью солярки. В павильончике сидят, сгрудившись,

толстые тетушки с авоськами и обмахиваются сканвордами. Стоящий рядом старик в засаленном пиджаке, накинутом на плечи, ораторствует что-то про пенсию и злодеев-американцев. Тетушки смотрят в сторону и изредка ему возражают, отчего он только пуще заводится. Поодаль под солнцем стоят две студентки-младшекурсницы, грациозно сгорбившись под большими сумками через плечо, и смотрят куда-то вдаль. Обе в огромных темных очках.

Поднимается ветерок. Подъезжает мой автобус, номер 19, изрядно набитый разномастным народом. Я шагаю на ступеньку, упираюсь в чью-то широкую спину с пятнами пота и оборачиваюсь. На вход в автобус выстроилась небольшая очередь, в хвосте которой переминаются эти две студентки и о чем-то болтают; до меня долетает лишь мат через слово. Это у них в ходу: в их нежном возрасте хочется быть похожей на всех одновременно – и на роскошных девиц с плакатов Джейсона Брукса, и на Линдси Лохан, да к тому же необходимо слыть «своей» в компании друзей-гопников.

Вдалеке за безмозглыми головами девушек – гастронорм, дрожащий в нагретом воздухе. Я же забыл купить вино...

*

На кафедре все по-старому. Пахнет клееной мебелью, день за днем выгорающей на солнце. Кто-то стучит по доске мелом. У входа, конечно, натыкаюсь на испуганного студен-

тика, который спрашивает меня про Виталия Витальевича. Понятия не имею, когда он будет сегодня и будет ли. Понятия не имею, можно ли с ним связаться. В глубине кабинетов слышен протяжный скрипучий голос Николая Дмитриевича; он говорит по телефону на своем уморительном ломаном английском.

– ...ай вилл би эт май офис эт... э-э... хаф паст фо... плиз кам²⁷.

За изгородью нагроможденных друг на друга книжных полок и коробок из-под оргтехники вижу у доски Колю Винокурова. Останавливаюсь послушать, чем наше комнатное светило пичкает аспирантов. В нелетней болотного цвета рубашке и пепельно-серых от мела штанах (с начесом, надо думать) он, высунув язык, строчит формулы. Перед ним на едва живых стульях времен холодной войны сидят Миха Алексеев, Андрей Проценко, пара аспирантов – прилично одетый и ухоженный парень и миловидная девушка, имен которых я не знаю, и сам Пал-Василич Новиков. Аспиранты лихорадочно переписывают все, что появляется на доске, себе в блочные тетради. Миха и Андрей сидят, откинувшись, и просто смотрят. Перед ними стоят полупустые чайные чашки со столетним налетом и вскрытая пачка миниатюрных круассанов с повидлом. Новиков уткнулся в ноутбук, на экране открыта почта. Сидит он на «троне» – причудливом кресле дореволюционных лет, которое перекочевало

---

²⁷ От англ., искаж.: «Я буду у себя в кабинете в половину пятого. Приходите».

к нам из Дома культуры, а туда попало, по-видимому, с дачи разоренного дворянина средней руки. Новиков сидит на нем не величия ради, а оттого, что больше сидеть не на чем.

Стук мела и скрип стульев, наконец, прерывается шепелявой речью Винокурова:

– А это уравнение имеет единственное решение в общих предположениях. Таким образом, нам осталось рассмотреть всего два случая...

– В общих предположениях – это когда несущий сигнал описывается гладкой функцией? – перебивает Проценко и усмешается. – Как-то слишком сильно.

Винокуров откладывает мел:

– Нет, не сам несущий сигнал, а функция, которой он аппроксимируется. На практике зачастую он хорошо аппроксимируется полиномом.

– Например, азбука Морзе, – поддевает Миха, – она отлично аппроксимируется полиномом!

Проценко смеется. Аспиранты замерли и озираются в непонятках. Зря, что ли, все записывали?

– Вы вообще слушали или нет? – подает голос Новиков. – Коля же сказал в самом начале, что американцы под несущей функцией понимают немного другое, ткскть, уже преобразованный сигнал.

– Спасибо, Паша, – заискивает Коля. У него одного поворачивается язык называть шестидесятилетнего Новикова Пашей (как тот всем представляется, молодясь на американ-

ский манер). Остальные приличные люди обращаются к профессору по имени-отчеству.

– Ты бы тогда и не называл ее несущей функцией, – говорит Проценко Коле. – Только всех путаешь.

– Слушайте, – кипятится Коля, – я пересказываю статью, как она есть. Там введено это понятие, и тут я тоже его вводил, – он оборачивается к доске и с ходу тычет в левый угол. Там под двумя или тремя слоями полустертых формул проглядывает нечто, взятое в рамку.

Аспиранты роются в своих записях и что-то вписывают.

– Статья хорошая, предложенное решение оригинальное, – увещевает Новиков. – Видите, аналитический вид, диффур второго порядка... Что за журнал, Коля?

– «Электроник дайджест», февральский.

– Неформатно для них, – вставляет Проценко многозначительно.

– Там такое иногда проскакивает, – отвечает ему Новиков, – и посему советую его, ткскть, вентилировать. Коля, продолжайте.

Коля поворачивается к доске, попутно вытерев что-то рукавом, и возобновляет рассказ о «двух случаях».

– А интеграл там у тебя – криволинейный, что ли? – перебиваю его я. – Почему пределы одинаковые?

Коля замолкает и всматривается в остатки интегрального уравнения, с которого, видимо, все началось. Чешет в запылке, где уже образовалось заметное меловое пятно от про-

шлых почесываний.

– Нет, это я тут не перенес, – задумчиво мямлит он. – Тогда и дальше давайте проверим... Результат же вроде верный...

Он тщится разобраться в своих многослойных формулах, но такое под силу лишь опытному криминалисту. Поэтому он выхватывает у аспиранта конспект, быстро его пролистывает и с возгласом «Ага, вот!» – снова строчит по доске, не стерева предыдущее.

Девушка-аспирантка торопливо что-то зачеркивает и переписывает у себя, а парень сидит с раскрытым ртом – его тетрадь Коля похитил. Проценко и Миха оборачиваются на меня и одобрительно кивают.

Покончив с правками, Коля вновь делает попытку вернуться к «двум случаям».

*

В моем кабинете душно. Окна задраены, в воздухе затхлое дыхание кондиционера. Выдались необычно жаркие деньки этой весной, то ли еще будет летом.

На столе – нагромождение бумаг, черновиков, кусков блочных тетрадей, брошенных распечаток с чистой обратной стороной – все, на чем мне приходилось писать свои сочинения в последние месяцы. У входа накрыт чьим-то старым, протертым до дыр пиджаком энцефалограф, рядом с ним

на тумбочке – вавилонская башня из осциллятора, блока питания, печатающего устройства с дюжиной замерших игл на миллиметровке и еще пары вовсе древних устройств. Напротив них белоснежным дерматином презрительно сверкает лабораторное кресло. Оно, по сравнению с допотопными приборами, как пришелец из будущего. Его я на днях упер у Михиных знакомых медиков, тащил по улице из первого корпуса, чуть не сдох.

Кресло мне понадобилось для большего спокойствия подопытного во время снятия энцефалограммы. Раньше единственным подопытным был я, и хватало обычного стула. Теперь в роли испытуемых бывают мои коллеги, а им подавай трон, как у зубного.

Первоначальные свои гипотезы я проверял на базе десятка энцефалограмм разных людей. Нагнетал на них страху или, наоборот, сладостными речами наводил умиротворение, а потом пытался найти в их волнах что-нибудь общее. Хотел вычленить какой-то универсальный код, язык, алфавит – но ничего не вычленилось.

Начал с линейной регрессии, приближал полиномами, в которых искал (большей частью обычной подгонкой) общие компоненты. Пробовал даже факторный анализ и нейронные сети в тандеме с Колей, по большому настоянию Николая Дмитрича, но только ни Коля, ни нейросети ничем не помогли. Посему вернулся к полиномам. Неделю назад пробовал добавлять в них разные дифференциальные ком-

поненты, а с позавчерашнего дня пробую и интегральные. Идет эдакое нащупывание того, не знаю чего. Подбирать подобные компоненты можно бесконечно, насколько хватит фантазии.

Сегодня вот в планах – очередные три идеи. Страшный многоэтажный интеграл и два дифференциала второго порядка попроще. Поочередно запускаю на компьютере аппроксимацию численным методом и затем терпеливо препарирую полученный полином...

За этим вгоняющим в транс занятием пара часов пролетают, как пять минут. Солнце через окно методично жарит спину. Грудь обдувает неистовствующий кондиционер. Спереди я замерз, а сзади давно в поту.

Заходят Николай Дмитриевич и Коля, обсуждают новую совместную статью (которую по дедовщинной справедливости писать будет Коля). Николай Дмитриевич не в лучшем настроении, критикует Колю за какие-то «откровенные глупости», один очевидный случай рассмотрен «спустя рукава», а вводную часть вообще «ни одна живая душа не поймет». Статья «никуда не годится», однако ж у Коли довольный вид, он приторно любезничает и держит в вытянутой руке диктофон. Примерный ученик, ни дать ни взять. Похоже, критика не столь уж серьезна, сколь эмоциональна.

Николай Дмитриевич закругляется с наставлениями и уходит, напоследок велев выслать черновик статьи Небойше Малковичу. Есть у него такой польский коллега, и, вооб-

ще говоря, это самый верный знак того, что статья почти готова.

Закрыв за профессором дверь, Коля ехидно усмехается. Он, хоть и отъявленный ботан, и выглядит как обсос, а по натуре страшный карьерист. Как бы между делом поддразнивает меня, что в грядущем сезоне снова он один будет ездить по европам и выступать на конференциях. Когда же, дескать, мы с Проценко подтянемся, ах-ах. Не помочь ли мне чем?

– Опять будешь предлагать метод главных компонент? Или нейросети?

– А вот решающие деревья ты наверняка не пробовал, – говорит он с ноткой покровительственной жалости.

– К твоему сожалению, всё я пробовал, – бормочу я, не отрываясь от формул. – Проверка твоих великолепных идей требует времени и труда, чтобы ты понимал. Не хочется снова упереться в тупик, так что, будь добр, в следующий раз уж как следует поразмысли, прежде чем предлагать.

– Ну а как же, научные изыскания – это тяжелый труд, разумеется... – нравоучительно, как младшему брату, говорит он.

Я в ответ молчу, и он, минуту посидев на краешке стола, уходит. Кто бы говорил, думаю я ему вслед. Есть у меня мнение (его разделяет и Проценко), что ценность научных изысканий Коли едва ли больше нуля, а успехам своим он обязан тому, что многоопытный Николай Дмитриевич чутко улавливает модные в нашей среде течения и держит Ко-

лину халтуру «в тренде». В неформальной беседе Новиков на это мое суждение ответил: «Зависть должна быть продуктивной» (отчего Коля, оказавшийся тут как тут, немедленно загордился), – поэтому больше мы Колю публично не обсуждаем, во благо его же самооценки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.